ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АКЦИЯ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДИКТАНТ

СОСТОИТСЯ

В ОНЛАЙН-ФОРМАТЕ НА САЙТЕ ДИКТАНТА

7 ОКТЯБРЯ

2020 ГОДА

Акция организована Вольным экономическим обществом России при участии Международного союза экономистов, Финансового университета при Правительстве РФ, Московского авиационного института, ведущих вузов РФ, администрации субъектов Российской Федерации и призвана определить и повысить уровень экономической грамотности населения.

Всероссийский экономический диктант входит в программу юбилейных мероприятий, посвященных 255-летию ВЭО России.

Проверить свою экономическую грамотность смогут все желающие на персональном компьютере либо мобильном устройстве, предварительно зарегистрировавшись на сайте Диктанта.

Регистрация участников открывается 7 сентября на сайте Диктанта — https://diktant.org/

АПРЕЛЬ — СЕНТЯБРЬ 2020
FREECONOMY.RU
ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА №14–15

№14–15, апрель — сентябрь 2020

ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

FREECONOMY.RU

ЖУРНАЛ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

МАЭФ-2020 НЕ МОГ НЕ СОСТОЯТЬСЯ

ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ ВСЕ ВЗОРЫ БЫЛИ ПРИКОВАНЫ К НАУКЕ

MAEF 2020 WAS ALWAYS A CERTAINTY ALL EYES WERE ON SCIENCE DURING THE PANDEMIC

СТР. 10

НЕФТЯНЫЕ ДРЯЗГИ

НИКУДА ВЫ БЕЗ НЕЕ НЕ ДЕНЕТЕСЬ (ПОКА)

OIL SQUABBLES YOU CAN'T LIVE WITHOUT IT (FOR NOW)

СТР. 118

АКАДЕМИКУ АБАЛКИНУ 90

ПЕРВОМУ СТРАТЕГУ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

ACADEMICIAN ABALKIN, POST-SOVIET RUSSIA'S STRATEGIST NO. 1, IS 90

СТР. 124

ФРОНТМЕН НОМЕРА

РУСЛАН ГРИНБЕРГ – НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РАН ОБО ВСЕМ НАСУЩНОМ

THIS ISSUE'S FRONTMAN RUSLAN GRINBERG, DIRECTOR OF RESEARCH, INSTITUTE OF ECONOMICS, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES OF ALL THINGS VITAL

СТР. 94

ОБРАЗОВАНИЕ и здравоохранение ПОСЛЕ КРИЗИСА

СТР. 100

ПОСТКОВИДНЫЙ МИР:

РЕАЛЬНОСТЬ, ПРОГНОЗЫ, ПРОБЛЕМЫ

POST-COVID WORLD: REALITY, FORECASTS, PROBLEMS

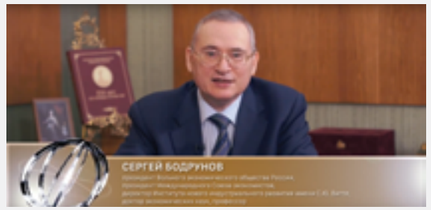
Цикл авторских передач
Вольного экономического общества России

ДОМ «Э»

На телеканале ОТР

С октября 2016 года в федеральной сетке вещания на канале Общественного телевидения России еженедельно по субботам выходит в эфир передача Вольного экономического общества России «Дом "Э"».

«Дом "Э"» — это открытый диалог с ведущими экспертами, известными учеными, экономистами-практиками, государственными и общественными деятелями.



Автор и ведущий — Сергей Бодрунов, президент Вольного экономического общества России.

Цель цикла передач – обсуждение приоритетных проблем национальной повестки, повышение экономической грамотности населения. Дискуссионные темы передач посвящены актуальным вопросам социально-экономического развития России.

Subscribe

SUBSCRIBE TO FREE ECONOMY

(FREECONOMY.RU)

Free Economy's index
IN THE CATALOG OF THE RUSSIAN PRESS IS 24513

A special place in the media space. An authoritative magazine for authoritative people who make decisions in the economic sphere.

Free Economy is available by subscription at any Russian Federation post office or online at http://vipishi.ru

Interviews, news and analytics published in print version of the magazine as well as numerous additional materials are available at

freeconomy.ru

PROCEEDINGS OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA

The index of The Proceedings of the Free Economic Society of Russia in the Catalog of the Russian Press is ГР999

Since 2003, The Proceedings of the Free Economic Society of Russia have been included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications tasked with publishing main scientific results of candidate's and doctoral dissertations.

articles published in the Proceedings are represented within the Russian science citation index(RSCI) system and the science electronic library, elibrary.ru (SEL)

works published in the procidings are granted with the international identifier doi, are indexed in international data bases; CrossRef, CyberLeninka, GoogleAcademy

the issues of the proceedings are available on the site of the veo of russia (veorus.ru)under the topic library.

V

(ЮБИЛЕЙНОЕ)

ВСЕРОССИЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ

СОСТОИТСЯ 11 НОЯБРЯ 2020 ГОДА

посвященное 255-летию Вольного экономического общества России и профессиональному празднику «День экономиста»

ТЕМА СОБРАНИЯ 2020: «НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ РАЗВИТИЯ: СТРАТЕГИЯ УСПЕХА».

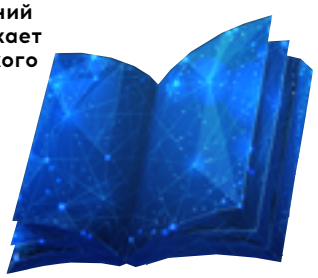
Всероссийское экономическое Собрание, общероссийская высшая общественная экономическая премия «Экономист года» и общественная премия «Экономическая книга года» – главные события цикла мероприятий ВЭО России, связанных с празднованием Дня экономиста.

ПРЕМИЯ «ЭКОНОМИСТ ГОДА – 2020»

Премия «Экономист года» – главная награда для российского экономического сообщества, которая приурочена к профессиональному празднику «День экономиста», учреждённому на основе Распоряжения Правительства России.

ПРЕМИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КНИГА ГОДА – 2020»

Премия учреждена с целью поиска лучших изданий по экономике и поощрения их авторов и продолжает традиции Императорского Вольного экономического общества.



На соискание премии выдвигаются издания по экономике, написанные на русском языке, а также переводные издания, в оригинале написанные на иностранных языках, вышедшие в свет в печатном и (или) электронном форматах и входящие в одну из следующих категорий: монографии; учебники и учебные пособия; издания научно-популярного характера.

Прием документов на соискание Премий «Экономист года – 2020» и «Экономическая книга года – 2020» осуществляется с 1 июля по 4 октября 2020 года.

Следите за новостями на сайте – www.veorus.ru

See below for the English version of the article

ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Главный редактор

Сергей Дмитриевич БОДРУНОВ
Президент ВЭО России,
президент
Международного союза экономистов,
директор Института нового
индустриального развития
имени С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

Журнал издается под патронажем Международного комитета ВЭО России

Шеф-редактор *Андрей Прокофьев*
Арт-директор *Егор Морозов*
Контрольный редактор
Наталья Медведенко
Над номером работали
Сергей Брель, Кира Камнева, Ольга Ремова, Алексей Савин, Андрей Смирнов, Марина Тальская, Надежда Толстоухова, Андрей Травин
Фото: Shutterstock, если не указано иное
Издатель и редакция
Общероссийская общественная организация
«Вольное экономическое общество России»
Адрес: Москва, ул. Тверская, 22а
Редакционный директор
Маргарита Ратникова
Директор по развитию
Анна Бобина
Телефон: *+7 (495) 609-07-60*
Электронная почта: *INFO@VEORUS.RU*
№ 14–15 *(апрель — сентябрь 2020)*
Свидетельство о регистрации СМИ
в Роскомнадзоре — ПИ № ФС 77-76033
от 24.06.2019
Учредитель С. Д. Бодрунов
Подписано в печать *4.09.2020*
Выход в свет *10.09.2020*
Тираж 3000 экз.
Отпечатано в типографии «ИСПО-принт».
Адрес: Москва, ул. Щипок, 28
16+
Свободная цена

Редакционный совет журнала «Вольная экономика»

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ
Вице-президент ВЭО России, министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (ЕАК), академик РАН

А. Н. КЛЕПАЧ
Член Правления ВЭО России, главный экономист Внешэкономбанка, заведующий кафедрой макроэкономической политики и стратегического управления экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, заслуженный экономист РФ

Р. С. ГРИНБЕРГ
Вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН

Ю. В. ЯКУТИН
Вице-президент ВЭО России, научный руководитель ЗАО «Издательский дом “Экономическая газета”», заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор

В. И. ГРИШИН
Вице-президент ВЭО России, ректор Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, д. э. н., профессор

М. А. ЭСКИНДАРОВ
Вице-президент ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», академик Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор

А. А. САВИН
Заместитель главного редактора «Российской газеты», заслуженный работник культуры Российской Федерации

Д. Е. СОРОКИН
Вице-президент ВЭО России, руководитель Научного совета ВЭО России, член-корреспондент РАН

А. Д. НЕКИПЕЛОВ
Вице-президент ВЭО России, директор Московской школы экономики МГУ имени М. В. Ломоносова, академик РАН

INFORMATION ON THE JOURNAL FREE ECONOMY

Chief Editor:

Sergei Dmitrievich Bodrunov, President of the VEO of Russia, president of the International Union of Economists, director of the S.Yu. Witte Institute of New Industrial Development, expert of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

The magazine is published under the patronage of the International Committee of the VEO of Russia

Managing editor: *Andrei Prokofiev*
Art Director: *Yegor Morozov*
Corrector: *Natalia Medvedenko*
The issue was made with participation of:
Sergey Brel, Kira Kamneva, Olga Remova, Alexey Savin, Andrey Smirnov, Marina Talskaya, Nadezhda Tolstoukhova, Andrey Travin

Photos: *Shutterstock, if not stated otherwise*
Publisher and editorial board:
All-Russian non-government organization Free Economic Society of Russia.
Address: 22a Tverskaya Street, Moscow

Editorial Director:
Margarita Ratnikova
Development Director:
Anna Bobina
Telephone: +7(495) 609-07-60
Email: Info@VEORUS.RU
№ 14–15 (April — September 2020)
Mass media registration certificate in Roskomnadzor - MI # FS 77-76033 from 24.06.2019
Founder: S. D. Bodrunov
Signed off for printing 4.09.2020
Released: 10.09.2020
Print run: 3000
Printed at ISPO-print shop
Address: 28 Shchipok Street, Moscow
16+
Free price

Editorial Board

S. Yu. Glaziev
Vice President of the VEO of Russia, head of the Academic Council of the VEO of Russia, Research Director of the Financial University under the RF Government, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences

A. N. Klepach
Member of the Board of the VEO of Russia, Chief Economist at Vneshekonombank, Chief of Department of Macroeconomic Policy and Strategic Management of the Economic Faculty of the Lomonosov Moscow State University, honored economist of the Russian Federation

R. S. Grinberg
Vice President of the VEO of Russia, Research Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences

Yu. V. Yakutin
Vice President of the VEO of Russia, Research Director of the Economic Newspaper Publishing House, honored science worker of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor

V. I. Grishin
Member of the Presidium of the VEO of Russia, Rector of the Plekhanov Russian Economic University, Doctor of Economics, Professor

M. A. Eskindarov
Vice President of the VEO of Russia, Rector of the Financial University under the RF Government, Academician of the Russian Academy of Education, honored science worker of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor

A. A. Savin
Deputy Chief Editor of Rossiiskaya Gazeta, honored science worker of the Russian Federation

D. E. Sorokin
Vice President of the VEO of Russia, head of the Academic Council of the VEO of Russia, Research Director of the Financial University under the RF Government, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences

A. D. Nekipelov
Vice President of the VEO of Russia, director of the Moscow School of Economics of the the Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Sciences

See below for the English version of the article

«ПОСТПАНДЕМИЧЕСКИЙ МИР И РОССИЯ: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?»

Уважаемые читатели!

Мир, как мы уже неоднократно констатировали задолго до пришедшей в этом году пандемии коронавируса, сейчас претерпевает глубокие, глобальные изменения. Современная рыночная модель экономики демонстрирует все признаки своего исчерпания и требует глубокой трансформации, а то и полной смены парадигмы развития. Как отмечает нобелевский лауреат по экономике Джозеф Стиглиц в интервью, опубликованном в журнале Вольного экономического общества «Вольная экономика», вышедшем специально к нашему Московскому академическому экономическому форуму, эта форма (цитирую) «приводит к весьма неприятным явлениям — вспомните хотя бы неравенство в мире, которое только растет и ширится».

И действительно, в течение последних десятилетий мы наблюдаем сильнейшую за всю новейшую историю поляризацию доходов, причем не только между богатым мизерным процентом населения и все более увеличивающимся в размерах и глубине нищеты основным населением, но и между странами, и этот разрыв постоянно увеличивается. При этом ускоренные темпы роста экономики, успехи технологического развития и т. п. далеко не пропорционально трансформируются в повышение жизненного уровня людей, а глобально, более того, влекут за собой усиление несправедливости в распределении плодов этого роста.

Это, безусловно, связано с базовым свойством рыночной экономики, присущим ей в принципе, поскольку доходы богатой части населения могут быть увеличены только за счет основной страты потребителей, которая платит за общественный продукт и которой платить всё более нечем. Это — базовое противоречие такой модели удовлетворения общественных потребностей, которое основано на максимизации прибыли как главном результате деятельности; оно неизбежно приводит эту модель в состояние, чреватое всё большим напряжением и усилением негативных явлений в мире.

Нынешний кризис мировой экономики, триггером, спусковым крючком и акселератором которого стала пандемия, высвечивает эти противоречия более ярко. Но — не только высвечивает. Он ускоряет многие процессы и тенденции и в экономическом развитии, и в нашем осмыслении путей разрешения не только текущих проблем, но и способов трансформации нынешней модели жизни людей, устройства общества.

Специфика пандемии, требующая новых моделей поведения (удаленно-дистанционное общение и онлайн-образование, усиление тенденций внедрения робототехники и безлюдных технологий в индустрии, солидарность и более социально ответственное поведение как в сфере производства общественного продукта, так и в обычной жизни, в быту, и многое-многое другое), — эта специфика не только отразится на будущей нашей жизни, но и подтолкнет многие процессы: продвигающие нас в общественном бытии — к новому типу, новой генерации индустриального общества, а в сфере общественного производства и удовлетворения реальных потребностей людей — к трансформации нынешней экономической парадигмы развития к ноономике, предполагающей более социализированный тип производства и распределения общественных благ. Тот же Стиглиц отмечает все более острую необходимость и «желание найти лучший подход к управлению структурой экономики».

Еще до начала нынешней пандемии на экономическом форуме в Давосе эти вопросы поднимались ведущими экономистами мира. Идет поиск индикаторов обновления нынешней экономической парадигмы развития, сопровождаемый констатацией неадекватности принятых ныне показателей экономического развития (к примеру, ВВП) и необходимости принятия индексов, лучше отражающих реальное удовлетворение реальных потребностей людей — более равного доступа к образованию и сохранению здоровья, более справедливого распределения доходов, достойного уровня социальной защищенности. Именно такие показатели, а не простой рост валового продукта, всё больше определяют зрелость общества, его продвижение по пути общественного и социального прогресса.

Все эти вопросы актуальны и для нас, нашего, российского общества и нашей экономики. Именно на это обратил внимание в своем недавнем обращении к гражданам страны президент России, подчеркнув важность усиления нашего движения к достижению национальных целей развития, предполагающих повышение уровня социального развития, социальной справедливости.

Каким будет мир после пандемии? Какова будет новая реальность и будет ли она? Какие тенденции мы будем наблюдать? Каковы будут роль и место России в этих процессах в постпандемическом мире?

Сергей Бодрунов
Главный редактор
журнала «Вольная экономика»

See below for the English version of the article

Колонка редактора

«POST-PANDEMIC WORLD AND RUSSIA: A NEW REALITY?»

Dear readers:

The world, as we repeatedly stated long before this year's coronavirus pandemic, is undergoing profound, global changes. The modern free market economy model shows all signs of exhaustion and requires a deep transformation, or even a complete overhaul of its development paradigm. As noted by the Nobel laureate in economics Joseph Stiglitz in an interview to Free Economy, the Free Economic Society's magazine, in the issue specifically devoted to our Moscow Academic Economic Forum, this form (I quote) «leads to very unpleasant phenomena — just take the global inequality that only grows and expands».

Indeed, over the past decades we have witnessed the strongest income polarization in the whole of the recent history, and not only between a small percentage of wealthy population and the main population with its poverty ever increasing in size and depth, but also between countries, and this gap is constantly widening. At the same time, the accelerated rate of economic growth, the success of technological development, etc. are far from being proportionally transformed into an increase in people's living standards; globally, they bring about increased inequality in the distribution of the products of this growth.

This is undoubtedly connected with the basic inherent feature of the market economy, since the incomes of the wealthy portion of the population can be increased only at the expense of the main stratum of consumers which pay for the social product and which have less and less money to pay with. It's the basic contradiction of a model of satisfying social needs which is based on maximizing profit as the main result of activity; it inevitably brings this model into a state where global tensions tend to increase and adverse phenomena to intensify.

The current crisis in the global economy, triggered and accelerated by the pandemic, highlights those contradictions more vividly. But it does not only highlight them, it accelerates many processes and trends in economic development and in our understanding of ways to resolve not only current problems but also the methods of transformation of the current model of human life and the structure of society.

The specific nature of the pandemic, requiring new models of behavior (long-distance communication and online learning, speeding up of the introduction of industrial robotics and unmanned technologies, solidarity and more socially responsible behavior both in the production of the social product and in everyday life, and much, much more) will not only affect our future life but will also push many processes which advance our social sphere to a new type, a new generation of industrial society and, in the social production sphere, shift the current economic development paradigm towards noonomy which assumes a more socialized type of production and distribution of public good. Again, Stiglitz notes an increasingly urgent need and «desire to find a better approach to managing the structure of economy».

Even before the onset of the pandemic these questions were raised at the economic forum in Davos by the world's leading economists. There is a quest for indicators of renewal of the current economic development paradigm accompanied by the admission of the inadequacy of the currently accepted indicators of economic development (for example, GDP) and the need to adopt indicators that better reflect the actual satisfaction of people's real needs — a more equal access to education and health, a more equitable distribution of income, a decent level of social protection. It is those indicators, and not a simple growth of the gross product, that have been increasingly determining the maturity of society, its advancement along the path of social progress.

All these issues are relevant for us, for our Russian society and for our economy. The Russian President drew attention to those issues in his recent address to the citizens of the country, stressing the importance of speeding up our movement towards achieving the national development goals which imply an increase in the level of social development and social justice.

What will the world be like after the pandemic? What will the new reality be like and will there be one at all? What trends will we see? What will be the role and place of Russia in those processes in the post-pandemic world?

Sergey Bodrunov
Editor-in-chief
The Free Economy Journal

содержание

10 МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
ПОСТПАНДЕМИЧЕСКИЙ МИР И РОССИЯ: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ? ОБЗОР, КЛЮЧЕВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

12 CRISIS IS A MOMENT OF TRUTH FOR SCIENCE

22 ЧТО ДУМАЮТ О НОВОМ КРИЗИСЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ ИНОСТРАННЫЕ ЭКОНОМИСТЫ?
ВЫДЕРЖКИ ИЗ КОНФЕРЕНЦИИ ИНСТИТУТА НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ИМ. С. Ю. ВИТТЕ. ОБСУЖДЕНИЕ ТЕОРИИ НООНОМИКИ

28 COVID 19: UNDERSTANDING GLOBAL TRANSFORMATIONS OF THE 21ST CENTURY

34 ЭКСЛИБРИС «ВЭ»
АКТУАЛЬНЫЕ НОВИНКИ. КНИГА ЧЛЕНА МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА ВЭО РОССИИ РАДИКИ ДЕСАИ, УНИВЕРСИТЕТ МАНИТОБЫ, КАНАДА

36 ИНТЕРВЬЮ ПО СЛЕДАМ МАЭФ СОПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФОРУМА СЕРГЕЯ БОДРУНОВА ПОРТАЛУ «НАУЧНАЯ РОССИЯ»

46 SERGEI BODRUNOV: «THIS CRISIS IS WORSE THAN SPANISH FLU»

52 О ЧЕМ ГОВОРИЛИ АКАДЕМИКИ НА ОБЩЕМ СОБРАНИИ РАН?

56 ПЛАН ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ: СРАБОТАЕТ ИЛИ НЕТ?

64 ДАЙДЖЕСТ ПОСЛЕДНИХ СОБЫТИЙ ПАНДЕМИИ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

68 ДРАКОН ДЕРЖИТ УДАР.
ЧЕМУ МОЖНО ПОУЧИТЬСЯ У КИТАЯ?

76 НУРИЭЛЬ РУБИНИ. ТОРГОВЫЕ ВОЙНЫ — ГЛАВНАЯ ОПАСНОСТЬ ПОСЛЕ COVID-19

82 THE MAIN RISK, THE US-CHINA CONFLICT, STILL REMAINS

86 ДЖЕЙМС ГЭЛБРЕЙТ. «ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ МЫ НЕ СПРАВИМСЯ С ЭТИМ КРИЗИСОМ»

90 YES, SOMEONE IS TO BLAME

94 90 ЛЕТ ИНСТИТУТУ ЭКОНОМИКИ РАН
ИНТЕРВЬЮ НАУЧНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ ИНСТИТУТА, ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТА ВЭО РОССИИ, ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА РАН РУСЛАНА ГРИНБЕРГА

100 КАК МЕНЯЕТСЯ ОБРАЗОВАНИЕ В ХОДЕ КРИЗИСА?
НИКТО НЕ ХОЧЕТ НЕЖИВОГО ОБЩЕНИЯ

106 УРОКИ, ПРЕПОДАННЫЕ СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

110 А ОНИ ВЫИГРАЛИ! ОТРАСЛИ, НЕ ПОСТРАДАВШИЕ, А НАРАСТИВШИЕ ВЕС ЗА ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ

118 ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИГРЫ С НЕФТЬЮ
ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ ПРОИСХОДИТ

124 ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ РАН, НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА И НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ВЭО РОССИИ ДМИТРИЙ СОРОКИН О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ — АКАДЕМИКЕ АБАЛКИНЕ

130 «ВЭ» ПОЗДРАВЛЯЕТ

134 ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКИ. ДАТЫ

МАЭФ

«КРИЗИС – МОМЕНТ ИСТИНЫ ДЛЯ НАУКИ»

(из вступительного слова на основной онлайн-сессии МАЭФ 14 мая 2020 г.)

Год назад в здании президиума РАН мы провели первый Московский академический экономический форум и приняли решение сделать его традиционным.

Президент России Владимир Путин поручил правительству представить общенациональный план действий по росту экономики и восстановлению занятости и доходов населения. Мне кажется, будет правильно использовать площадку МАЭФ для того, чтобы сформулировать предложения.

Задача не только в том, чтобы минимизировать человеческие потери и не допустить существенного экономического спада. Речь идет о создании экономики другого качества.

Какие отрасли новой экономики станут драйверами роста? Это важный вопрос для страны. Мы всегда сетовали на то, что мало инвестиций идет в хай-тек. Сегодня очевидно, что только эти инвестиции и смогут обеспечить эффективный выход из кризиса. Телекоммуникационная отрасль будет бенефициаром кризиса. Мы понимаем, что фармацевтическая, медицинская, биотехнологическая промышленность должны быть драйверами экономического роста. Китай умело использует текущую ситуацию и активно распространяет свои научно-технические достижения последних месяцев по миру, экспортируя тест-системы более чем в 80 стран мира, таким образом укрепляя положение мощной научно-технологической державы.

Сейчас все взоры обращены к науке. В какой-то степени для науки это момент истины. Насколько ее организация в разных странах позволит дать ответ. Что такое — этот быстрый мобилизационный ответ? Когда он возможен? Он возможен, когда есть задел. А есть ли в нашей науке задел для того, чтобы быстро ответить? По прошествии нескольких месяцев увидим, как мы сумели среагировать, насколько наши тест-системы и разработки по созданию вакцины будут конкуренты.

Нужно увеличивать роль фундаментальной науки в стране, потому что именно наличие задела дает возможность быстрого отклика. Нет задела, откуда брать результаты, чтобы быстро выбрасывать их в промышленность и медицину?

Важный вопрос — насколько наука имеет возможность быстро реагировать на вызовы кризиса. У Академии наук, к сожалению, сейчас нет организационного ресурса, и даже те предложения, которые мы формулируем, мы не можем быстро доводить до коллективов, чтобы они брались за работу.

Еще один важный момент — правильно сосредоточить в науке финансовые ресурсы, для того чтобы она предложила быстрые, правильные и эффективные решения.

Повторюсь, кризис — момент истины для нашей науки: насколько она эффективно организована, есть ли у нее задел. Насколько эффективно мы, российские ученые, сумели ответить на тот вызов, который перед нами стоит.

Александр Сергеев,
президент РАН, академик РАН,
сопредседатель МАЭФ

MAEF

«CRISIS IS A MOMENT OF TRUTH FOR SCIENCE»

(From the opening speech on the online session of the MAEF. May 14, 2020)

A year ago, we held the first Moscow Academic Economic Forum at the Presidium of the Russian Academy of Sciences Headquarters and decided to make it a regular event.

Russian President Vladimir Putin instructed the government to submit a nationwide action plan to grow the economy and restore employment and incomes. It seems to me that it will be appropriate to use the MAEF platform in order to formulate proposals.

The goal is not just minimizing human losses and preventing a significant economic downturn. It also involves creating an economy of a different quality.

Which sectors of the new economy will become growth drivers? It is an important issue for the country. We have always lamented that little investment goes into hi-tech. Today it is obvious that only those investments can provide an effective way out of the crisis. The telecommunications industry will benefit from the crisis. We understand that the pharmaceutical, medical and biotechnological industries must be the drivers of economic growth. China skillfully uses the current situation and is actively spreading its scientific and technological achievements of the last months around the world, exporting test kits to more than 80 countries, thus strengthening its position as a scientific and technological power.

Now all eyes are on science. To some extent, this is the moment of truth for science. How will its organization in different countries contribute to its ability to find answers? What is quick mobilization response? When is it possible? It is possible when certain groundwork has been laid. Have we laid any groundwork for our science to get quick answers? After several months, we will see how good our response was, to what extent our test kits and vaccine development results will be able to compete.

It is necessary to increase the role of the country's fundamental science because a quick response is possible only if groundwork is there. If there's no groundwork, there'll be no results for quick implementation in industry and medicine.

An important question is to what extent science has the ability to quickly respond to the challenges of the crisis. Unfortunately, the Academy of Sciences lacks necessary organizational resources, and we are even unable to quickly convey the existing proposals to the working teams for implementation.

Another important point is to properly direct financial resources to science to enable it to offer quick, appropriate and effective solutions.

Let me repeat that the crisis is the moment of truth for science: how effectively it's organized and whether any groundwork has been laid for it. How effective have we, Russian scientists, been in responding to the challenges we face?

Alexander Sergeev,
President of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Co-Chair of the MAEF

МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

ПОСТПАНДЕМИЧЕСКИЙ МИР И РОССИЯ: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

Пандемия и карантин вызвали сильнейший мировой экономический кризис. По прогнозам МВФ, падение мирового ВВП составит 4,9%. Для сравнения — в 2009 году это было 0,08%. В России ВВП, по оценкам Минэкономразвития, упадет на 4,8%. Эксперты Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП) прогнозируют, что, даже несмотря на программу антикризисных мер, российскую экономику «все равно с высокой вероятностью ожидает двухлетняя рецессия». Как Россия будет выходить из кризиса и какие возможности он открывает, обсудили участники второго Московского академического экономического форума (МАЭФ), организованного Российской академией наук, Вольным экономическим обществом России и Международным союзом экономистов.

Обзор: Константин Маркелов

ЭКОНОМИКА В МИНУСЕ

Очевидно, что эпидемия будет иметь масштабные последствия для экономики России и мира. Заведующий лабораторией структурных исследований Института им. Т. Е. Гайдара Алексей Ведев подчеркнул, что спад российской экономики неизбежен.

Алексей Ведев

«В марте 2020 года российская экономика столкнулась с тремя шоками. Во-первых, пандемия коронавируса, во-вторых, падение нефтяных цен, в-третьих, падение спроса на российский экспорт из-за снижения темпов роста мировой экономики, перечисленные факторы негативно воздействуют как на внутренний спрос, так и на предложение товаров и услуг», — пояснил экономист.

По оценкам главного экономиста Внешэкономбанка, члена Правления ВЭО России Андрея Клепача по итогам 2020 года при цене 34 доллара за баррель ВВП России упадет на 5%.

Президент ИМЭМО им Е. М. Примакова, вице-президент ВЭО России Александр Дынкин привел похожие цифры. По мнению академика, эпицентр кризиса в реальном секторе экономики и падение ВВП России составит 5,5–6%.

Тем не менее Александр Дынкин отметил, что уже сегодня есть основания для осторожного оптимизма. В частности, прогнозируется, что в 2020 году в России ожидается рекордный урожай зерновых.

Александр Дынкин

«Конечно, если осенью нас накроет вторая волна эпидемии, оценки придется пересмотреть», — добавил академик.

МАЭФ

ПРОГНОЗ АКАДЕМИКА РОБЕРТА НИГМАТУЛИНА

оказался одним из самых пессимистичных: максимальное падение ВВП России в 2020 году может составить 23–25%.

Прогноз научного руководителя Института океанологии РАН имени П. П. Ширшова, члена Правления ВЭО России Роберта Нигматулина был намного пессимистичнее. Максимальное падение ВВП России в 2020 году может составить 23–25%, заявил академик.

Роберт Нигматулин

«Потери ВВП из-за карантинных каникул и остановки работы предприятий мы оцениваем примерно в 7,5%. При цене нефти 30 долларов за баррель экспорт сократится на 15%, потери ВВП за счет снижения экспорта составят примерно 9,5%. И еще 1,5% — это потери вклада инвестиций. Исходя из этих цифр — 7,5, 1,5 и 9,5% — мы считаем, что нас ожидает падение ВВП на 18,5%. В «тяжелом» сценарии — до 23–25%. Это гораздо больше, чем представлено во всех прогнозах», — отметил академик.

Заведующий кафедрой экономической теории и политики РАНХиГС при Президенте РФ академик РАН Абел Аганбегян уверен, что пандемия и нефтегазовый кризис — это полбеды, ситуация усугубляется тем, что текущий кризис наложился на стагнацию.

Абел Аганбегян

«Нужно понимать, что негативные стагнационные тренды продолжают действовать: продолжается депопуляция, сокращение численности трудоспособных россиян, усиливается старение основных фондов, 23% машинооборудования работает дольше срока амортизации, не меняются условия для стимулирования инвестиций», — отметил академик.

СМЯГЧИЛИ УДАР

Без принятия антикризисных мер масштаб сокращения экономики был бы еще сильнее — такой вывод сделал Андрей Клепач. Издержки шока, связанного с распространением коронавируса, и падение цен на нефть большие, но система мер поддержки работает, уверен эксперт.

Андрей Клепач

«Сегодня объем антикризисных мер меньше, чем в 2008–2009 годах, но определенный вклад в поддержание экономики и доходов населения они дадут. По нашей оценке, они уменьшат падение ВВП на 0,6% в этом году и поддержат 1% реальных доходов населения», — пояснил Андрей Клепач.

Однако многие меры заканчивают действовать в течение этого года, что даст откат назад с точки зрения потребления на 2021 год, полагает экономист.

Институт ВЭБ.РФ оценивает антикризисные меры правительства суммарно в 3,4–3,5% ВВП. Это существенно меньше, чем в других странах. Для сравнения: объем антикризисной поддержки в Италии составил 54,6% ВВП, в США — 45,6%, в Германии — 35,4%, в Великобритании — 30,9%, во Франции — 19% ВВП.

Академик Абел Аганбегян убежден, что для выхода из текущего кризиса антикризисных мер недостаточно. Следует изыскать на 2020 год 10 триллионов рублей на поддержку экономики и доходов населения и еще 10 триллионов рублей на 2021 год. Если этого не сделать, мы выйдем из кризиса с падением доходов населения на 5–10%, с удвоенной безработицей, с 30–35 миллионами бедных, полагает ученый.

Академик Роберт Нигматулин считает, что объем антикризисной поддержки должен составить 11% ВВП, или 12 триллионов рублей.

По расчетам академика, если на спасение экономики будет направлена такая сумма, ВВП России в 2020 году упадет на 7,5%. Если на антикризисные меры будет выделено 6 триллионов рублей, падение российского ВВП составит 13%.

«Мы убеждены, чтобы не потерять 2021 год, нужно вкладывать деньги в население — в двигатель экономики, и они принесут их в бизнес», — заявил Робер Нигматулин.

ОТТОЛКНУТЬСЯ ОТ ДНА

По мнению академика Абела Аганбегяна, чтобы перейти к экономическому росту, нужно в первую очередь поднять доходы населения, потому что без этого невозможно увеличить платежеспособный спрос.

Академик подчеркнул, что 65% бедных в России — это работающие люди и еще 7% — пенсионеры, и предложил поднять минимальную заработную плату с 12,1 тысячи до 20 тысяч рублей, установить пособие по безработице в размере 60% от зарплаты (но не выше 30 тысяч), увеличить размер пенсии и предоставить женщинам возможность выходить на пенсию в 55 лет, а мужчинам — в 60 лет. По оценкам ученого, на это потребуется около 4 трлн рублей.

«Нужно перейти к прогрессивной шкале налогообложения, — добавил академик, — к примеру, с зарплаты до 30 тысяч не брать налог, с зарплаты до 80 тысяч платить 13% налога, а от 80 до 120 тысяч — 20%, но 20% налога должна облагаться только сумма от 80 до 120 тысяч. Причем, если вы имеете на иждивении людей, не имеющих дохода, следует снижать уровень, с которого вы платите налоги, на прожиточный минимум».

За прогрессивную шкалу также выступил академик Роберт Нигматулин.

АКАДЕМИК АБЕЛ АГАБЕГЯН

убежден, что для выхода из текущего кризиса принимаемых антикризисных мер недостаточно.

АНДРЕЙ КЛЕПАЧ ГОВОРИТ, ЧТО МНОГИЕ МЕРЫ ЗАКАНЧИВАЮТ ДЕЙСТВОВАТЬ В 2020 ГОДУ, И ЭТО ДАСТ ОТКАТ В 2021-М

МАЭФ

ЭКОНОМИСТ АЛЕКСЕЙ ВЕДЕВ

полагает, что наиболее рациональной стратегией ликвидации последствий пандемии является прямое финансирование потерь за счет государственных средств.

«Нужно призвать, чтобы богатые, 1% от всего населения страны, хотя бы на четыре месяца добровольно приняли прогрессивный налог в пользу Фонда национального благосостояния. Таким образом можно добавить в ФНБ около 2 триллионов рублей», — заявил ученый.

Алексей Ведев полагает, что наиболее рациональной стратегией ликвидации последствий пандемии является прямое финансирование потерь от пандемии за счет государственных средств.

«В качестве источников финансирования могут рассматриваться Фонд национального благосостояния, денежная эмиссия, внешние заимствования, внутренние заимствования», — рассказал экономист, подчеркнув, что в текущих условиях инфляционная угроза достаточно низкая.

Директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, вице-президент ВЭО России Александр Некипелов, напротив, уверен, что инфляция неизбежна. Тем не менее академик полагает, что повышение уровня инфляции до 10% не представляет угрозы. Такая инфляция сыграет роль смазки и поможет перейти на траекторию роста, сообщил эксперт.

Александр Некипелов

«Нужно снизить до 2–3% ключевую ставку и до нуля процентную ставку по депозитам коммерческих банков в Центральном банке, чтобы эти средства пошли в экономику, — рассказал Александр Некипелов, — произвести выкуп Центральным банком своих облигаций у коммерческих банков».

Низкая процентная ставка приведет к увеличению денежного предложения, к резкому сокращению средств на счетах предприятий реального сектора, но рост денежного предложения будет содействовать увеличению загрузки производственных мощностей, пояснил ученый.

По мнению Александра Некипелова, также необходимо активизировать крупные государственные инвестиции с привлечением частного сектора.

Андрей Клепач подчеркнул, что, если мы хотим получить реальный план восстановления экономики и переход к новому качеству роста, нужно отходить от бюджетного правила или модифицировать его, использовать резерв главного командования в инвестиционных целях.

«Реализуемый пакет мер во многом направлен на поддержку доходов населения и доходов малого бизнеса, тем не менее для инвестиций его эффект крайне ограничен, — добавил экономист.

Роберт Нигматулин среди предложений по выходу из кризиса, кроме снижения ставки Центрального банка на целевые кредиты с жестким контролем использования, назвал налог на трансграничное перемещение капитала и предложил разрешить предпринимателям использовать НДС и страховые взносы для оплаты труда в течение 3–4 месяцев.

Член Президиума ВЭО России, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д. э. н, профессор Борис Порфирьев обратился к опыту кризиса 2008–2009 годов, когда страны, принимая антикризисные пакеты, существенную их часть направили на вложения в устойчивое развитие, в том числе в зеленую экономику.

Борис Порфирьев

«От общего объема антикризисных пакетов, скажем, в США эти вложения составили 12%, в Германии — 13%, во Франции — больше 20%. Чемпионами были Китай с 38% и Корея с 80%. При этом китайский пакет был наибольшим — это 220 миллиардов долларов. Это позволило не только выйти из кризиса, но и существенно изменить структуру экономики как в сторону повышения ее эффективности, так и в сторону ее большей экологизации. Нам стоит учесть этот опыт», — отметил академик.

АКАДЕМИК НЕКИПЕЛОВ: "НУЖНО СНИЗИТЬ ДО 2–3 ПРОЦЕНТОВ КЛЮЧЕВУЮ СТАВКУ ЦБ"

АКАДЕМИК АЛЕКСАНДР ДЫНКИН

выразил уверенность, что пандемия ускорит уже наметившиеся структурные и институциональные изменения и в обществе, и в экономике, и в политике.

КРИЗИС КАК ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Президент ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, вице-президент ВЭО России Александр Дынкин выразил уверенность, что пандемия ускорит уже наметившиеся структурные и институциональные изменения и в обществе, и в экономике, и в глобальном управлении, и в политике.

Александр Дынкин подчеркнул, что сегодня совершается прорыв в цифровых технологиях, который в мирное время произошел бы не раньше конца 2020-х годов. Получили ускорение IT, сектор телекоммуникаций, онлайн-сервисы, производство и продажа цифрового контента, «гиг-экономика».

Будут расти медицина, микробиология, фармацевтика, но модель их развития должна меняться, уверен Андрей Клепач.

«Необходимо изменение не только финансирования, но и качества здравоохранения, создание в том числе новых методик, технологий, базирующихся не только на антибиотиках, а на бактериофагах, на всем комплексе микробиологических исследований. Это вызов для фундаментальной науки», — отметил экономист.

В связи с пандемией ускорился переход на удаленную работу, отметил академик Дынкин.

«В Соединенных Штатах примерно 29% сотрудников могут работать удаленно, и предварительные оценки показывают, что работа из дома на треть эффективнее и в два раза дешевле для работодателя. Очевидно, что этот тренд ускорится, но одновременно он будет нести с собой и поляризацию доходов, и неравенство, и к этому надо относиться с открытыми глазами», — рассказал эксперт.

Профессор РАНХиГС Константин Корищенко обратил внимание на то, что пандемия меняет все три элемента экономики — производство, продажи и потребление. Меняются трудовые отношения.

ПО МНЕНИЮ ПРОФЕССОРА КОРИЩЕНКО, РЫНОК ТРУДА ПРЕТЕРПИТ КОРЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ.

Константин Корищенко

«Через год-полтора можно будет увидеть совершенно другой образ функционирования экономики», — уверен профессор.

«Изменится рабочая неделя. Многие признают, что пятидневка не нужна, можно обойтись несколькими часами в офисе. Это приведет к тому, что люди будут перебираться из центра за город, и это уже тоже происходит, прежде всего в западных странах, будут выбирать жилье и бизнес там, где им комфортно, где есть качественный сервис, связанный в первую очередь с детьми дошкольного и школьного возраста. Как следствие этого перемещения большие изменения произойдут в транспорте, и в конечном счете постепенно наша активность будет перемещаться в виртуальный мир», — считает Константин Корищенко.

БУДУЩЕЕ В ЦИФРАХ

Доклад на 27-й экспертной сессии Координационного клуба ВЭО России «Российский бизнес: остаться в живых»

Александр Широв, *директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член-корреспондент РАН, член Правления ВЭО России*

Оценки значительного количества экспертных групп, в том числе и правительственных, в отношении того, каков будет спад экономики во втором квартале, по-видимому, оказались чрезмерно пессимистичными, потому что мы видим, что все не так плохо. Даже если посмотреть на динамику промышленного производства, очевидно, что у нас есть приличный набор видов деятельности с довольно большим вкладом в общую экономическую динамику. Эти отрасли, несмотря на переживаемый экономикой карантин, демонстрируют положительную экономическую динамику, то есть там наблюдается рост. Конечно, есть и драматические ситуации. Это, прежде всего, сфера услуг, в промышленности — производство автомобилей, но в той или иной степени то падение ВВП, которое мы видим по этому году составит примерно 5–6%. На фоне остановки экономики, которую мы пережили, это, может быть, не такой плохой результат. Но вопрос состоит в том, как ситуация будет развиваться дальше.

Согласно инерционному сценарию развития экономики, если все постепенно вернется к тому, что было в 2014–2016-м годах и далее, то восстановление экономической активности произойдет не раньше 2023 года. Потребление домашних хозяйств и инвестиции восстановятся в 2024–2025-м годах. То есть риск скатывания к стагнационной модели развития — велик. И главный вопрос состоит в том, каким образом может измениться экономическая политика, в том числе в рамках плана по восстановлению экономики.

Если мы посмотрим на то, каковы сейчас возможности правительства по влиянию на экономическую динамику, то можно сказать следующее: уровень социальных расходов у нас примерно среднемировой для стран со сравнимым уровнем доходов ВВП по паритету покупательной способности. Но если мы посмотрим на совокупные расходы расширенного правительства, то есть потенциал. Этот потенциал образовался в результате политики макрофинансовой стабилизации, когда в значительной степени сохранялись стабильные расходы бюджета в реальном выражении, и в результате этого вклад государства в экономическую динамику, государственного спроса и инвестиции был ниже, чем мог бы быть. Здесь есть резерв. Кроме того, мы имеем значительные запасы и в Фонде национального благосостояния, и в других механизмах резервирования, которые могут быть использованы для более активного выхода экономики из той ситуации, в которой она находится.

Понятно, что мы можем не просто каким-то образом структурно перераспределять ресурсы в рамках экономической политики, но и задействовать те возможности, которые сейчас существуют. Прежде всего это возможности использования потенциала импортозамещения, причем речь идет о тех направлениях, где у нас уже есть производство, где есть заделы. Вклад этого фактора может быть довольно значимым. Второе — это структурная перестройка расходов по тем направлениям, которые предполагают рост в ближайшей и среднесрочной перспективе.

Как те меры, которые сейчас правительство сформулировало в рамках общенационального плана действий, могут влиять на экономическую динамику и насколько они могут быть эффективны? Во-первых, этот набор целевых индикаторов. Предполагается, что в рамках реализации мероприятий общенационального плана несырьевой экспорт вырастет на 5%, реальная зарплата — на 2,5. Это все индикаторы на 2021 год. Розничный товарооборот — на 3%, обрабатывающая промышленность — на 3%, инвестиции — на 4,5%, и все это даст прирост ВВП на 2,5%. По нашим оценкам, целевые индикаторы роста ВВП, которые мы видим в плане, чрезмерно скромны. Простая экономическая инерция, даже если ничего не делать, с высокой вероятностью в следующем году даст рост ВВП в районе 2,6–2,8. И эти 2,5% — недостаточная амбициозность.

По этому плану будет всего примерно шесть крупных направлений поддержки — это социальная поддержка населения, где суммарно около 700 миллиардов рублей запланировано на два года; это поддержка занятости — всего около 50 миллиардов; самое крупное направление — это реализация крупных инвестиционных проектов — больше 2 триллионов рублей; поддержка импортозамещения — еще около триллиона; поддержка субъектов Российской Федерации — порядка 350 миллиардов рублей; и последнее — это секторальные меры поддержки. Секторальные меры поддержки охватывают такие виды деятельности, как стройка, здравоохранение, туризм, связь, транспорт и некоторые другие. Ключевые направления первых пяти мер — это три крупные линии: бюджетные инвестиции, государственные закупки, поддержка доходов населения. Эти три направления формируют дополнительный рост ВВП на уровне 2,7 триллиона рублей в следующем году и 2,4 триллиона рублей в 2021 году. Если говорить про секторальные меры поддержки, то их значимость чуть меньше: где-то 400–450 миллиардов долларов в 2020–2021 году они дают.

И каково влияние этих мер поддержки на российскую экономику? В 2020 году мы оцениваем его в 3,1% дополнительного прироста ВВП, а в 2021-м — 2,6%. В чем проблемы? Вроде бы этот прирост ВВП дает нам возможность не упасть ниже 5,5% в этом году и, соответственно, иметь рост на уровне 2,5–3% в следующем.

Но если мы внимательно посмотрим на то, что находится внутри плана, то это в большой части те меры поддержки, те направления расходов, которые уже были анонсированы. Если мы посмотрим на инфраструктуру, то это БАМ, Транссиб, это развитие центрального московского узла и ряд проектов автомобильного транспорта. То есть в значительной степени мы видим переформатирование направления средств в рамках государственной программы национальных проектов с некоторым перекосом этих расходов в период 2020–2021 года. И риск состоит в том, что когда мы этот перекос осуществим, то и в 2021-м, и особенно в 2022 году у нас возникнет разреженное пространство, и вот в тот момент мы можем получить довольно низкий темп экономического роста. Весь фокус экономической дискуссии сейчас должен смещаться в среднесрочную перспективу, и от того, чем она закончится, будет зависеть перспектива развития нашей страны и достижение тех целей развития, которые стоят перед нами, которые ничуть не поменялись за период этого коронакризиса.

See below for the English version of the article

COVID-19 и осмысление мировых трансформаций XXI века

В рамках Московского академического экономического форума состоялась онлайн-конференция, организованная Институтом нового индустриального развития им. С. Ю. Витте «Технологические и социально-экономические трансформации XXI века: опыт концептуального осмысления». В конференции приняли участие ученые из США, Канады, стран Западной Европы.

На подробное освещение конференции нам бы потребовался еще такой же журнал, поэтому тех, кто хочет более подробно ознакомиться с докладами, отсылаем на сайт ИНИР: https://inir.ru/

Обзор: Анна Зыкова

Как отметил во вступительном слове модератор мероприятия Александр Бузгалин, тема была предложена задолго до нашей сегодняшней конкретной встречи. Но так получилось, что пандемия существенно скорректировала, однако принципиально не изменила повестку дня. Трансформации идут, и посткризисное развитие — это то, что потребует, я думаю, принципиального переосмысления сегодняшнего мира, как угодно его можно называть — рыночной экономикой, я предпочитаю называть капитализмом, поздним капитализмом. И вот об этом мы будем говорить сегодня. И в центре внимания нашего разговора будет интересующая нас (что объединяет участников) концепция, теория — концепция, теория генезиса нового индустриального общества второго поколения и ноономики.

Методологическая ограниченность и теория ноономики

Директор ИНИР им. С. Ю. Витте профессор Сергей Бодрунов, д. э. н., в своем выступлении подчеркнул, что методологическая ограниченность ведущих направлений экономической теории не позволяет в достаточной степени отразить современные транс-

See below for the English version of the article

МАЭФ

See below for the English version of the article

НООНОМИКА — ЕСТЕСТВЕННЫЙ СПОСОБ

переноса бремени удовлетворения потребностей на плечи технологий, которые будут создавать все необходимое человеку — под контролем разума, оставляя нам роль творца. Сергей Бодрунов

формации мировой экономики. Это еще более наглядно демонстрируется в связи ситуацией с коронавирусом. В связи с этим он сконцентрировался в своем докладе на подробном изложении развития методологии собственных исследований, которые за много лет привели автора к созданию теории ноономики.

«Теория ноономики позволяет в определенном ракурсе анализировать текущие проблемы. Позволяет определить и цели, и пути движения, и механизмы формирования и новых потребностей, и новых общественных отношений. Отсюда — формулирование в теории ноономики твердой установки на развитие технологического, общественного и социального прогресса всего человечества.

В практическом применении теория ноономики — это формирование установок на развитие человека, его культуры, творчества, удовлетворение его реальных потребностей. На переустройство общества на этой основе в более социальное, с акцентом на достижении более справедливого распределения общественного блага, повышение уровня его доступности для всех. Отсюда — и требования к государствам, в том числе к российскому государству, вести соответствующую социальную и промышленную политику.

Теория ноономики потребовала — именно так, потребовала! — междисциплинарного подхода в наших исследованиях, обращение к теоретическим разработкам экологов, социологов, философов», — отметил профессор Бодрунов.

Автор теории также призвал не допускать в трактовке теории методологических ошибок. Нообщество не есть коммунизм в классическом представлении, оно не основано на так называемой общественной собственности на средства производства, и это — не утопически размытое ноосферное общество, а вполне грядущая реальность.

«Ноономика не есть экономика нообщества. В этом обществе не будет экономики в сегодняшнем понимании. Ноономика и сегодняшняя экономика — принципиально разные способы организации удовлетворения человеческих потребностей, как построенные на принципиально разных сторонах человеческой сущности, на зоо-/био- и на нооразуме. При этом экономика, исторически естественно пришедшая в эволюцию цивилизации, также естественно уйдет, став предтечей ноономики, из нее вырастающей под влиянием новых трендов развития разума и знания. Ее, экономику, заменит неэкономический способ удовлетворения несимулятивных потребностей людей, основанный на самодействующей системе производства, построенной и управляемой разумом людей.

Ноономика — естественный способ переноса бремени удовлетворения потребностей на плечи технологических устройств, которые будут создавать все необходимое человеку — под контролем разума, оставляя нам роль творца», — заключил докладчик.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОМЫШЛЕННЫХ СИСТЕМ

Профессор Техасского университета в Остине Джеймс Кеннет Гэлбрейт отметил, что обсуждаемая проблема весьма актуальна, и то, что упоминает профессор Бодрунов в своей книге, становится еще более актуальным в условиях коронавируса и текущего кризиса, который мы наблюдаем.

Джеймс Кеннет Гэлбрейт

«Прежде всего, я хотел бы отметить, что ноономика справедливо показывает нам необходимость создания функциональной системы, которая была бы адекватной и соответствовала целевому назначению, учитывала в том числе и экологические последствия в долгосрочном периоде, поскольку все мы должны думать о долгосрочном выживании человечества и нашей планеты в целом», — подчеркнул профессор.

Говоря о кризисе, вызванном коронавирусом, Гэлбрейт отметил, что он очевидно показал нам экономическую неэффективность промышленных систем. По словам ученого, ведущие западные державы специализируются на таких отраслях, как финансы, авиакосмическая отрасль, вооружение и т. д. Но качество и уровень развития их экономической системы сами по себе приводят именно к особой хрупкости их системы и уязвимости перед экономическими кризисами. Как я уже сказал, западные страны специализируются на ряде высоконаучных отраслей, но при этом существует недостаток товаров первой необходимости, то есть так называемого среднего уровня.

«Второй момент, на котором я хотел бы остановиться, — это избыточно закредитованные сектора, такие как туризм или развлечения, рестораны, бары. Они занимают особое место в экономической структуре, огромная доля ВВП этих стран — рестораны, бары, импорт автомобилей, товары, электроника, образование и спорт. То есть все это услуги, я говорю об услугах, которые занимают огромную долю ВВП и соответствующую пропорцию экономики западных стран. Из этого вытекает проблема: товары первой необходимости — и это третий пункт, о котором я хочу сказать. Они, конечно, есть. Но предоставляются они только тем, кто может их себе позволить. Необходимо нам подумать об обеспечении всех категорий всех слоев населения соответствующими условиями.

«Стремление Запада к эффективности функционирования системы сделало западные страны уязвимыми перед кризисом, причем вот эта уязвимость — это не краткосрочное явление. Скорее всего, это — фундаментальный фактор, который будет оказывать влияние на развитие мировой экономики в целом на протяжении определенного количества времени. То есть кризис не пройдет в краткосрочной перспективе. И здесь как раз-таки очень важно понять, что кризис не является результатом неэффективного управления, выполнения административной функции или недостатка лидерских качеств. Нет, это — прямое следствие структуры экономики, к которой мы привыкли уже на протяжении долгого времени. И мы продолжаем следовать этой траектории развития, поэтому как раз встает вопрос о необходимости, смене парадигмы, о чем, в общем, говорил мой отец. Если удастся победить вирус, то экономический кризис все равно только начинается. Не нужно успокаивать себя мыслью о том, что все заканчивается уже скоро, поскольку кризис здравоохранения и экономический кризис — это разные вещи. А поскольку осознания еще нет, никто и не пытается взяться за решение проблемы должным образом», — считает профессор Гэлбрейт.

"КРИЗИС ПОКАЗАЛ НАМ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ НЕЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЙСТВУЮЩИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ СИСТЕМ". ГЭЛБРЕЙТ

ИННОВАЦИИ В ТВОРЧЕСКОМ БУДУЩЕМ

Алан Фриман, член Международного комитета Вольного экономического общества России, профессор Университета Лондон-Метрополитен согласился, что концепция ноономики заменяет собой целый ряд более старых и неподходящих концепций — это так называемая экономика знаний (я думаю, что эта теория абсолютно неверным образом объясняет то, что происходит сейчас в обществе); информационное общество (абсолютно неадекватное реальности); это — теория производства услуг или сервисов, как мы видим, это звучит по-английски (потому что это вообще связано с обслуживанием, корень этого слова — «служение», и это совершенно не подходит современной общественной теории).

Алан Фриман

«Что такое нематериальные продукты научного и творческого труда? Это различные компьютерные программы, научные знания, формулы, например, для вакцины от ковида. Это различные законодательные акты и т. д. Что же в них общего? Их можно передавать. Их можно передавать из одной ментальной области в другую ментальную область. Здесь нет никакой зависимости по методу передачи, можно передать книгу в формате ПДФ, в бумажной форме или прочитать ее. И это не зависит от формы», — отметил Алан Фриман.

Профессор привел пример компьютерной программы: как бы она ни использовалась, где бы она ни использовалась, она не может устареть, пока вы не изобретете что-то новое, таким образом в творческом обществе будущего постоянно происходят инновации.

АЛАН ФРИМАН:

«Интеллектуальный продукт не может устареть, пока вы не придумаете что-то другое, что также будет быстро передаваться. В новом обществе постоянно происходят инновации».

УРОКИ ПАНДЕМИИ

Профессор Дэвид Котц, член Международного комитета ВЭО России, почетный профессор колледжа социальных и поведенческих наук Университета Массачусетса в Амхерсте, вице-президент Всемирной политэкономической ассоциации, сделал доклад «Уроки пандемии».

Ученый напомнил, что пандемия, свидетелями которой мы становимся сейчас, является результатом перехода инфекции от животного к человеку. Вроде бы истоки этой проблемы находятся вне

See below for the English version of the article

ДЭВИД КОТЦ:

«Экономическая система сама влияет на склонность, на вероятность появления очередной пандемии».

общества, как землетрясение или извержение вулкана. Однако, в отличие от вулканов и землетрясений, здесь важен антропогенный фактор. Профессор подчеркнул, что экономическая система сама влияет на склонность, на вероятность появления очередной вспышки пандемии.

Дэвид Котц

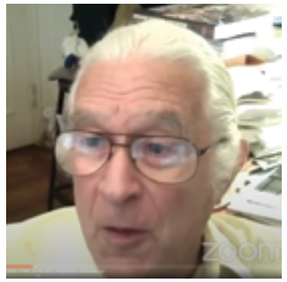
«Современный неолиберальный капитализм, как я уже отметил, повышает вероятность происхождения таких пандемий. На это есть несколько причин. Промышленное ведение сельского хозяйства вызывает ослабление иммунитета у животных. Это прямая дорога к переходу инфекции к человеку. Второе, в лесной промышленности работников кормят мясом диких животных, просто потому что дешевле. В-третьих, чрезмерная рыбная ловля, истощающая ресурсы водоема, приводит к созданию рынка мяса диких животных для бедных категорий и слоев населения. И наконец, глобализация цепочек стоимости, распространения международных поездок обеспечивает распространение заболевания по всему миру», — отметил Дэвид Котц.

При этом политика жесткой экономии привела к нехватке ресурсов в определенных сферах, например, в сфере здравоохранения, важным фактором оказалось искажение стимулов для получения прибыли компаний. Например, у фармацевтических компаний просто не было мотивации для разработки вакцины, пока пандемия не достигла своего пика, и в дальнейшем неопределенность в отношениях масштаба и длительности пандемии, а также требования сделать вакцинацию бесплатной, ограничивали бы доходность компаний. Производство было нерентабельным, и они этого не делали.

недостаток планирования

Дэвид Лайбман, профессор Университета Нью-Йорка, почетный профессор Бруклинского колледжа, главный редактор журнала «Наука и общество», начал с того, что обозначил разрыв между новым индустриальным обществом второго поколения, ноономикой и тем, что было до сих пор, тем, что называют постиндустриальным обществом.

Как отметил экономист, многие эксперты сейчас говорят о пандемии и других вызовах, с которыми мы сталкиваемся. По мнению Лайбмана, проблема — в недостатке координированности в условиях рынка. Излишне краткосрочный горизонт планирования, погоня за краткосрочной выгодой. Именно это заставляет перейти к рассмотрению вопроса с точки зрения планирования.



Дэвид Лайбман

«У нас сейчас мир, в котором господствует кризис COVID-19, а также финансовый кризис. И мы, конечно, можем сказать, что у нас чрезвычайная ситуация. И что нам нужно делать? Нужно взять преимущества социализма, центрального планирования и активного вмешательства государства, и использовать это. Я не предлагаю, чтобы мы вернулись к старой форме социализма, но можно взять новую, видоизмененную форму. Мы сейчас находимся в ситуации кризиса, и промышленного кризиса в том числе. И с этим кризисом можно справиться только коллективными мерами», — считает Лайбман.

одни вопросы

Дэвид Лэйн, профессор Кембриджского университета построил свой доклад на Сократическом методе, предлагая вопросы, над которыми стоит задуматься, чтобы верно определить текущее состояние экономики и социума.

«Как можно сравнить текущую пандемию с другими формами эпидемий? Например, как бы вы сравнили эту пандемию, например, с колонизацией Америки? Или влияние эмиграции европейцев в Америку? Также в XX веке был целый ряд пандемий, например, испанка. Как это можно сравнить с текущей пандемией? Как мы, европейские страны справляемся с ней? Так же я хотел бы, чтобы участники подумали не только о карантине, но и о том, как этот карантин повлияет на другие аспекты, на другие болезни. Потому что сейчас многие больницы переориентированы на пациентов с коронавирусом. И другие пациенты не могут получить лечение. Какой кризис мы сейчас наблюдаем? И как последствия можно смягчить? Например, с помощью международных организаций, которые сейчас составляют программы борьбы с пандемией, с последствиями пандемии. Например, ВОЗ. Что можно изменить здесь? Окажет ли это какое-либо влияние, или это никак не поможет смягчить последствия ситуации?» — предложил обсудить ученый.

Дэвид Лэйн

Он также затронул текущий экономический уклад: это цивилизация или варварство? Что здесь поверхностное? Все общество потребления поверхностно, но это — часть нашей жизни. Что является стержнем системы? Что определяет систему? Развивается ли сейчас новая технологическая база? Это — технологическая база, которая развивается параллельно с капитализмом, или это что-то, что наслаивается на капитализм? Что мы имеем в виду под творческим трудом? И вот этот творческий труд, как он соотносится с механическим трудом? В чем значение вот этого всего? Или это просто развитие индустриального капитализма? Возможно, это высшая форма капиталистического империализма. Может, мы сейчас вышли на новый уровень уже. Или это начало какого-то другого производственного уклада? Например, посткапитализма или социализма?

Как эти формы развития соотносятся с другими? Новые творческие институты, новые процессы, которые происходят, — все это ведет к созданию новых продуктов, новых форм производства, групп сотрудничества. Можно ли сказать, что это новый производственный уклад? Новый способ производства?

Радика Десаи, профессор Университета Манитобы (Канада) и руководитель исследовательской группы по геополитической экономии, сконцентрировалась на соотношении теории геополитической экономики и пандемии. По ее мнению, в борьбе с коронавирусом бросается в глаза отсутствие международной координации.

«Отношение между странами в капиталистическом мире очень сильно усложняются противоречиями капитализма, и из-за этого в реальности, несмотря на глобализацию и так далее, общий международный порядок невозможен, и мы сейчас видим проявление этого. Кризис, который мы наблюдаем, обострил, обнаружил недостатки капиталистической системы. Внутри стран и на международном уровне становится понятно, что плановый подход имеет большие преимущества», — отметила профессор.

Радика Десаи

По мнению Десаи, в конце 70-х годов капитализм начал требовать все больше и больше власти, и такое сосредоточение власти привело к хрупкости экономик и разрозненности общества, и сейчас капитализм достиг своего предела. В целом — сейчас мы видим продолжение проблем, которые уже возникли в ходе развития капитализма.

«Мы сейчас рассматриваем неолиберализм как какой-то строй, который доминировал в течение 40 лет. Но на самом деле он уже прошел несколько стадий. Был неолиберализм, затем социально-демократическая либерализация, потом были Блэр и Клинтон. Сейчас попробуют перейти к новой фазе неолиберализма — филантропическому неолиберализму», — считает экономист.

При этом противоречия не закончатся: государство будет основным клиентом всех услуг, но это окажется на руку только большим корпорациям. Увеличение роли государства сведется к тому, что оно просто будет поддерживать крупные корпорации. Если все-таки у правых сил это получится, а левые по-прежнему будут слабы, у нас появится очень много проблем в обществе», — считает Десаи.

РАДИКА ДЕСАИ:

«Несмотря на глобализацию и прочее, общий международный порядок сейчас невозможен, и мы видим проявления этого во время пандемии».

ДЭВИД ЛЭЙН: "НОВЫЕ ТВОРЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ ВЕДУТ К СОЗДАНИЮ НОВЫХ ФОРМ ПРОИЗВОДСТВА"

MAEF

COVID 19: UNDERSTANDING GLOBAL TRANSFORMATIONS OF THE 21ST CENTURY

At the Moscow Academic Economic Forum, in addition to the main online session and other events, an online conference was held, organized by the S. Yu. Witte Institute for New Industrial Development "Technological and socio-economic transformations of the 21st century: the experience of conceptual understanding." The conference was attended by scientists from the USA, Canada, and Western Europe. More than 400 people registered in Zoom, many of them followed the conference on YouTube and on the INID website.

For a detailed coverage of the conference, we would need another magazine issue, so for an in-depth look at the reports please follow the link to the INID website (https://inir.ru/).

As the event moderator Alexander Buzgalin noted in his opening remarks, the topic was proposed long before our today's meeting. Then, the pandemic significantly re-arranged, but did not fundamentally change, the agenda. Transformations are still underway, and post-crisis development will require, I believe, a fundamental rethinking of today's world, whatever you may call it — whether free market economy or, as I prefer to call it, capitalism, late-stage capitalism. And this is what we will be discussing today. The focus of our conversation will be the concept that interests us (and that unites the participants), the concept theory, the theory of the genesis of the new industrial society of the second generation and noonomy.

METHODOLOGICAL LIMITATIONS AND THE THEORY OF NOONOMY

Director of the INID, Professor Sergei Bodrunov (Doctor of Economics), emphasized in his speech that because of the methodological limitations in the leading areas of economic theory the modern transformations of the global economy are not adequately reflected. This is even more evident in connection with the coronavirus situation. In this regard, he focused his report on a detailed presentation of the development of the methodology of his own research, which over the years led the author to the creation of the theory of noonomy.

NOONOMY IS A NATURAL WAY

of transferring the burden of atisfying needs onto the shoulders of technological devices that will create everything a person needs — under the control of the mind, leaving us the role of a creator". Prof. Bodrunov. concluded..

"The theory of noonomy makes it possible to analyze current problems from a certain angle. It allows you to determine the goals and paths of movement, and the mechanisms for the formation of both new needs and new social relations. Hence, the formulation in the theory of noonomy of a strong orientation towards the development of technological and social progress of all mankind.

In practical application, the theory of noonomy is the formulation of goals oriented towards the development of a person, his culture, creativity, and the satisfaction of his real needs. Towards reorganizing society by increasing its sociability with an emphasis on achieving a more equitable distribution of public goods, towards increasing the level of its accessibility for all. Hence the demands on the governments, including the Russian government, to pursue appropriate social and industrial policies.

The theory of noonomy demanded — and I insist that "demanded" is a proper term! — an interdisciplinary approach in our research, making use of theoretical developments of ecologists, sociologists, philosophers", Professor Bodrunov says.

The author of the theory also urged to avoid methodological errors in the interpretation of the theory. Noosociety is not communism in the classical sense, it is not based on the so-called social ownership of the means of production, and this is not a utopically blurred noospheric society, but a fully plausible future reality.

"Noonomy is not the economy of noo-society. Such a society will not have an economy as we understand it today. Noonomy and today's economy are fundamentally different ways of organizing the satisfaction of human needs, as they are built on fundamentally different sides of the human essence, on zoo/bio and on noo-intelligence. At the same time, the economy which historically entered the evolution of civilization in a natural way, will also leave in a similar manner becoming the forerunner of noonomy, which grows out of it under the influence of new trends in the development of intelligence and knowledge. Economy will be replaced by a non-economic way of satisfying the non-simulative needs of people, based on an unmanned system of production built and controlled by the minds of people.

Noonomy is a natural way of transferring the burden of satisfying needs onto the shoulders of technological devices that will create everything a person needs — under the control of the mind, leaving us the role of a creator", the speaker concluded.

Economic inefficiency of industrial systems

Professor at the University of Texas at Austin James Kenneth Galbraith noted that the problem being discussed is very relevant, and what Professor Bodrunov mentioned in his book has become even more relevant in the context of the coronavirus and the current crisis that we are facing.

«First of all, I would like to note that noonomy rightly shows us the need to create a functional system that would be adequate and consistent with its intended purpose, taking into account, among other things, the long-term environmental consequences, since we all must think about the long-term survival of mankind and our planet as a whole», the professor emphasized.

James Kenneth Galbraith

Talking about the coronavirus crisis, Galbraith noted that it clearly showed us the economic inefficiency of industrial systems. According to the scholar, the leading Western powers specialize in such industries as finance, aerospace, weapons, etc. But the quality and level of development of their economic system in themselves result in particular fragility of that system and its vulnerability to economic crises. Western countries specialize in a number of high-tech industries, but at the same time there is a shortage of essential goods, i.e. the so-called middle level.

"The second point I would like to address is the excessively leveraged sectors such as tourism or entertainment, restaurants, bars. They occupy a special place in the economic structure, a huge share of the GDP of these countries — restaurants, bars, car imports, goods, electronics, education and sports. That is, all those are services, I am talking about services that take up a huge share of GDP, and the corresponding proportion of the economies of Western countries. It leads to the problem of essential goods — and it's the third point I would like to make. Those goods do exist of course. But they are provided only to those who can afford them. We need to think about providing all categories of all segments of the population with appropriate conditions.

GALBRAITH NOTED THAT THE CORONAVIRUS CRISIS CLEARLY SHOWED THE ECONOMIC INEFFICIENCY OF INDUSTRIAL SYSTEMS.

"The West's aiming for the efficient functioning of the system has made Western countries vulnerable to the crisis, and this vulnerability is not a short-lived phenomenon. Most likely, it's a fundamental factor that will influence the development of the world economy as a whole over a certain amount of time. That is, the crisis will not be over any time soon. And it is very important to understand that the crisis is not the result of ineffective management, administration or lack of leadership skills. No, it's a direct consequence of the structure of economy, to which we have long become accustomed. And we continue to follow this trajectory of development, so the question has arisen of the necessity of a paradigm shift, which, after all, my father spoke about. Even if the virus can be defeated, the economic crisis is just beginning. There is no need to comfort yourself with the thought that everything will end soon, because the health crisis and the economic crisis are different. And since there is no awareness yet, no one is trying to tackle the problem properly," Professor Galbraith says.

Innovation in a creative future

Alan Freeman, member of the International Committee of the Free Economic Society of Russia, Professor at London Metropolitan University, agreed that the concept of noonomy replaces a number of older and inadequate concepts, including the so-called knowledge economy (I think that this theory is absolutely wrong in explaining what is now happening in society); the information society (absolutely inconsistent with reality); the theory of the production of services (because the word "service" is derived from servitium (slavery), and it does not fit modern social theory at all).

Alan Freeman

"What are the mental products of scientific and creative labor? Those are various computer programs, scientific knowledge, formulas, for example, for the Covid vaccine. Those are various legislative acts, etc. What do they have in common? They can be transferred. They can be transferred from one mental area to another mental area. There is no dependence on the method of transfer, you can transfer a book in PDF format, in paper, or you can read it. And it doesn't depend on the form," Alan Freeman says.

The professor gave an example of a computer program: no matter how it is used, wherever it is used, it cannot become obsolete until you invent something new, thus innovation will be constantly taking place in the creative society of the future.

Lessons from the Pandemic

Professor David Kotz, Member of the International Committee of the VEO of Russia, Professor Emeritus at the UMass Amherst College of Social and Behavioral Sciences, Vice President of the World Political Economy Association, made a report called "Lessons from the Pandemic".

David Kotz

The scientist recalled that the pandemic, which we are facing now, is the result of the transition of infection from animal to human. It seems that the origins of this problem are outside of society, like an earthquake or a volcanic eruption. However, unlike volcanoes and earthquakes, the anthropogenic factor is important here. The professor emphasized that the economic system itself influences the propensity, the likelihood of another pandemic outbreak.

"Modern neoliberal capitalism, as I have already noted, increases the likelihood of such pandemics. There are several reasons for this. Industrial farming causes immunosuppression in animals. This is a direct road to the transfer of infection to humans. Second, in the forestry industry, workers are fed meat of wild animals simply because it is cheaper. Third, over-fishing, which depletes water resources, creates a market for bushmeat for the poor. And finally, the globalization of value chains, the spread of international travel ensures the spread of the disease around the world," David Kotz says.

At the same time, the austerity policy led to a lack of resources in certain areas, for example, in the healthcare sector; the distortion of incentives for companies to make profits was an important factor. For example, pharmaceutical companies simply did not have the

JAMES GALBRAITH:

We need to think about providing all categories of all segments of the population with appropriate conditions..

PROF. LAIBMAN TUNDERLINED THE PROBLEM OF LACK OF COORDINATION IN THE MARKET.

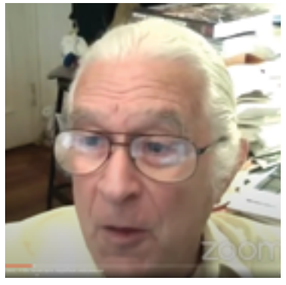
motivation to develop a vaccine until the pandemic peaked, and the following uncertainty about the scale and duration of the pandemic, as well as the requirement to make vaccinations free, would have limited the profitability of the companies. The production was unprofitable for the companies and they didn't do it.

Lack of planning

David Laibman, Professor at City University of New York, Professor Emeritus at Brooklyn College, Editor-in-Chief of Science and Society, began his report by identifying the gap between the new, second-generation, industrial society, noonomy, and the one that existed before under the moniker "post-industrial society".

DAVID LAIBMAN:

What we need to do is we need to use the advantages of socialism, central planning and state activism.



David Laibman

As the economist noted, many experts are now talking about the pandemic and other challenges that we face. According to Laibman, the problem is a lack of coordination in the market. Excessively short-term planning horizon, pursuit of short-term benefits. This is what makes us move on to considering the issue along the lines of planning.

"We have now in the world of the Covid 19 crisis and also the underlying economic and financial crisis a tendency to say we obviously have a drastic emergency. And what we need to do is we need to use the advantages of socialism, central planning and state activism to address this. I am not suggesting that we return to some old form of socialism, but we can use some new variety of socialist relations. We are now in a situation, in which there's an inherent industrial crisis, which can only be addressed by collective measures," says Laibman.

Only questions

David Lane, Professor at the University of Cambridge, built his report on the Socratic method, proposing questions that are worth pondering in order to correctly determine the current state of economy and society.

David Lane

"How does the current pandemic compare to other forms of epidemics? For example, how would you compare this pandemic, for example, with the colonization of America? Or the impact of the emigration of Europeans to America? Also, in the 20th century, there were a number of pandemics, for example, the Spanish flu. How does this compare to the current pandemic? How do we, the European countries, deal with it? I would also like the participants to think not only about the quarantine, but also about how this quarantine will affect other aspects, other diseases. Because now many hospitals have been reoriented to coronavirus patients. And other patients are unable to receive treatment. What kind of crisis are we facing? And how can its consequences be mitigated? For example, with the help of international organizations, which are now drawing up programs to combat the pandemic and its consequences. Take WHO for example. What can be changed there? Will it the change have any impact or will it fail to mitigate the consequences of the situation in any way?", the scholar questioned.

He also touched on the current economic mode: is it civilization or barbarism? What is superficial here? The entire consumer society is superficial, but it is part of our life. What is the core of the system? What defines the system? Is a new technological base developing now? Is it a technological base that is developing in parallel with capitalism, or is it something that is superimposed on capitalism? What do we mean by creative work? And this creative labor, how does it compare with mechanical labor? What is the meaning of all this? Or is it just the development of industrial capitalism? Perhaps this is the highest form of capitalist imperialism. Maybe we have now reached a new level already. Or is it the beginning of some other mode of production? For example, post-capitalism or socialism?

How do these forms of development relate to others? New creative institutions, new processes that are occurring — they all lead to the creation of new products, new forms of production, new groups of cooperation. Can we say that this is a new mode of production? A new method of production?

Radhika Desai

Radhika Desai, professor at the University of Manitoba and head of the Geopolitical Economy Research Group, Canada, focused on the relationship between geopolitical economy theory and the pandemic. In her opinion, the lack of international coordination is striking in the fight against coronavirus.

"Relations between countries in the capitalist world are very much complicated by the contradictions of capitalism, and because of this, in reality, despite globalization and so on, a common international order is impossible, as we can see right now. The crisis that we are witnessing has exacerbated and exposed the shortcomings of the capitalist system. Within countries and at the international level, it is becoming clear that the planning approach has great advantages," the Professor said.

According to Desai, in the late 1970s, capitalism began to claim more and more power, and this concentration of power led to the fragility of economies and the fragmentation of society, and now capitalism has reached its limit. In general, what we see now is a continuation of the problems that have already arisen in the course of the development of capitalism.

"We now view neoliberalism as some kind of a system that has been dominant for 40 years. But, in fact, it has already gone through several stages. There was neoliberalism, then social democratic liberalization, then there were Blair and Clinton. Now they will try to move to a new phase of neoliberalism — philanthropic neoliberalism," the economist says.

Yet, the contradictions will not end: the state will be the main client of all services, but this will only play into the hands of large corporations. The increasing role of the state will be reduced to mere support of large corporations. Still, if the right-wing forces will succeed and the left will remain weak, we will have a lot of problems in society," Desai says.

НОВИНКИ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

ЭКСЛИБРИС

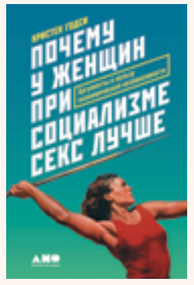
РАДИКА ДЕСАИ, «ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: ПОСЛЕ АМЕРИКАНСКОЙ ГЕГЕМОНИИ, ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИМПЕРИИ»

СПб.: Издательство Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте

Профессор Университета Манитобы (Канада) представляет оригинальный взгляд на современную мировую экономику с точки зрения метода политической экономии, дополненного анализом географической составляющей мирохозяйственных отношений.

Автор подвергает серьезной критике широко распространенные представления, согласно которым роль национальных государств ослабевает по мере развития глобализации. Она отвергает также тезис о глобальном доминировании экономики США — не только сейчас, но и когда-либо в прошлом. В книге развивается концепция «смешанного неравномерного развития», демонстрирующая, как противоречия капиталистического мирового хозяйства приводят к недостижимости мировой гегемонии даже крупнейших держав, и одновременно вызывают ускоренное развитие тех или иных стран. Особое внимание в книге уделено проблемам доллара как мировой валюты и попыткам США ориентировать мировые потоки капитала таким образом, чтобы поддержать эту роль доллара. Автор приходит к выводу, что его дальнейшая судьба теперь зависит от обстоятельств, которые США уже не могут контролировать.

Книга будет интересна не только экономистам, политологам, экономгеографам, специалистам по международным отношениям, но также и студентам соответствующих специальностей.



КРИСТЕН ГОДСИ, «ПОЧЕМУ У ЖЕНЩИН ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ СЕКС ЛУЧШЕ. АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ»

М.: Альпина нон-фикшн, 2020

Авторы книги применили экономическую науку для изучения человеческой сексуальности. Сексуально-экономическая теория, или теория сексуального обмена, предполагает, что ранние стадии сексуального флирта и соблазнения можно охарактеризовать как рынок, где женщины продают секс, а мужчины покупают его за несексуальные ресурсы. «Сексуально-экономическая теория основывается на стандартных базовых предположениях об экономических рынках, таких как закон спроса и предложения. Когда спрос превышает предложение, цены высоки (и выгодны продавцам, то есть женщинам). Напротив, при превышении предложения над спросом цены низки и благоприятствуют покупателям (мужчинам)». Основная мысль в том, что секс — это товар, контролируемый женщинами, поскольку, по мнению авторов, женское половое влечение слабее мужского. Поэтому женщины имеют большую власть в сексуальных отношениях с мужчинами. Они могут требовать компенсации, потому что мужчины хотят получить товар (секс) сильнее, чем женщины. Сторонники сексуально-экономической теории объясняют: «На секс можно выменять много ценных товаров. В обмен на секс женщины могут получить любовь, преданность, уважение, внимание, защиту, материальные блага, возможности, продвижение в учебе или на работе, а также деньги. На всем протяжении истории цивилизации существует стандартный обмен: мужчина принимает на себя долгосрочные обязательства обеспечивать женщину ресурсами (часто плодами своего труда) в обмен на секс или, другими словами, на эксклюзивный доступ к телу этой женщины».

Хотя сексуально-экономическая теория завоевала много сторонников, потому что интуитивно кажется верной, у нее немало и противников. Психологи обрушились на сексуально-экономическую теорию, утверждая, что она опирается на ложную предпосылку, будто женское половое влечение слабее мужского и что для женщин «естественно» стремление получать от мужчины ресурсы в обмен на секс. Феминистки указали на глубоко патриархальные и сексистские предпосылки сексуально-экономической теории, поскольку цена секса зависит также от воспринимаемой желанности женщины, которая его предлагает (определяемой мужчинами-покупателями).

МЮРРЕЙ РОТБАРД, «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ. ТОМ 1. ОТ АНТИЧНОСТИ ДО АДАМА СМИТА»

М.:Социум, 2020

В двухтомной истории экономической мысли от античности до середины XIX в., преддверия маржиналистской революции 1870-х гг., Мюррей Ротбард описывает развитие представлений о ключевых экономических понятиях — редкости благ, обмене, торговле, полезности, ценности, издержках, цене, деньгах, проценте — и связывающих их экономических законах, а также об экономической политике, постепенно эволюционировавшей от всеохватного государственного регулирования и мелочной регламентации до относительного невмешательства и экономической свободы (laissez faire).

Автор не ограничивается, как это часто бывает, пунктирным изложением идей Великих Экономистов, а, восстанавливая живую ткань истории, знакомит читателей со «второстепенными» фигурами, чей вклад в развитие экономической науки иногда более весом, чем у многих знаменитостей.

Ротбард показывает, что экономическая теория — это не постоянно прогрессирующая система взглядов, что она может двигаться и порой движется по зигзагообразной и даже попятной траектории, когда более поздние систематические заблуждения вытесняют более ранние, но правильные парадигмы, тем самым направляя экономическую мысль по ошибочному пути.

«БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ»

М.: Эксмо, 2020

Экономисты — выпускники Российской экономической школы — делятся своим видением дальнейшего развития России, основываясь на глобальном обзоре тенденций, и знанием контекста современных реалий. Позиции каждого из экспертов подкреплены статистикой и данными, что обеспечивает честный и непредвзятый взгляд на будущее страны. Представляя книгу читателю, председатель Счетной палаты РФ Алексей Кудрин пишет: будущее российской экономики определяется внутри страны. Глобальные тренды, новые технологии, география и советское наследие — все это важно, но будущее определят решения, которые правительство примет или не примет, и как можно скорее. Читателю точно будет над чем поразмышлять, оценить среднесрочные и долгосрочные планы, еще раз критически взглянуть на собственные инвестиции ресурсов и времени.

ФИЛИПП ВАН ПАРАЙС, ЯННИК ВАНДЕРБОРХТ, «БАЗОВЫЙ ДОХОД. РАДИКАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ ДЛЯ СВОБОДНОГО ОБЩЕСТВА И ЗДОРОВОЙ ЭКОНОМИКИ»

М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020

Ван Парайс и Вандерборхт осторожны в своих оценках перспектив безусловного базового дохода (ББД). Немалая часть их книги посвящена детальному разбору аргументации критиков этой доктрины, которую авторы признают во многом обоснованной. Причем риски разгона инфляции — ключевой контраргумент, звучащий в России, — выглядит, с их точки зрения, далеко не самым главным. Куда более существенной проблемой для ББД Ван Парайс и Вандерборхт называют негативный эффект для экономических стимулов: в самом деле, многие ли захотят работать при условии, что у всех будет гарантированный доход, который в идеале, как настаивают авторы, должен представлять собой причитающемуся каждому долю от 25% национального ВВП?

Еще в марте 2020 года концепция ББД выглядела утопичной — теперь же она во многих странах близка к практическому воплощению, и чем бы ни закончилась история с коронавирусом, понятно, что теперь идеология ББД точно не будет восприниматься как маргинальная или утопичная. Если заглянуть далеко вперед, то выводы авторов относительно будущего ББД звучат более чем здраво: «Если эксперименты не позволяют нам узнать достаточно много о последствиях резкого рывка в сторону щедрого безусловного базового дохода, почему бы не начать с маленького шага».

АЛЕКСАНДР ЭТКИНД, «ПРИРОДА ЗЛА. СЫРЬЕ И ГОСУДАРСТВО»

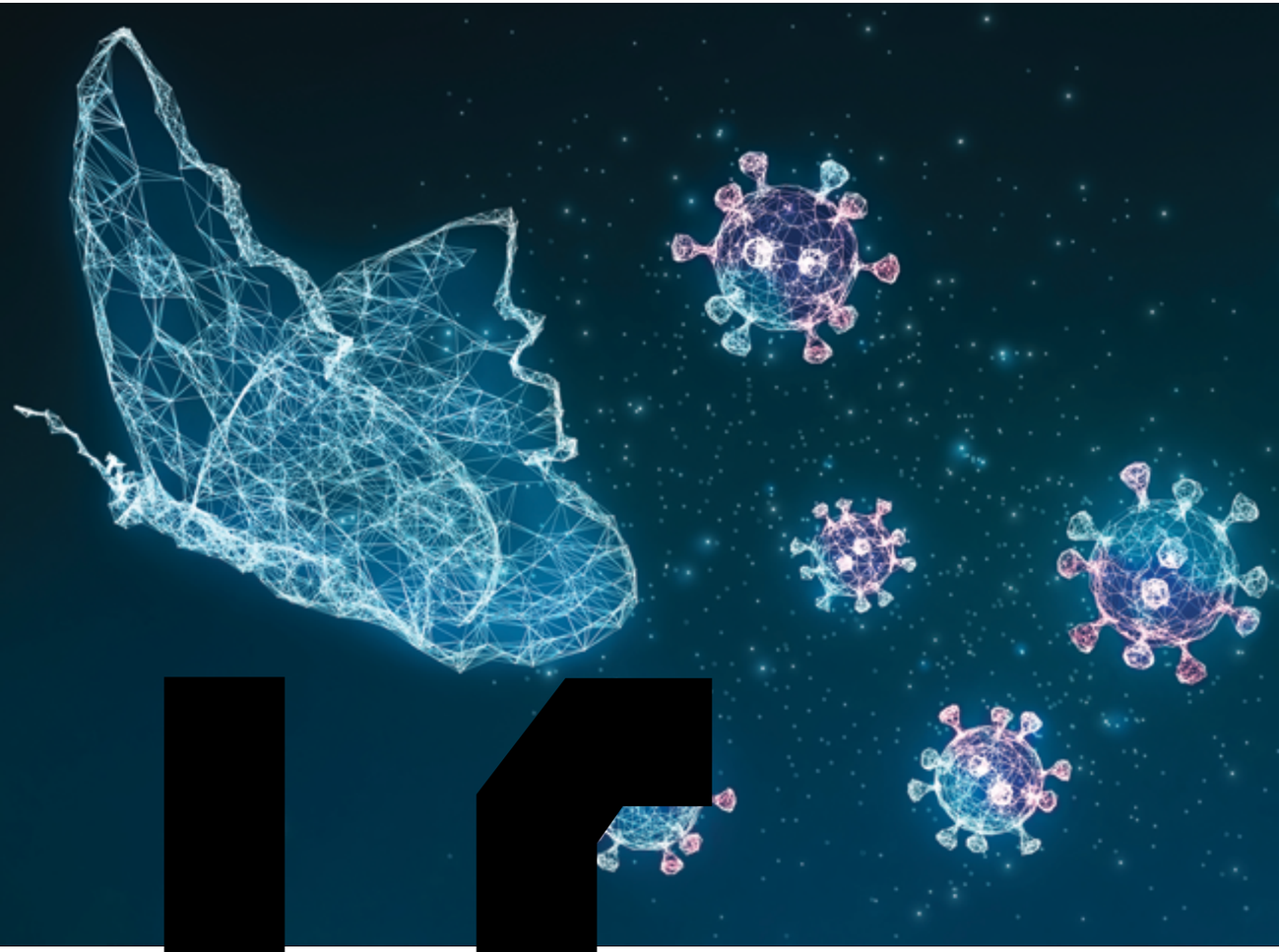
М.: Новое литературное обозрение, 2020

Это книга фактов и парадоксов, но в ней есть мораль. Текст соединяет культурную историю природных ресурсов с глобальной историей, увиденной в российской перспективе. Всемирная история начиналась в пустынях, но эта книга больше говорит о болотах. История требует действующих лиц, но здесь говорят и действуют торф и конопля, сахар и железо, мех и нефть. Неравномерность доступных ресурсов была двигателем торговли, и она же вела к накоплению богатств, росту неравенства и умножению зла. У разных видов сырья — разные политические свойства, и они порождали разные социальные институты. Поэтому сырьевые зависимости редко сменяли друг друга без войн и революции. Ни один из этих кризисов не пропал впустую, они вели к драматическим изменениям в отношениях между трудом, сырьем и государством. На пороге климатической катастрофы в борьбу людей за различение добра и зла включилась сама природа. Наш мир — итог ее временного единения с человеком. И раз уж изменить его не удалось, надо понять, как он устроен.

See below for the English version of the article

See below for the English version of the article

СЕРГЕЙ БОДРУНОВ: «ТЕКУЩИЙ КРИЗИС СЕРЬЕЗНЕЕ, ЧЕМ ВО ВРЕМЕНА ИСПАНКИ»



Интервью по следам МАЭФ порталу «Научная Россия» сопредседателя форума Сергея Бодрунова.
Источник: https://scientificrussia.ru.

Какой будет мировая экономика после пандемии коронавируса: насколько масштабные изменения в экономике и бизнесе грядут? Уместно ли сравнивать нынешнюю ситуацию с временами испанки и Первой мировой войны? Как коронавирус проявил противоречия в современной экономике? И почему российская экономика реагирует на кризис болезненнее, чем мировая? На эти и другие вопросы отвечает Сергей Дмитриевич Бодрунов — доктор экономических наук, профессор, эксперт РАН, президент Вольного экономического общества России, директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте.

See below for the English version of the article

ПОСЛЕДНИЕ КРИЗИСЫ — ЭТО НЕ КРИЗИСЫ ПЕРЕПРОИЗВОДСТВА, В ИХ ОСНОВЕ — ДРУГАЯ ПРОБЛЕМА

В ходе онлайн-сессии МАЭФ Вы сказали, что еще задолго до пандемии современная рыночная модель продемонстрировала признаки своего исчерпания и требует глубокой трансформации. Пожалуйста, обоснуйте свою точку зрения.

Сергей Бодрунов: Та экономическая модель, которая сегодня существует в мире, основана на рынке, частной собственности и на прибыли как главном результате деятельности. То есть целевая ее функция — не удовлетворение потребностей людей, в чем они действительно нуждаются, а в извлечении прибыли — любыми способами и любой ценой. В том числе — и через удовлетворение человеческих потребностей, но лишь частично. Отсюда — навязывание людям так называемых симулятивных, фейковых потребностей, удовлетворение которых чаще проще и, с точки зрения капитала, эффективнее. Капитал переливается в такие сферы, снижаются инвестиции в сектор реального производства. Таким образом, все более значительная часть продукта экономической деятельности, производство которого требует тем не менее реальных ресурсов, становится симулятивной. Эта модель — чем дальше, тем больше — утрачивает способность справляться не только с циклическим характером развития экономики, но и целым рядом присущих ей принципиальных и глубоких внутренних противоречий. С одной стороны, речь идет о максимизации прибыли. С другой — прибыль получается за счет удовлетворения потребностей людей. Но при этом решение задачи максимизации прибыли приводит к тому, что потребности людей удовлетворяются в той степени, в которой их можно удовлетворить со снятием максимально возможной прибыли. Это значит, что чем дальше, тем больше происходит нарастание реального социального неравенства, расслоение общества. То есть та часть, которая должна платить (а это — основная страта населения), постоянно платит, но меньше и меньше. А та часть, которая получает финансовый результат экономической деятельности, концентрирует все больший доход, становится более элитарной и замкнутой. Этот процесс сегодня мы видим в мире вполне отчетливо.

В целом эта ситуация наблюдалась всегда с момента, как утвердилась нынешняя экономическая модель. Но на отдельных этапах проблема в той или иной мере смягчалась за счет научно-технического прогресса (НТП), который временами сдвигал экономическую компоненту в сторону лучшего, в большей степени удовлетворения реальных потребностей людей, чем ранее. И таким образом в моменты перехода в новый технологический уклад возникали возможности для смягчения этих противоречий. Однако сегодняшний переходный этап к новому, шестому технологическому укладу принципиально отличается от предыдущих и характерен тем, что нынешнее состояние научно-технического прогресса, учитывая специфику его технологий, не позволяет решить эту проблему в рамках такой модели. Казалось бы, достижения современного НТП уже таковы, что позволяют, скажем условно, более-менее накормить, одеть, обогреть и создать приемлемые условия жизни везде в мире. Но реальность — другая. Наоборот, НТП, ускоряющийся «с ускорением», используется глобальным капиталом в рамках такой модели как инструмент (весьма дорогостоящий и недоступный большинству!) для достижения своих сущностных целей. На практике — для все более ускоренного выкачивания средств из секторов, удовлетворяющих реальные потребности, на финансовые, посреднические и тому подобные рынки. И обеднения, на самом деле, слоев населения, не имеющих широкого доступа к капиталу и ресурсам. К расслоению общества. К обнищанию все больших его страт. То есть та модель, которая сегодня функционирует, сейчас приводит не к смягчению, а к обострению главных противоречий и ведет в тупик. Более бедные становятся еще беднее, а богатые все больше богатеют. Рано или поздно это приведет либо к социальному взрыву, либо к исчерпанию самой модели. Сейчас именно такая ситуация, поэтому нынешнюю модель необходимо трансформировать, что позволило бы изменить соотношение и принципиальные подходы к реализации удовлетворения потребностей людей.

Последние постоянно усиливающиеся кризисы отличаются от тех, которые происходили на первоначальных стадиях развития капитализма. Это не кризисы перепроизводства, в их основе — другая проблема.

РАНО ИЛИ ПОЗДНО

это приведет либо к социальному взрыву, либо к исчерпанию самой модели.

See below for the English version of the article

Правда ли, что коронавирус стал триггером и более четко показал противоречия современной экономики? И почему?

Сергей Бодрунов: Современная экономика — не просто глобальная и исчерпавшая себя, но очень взаимозависимая. Это важная особенность современной экономической модели. И пандемия как раз обнажила эту жесткую зависимость. Если мы лишаемся в цепочках разработки, производства, логистики и т. п. какого-то важного звена, то возникает проблема, которая распространяется по всем технологическим, производственным линиям. И когда происходят такого рода события, как, например, пандемия, они становятся тем самым триггером, который переключает развитие экономической ситуации на негативную линию.

Мировая экономика после пандемии коронавируса — какая она?

Сергей Бодрунов: Безусловно, грядут изменения — не драматические, но заметные.

В первую очередь ожидаются изменения в применении и развитии технологий нового поколения. Человечество всегда движется по пути постижения новых знаний для удовлетворения все новых и новых потребностей. А новые знания, как правило, превращаются в новые технологии, если мы говорим о реальных потребностях людей. Новые технологии, как сублимированное знание, создают новое представление о жизни, о мире. Новую реальность. В каких-то случаях это происходит более стремительно, драматично, в других — менее.

Существенные изменения в применении и развитии технологий нового поколения произойдут, уверен, в труде. Уже сейчас многие компании заявляют, что будут отказываться от тех рабочих мест, которые расположены в офисе. Они перейдут на дистанционное участие работников в трудовой деятельности. Многие позиции будут пересмотрены с точки зрения управления процессами производства.

Изменения ожидаются и в образовании. Несколько лет назад я был приглашен в качестве профессора в один из наших вузов. Я предложил, учитывая свой график работы, проводить часть занятий со студентами дистанционно. И мне ректорат это не разрешил. Сегодня такой вопрос не задает никто. Пандемия научила всех дистанционному образованию. Думаю, что дистанционные технологии в образовании шагнут далеко вперед.

Сегодняшнюю ситуацию в образовании можно сравнить с той, которая происходила во времена Гутенберга, когда было изобретено книгопечатание. Тогда тоже шла большая дискуссия: необходимо ли печатать книги, или же профессор лично должен передавать свои знания? Но, как оказалось, знаниями можно делиться дистанционно через книгу. Причем на любую дистанцию — как в пространстве, так и во времени. И это очень ускорило и процесс образования, и процесс накопления знаний. Сегодня

See below for the English version of the article

онлайн-образование в определенной мере новое «книгопечатание». И мы будем наблюдать еще более ускоренные процессы внедрения дистанционных технологий. На мой взгляд, это приведет и к всплеску познания человеком окружающего мира, и к еще большему революционизированию НТП.

В целом важно понимать, что знание — это не только познание мира, но и, с точки зрения экономики, основной ресурс следующего этапа развития общества — я называю его новым индустриальным обществом второго поколения. Сейчас именно знание, в отличие от предыдущих этапов, когда были главными ресурсами другие (скажем, энергоресурсы), становится основным экономическим ресурсом. И поэтому потребление и переработка знаний должны усилиться. Отсюда — и развитие соответствующего технологического инструментария.

Далее — это научное познание. Если мы говорим, к примеру, о научных контактах, конференциях, где отрабатываются те или иные научные модели и теории, то мы уже проводим большую часть таких взаимодействий в онлайне.

В производстве продукции в отраслях реального сектора экономики появятся и безлюдные технологии, и интернет-управление, и робототехника. То есть все то, что должно было прийти к 2030–2040 годам, придет на 5–7 лет раньше.

И наконец, грядут изменения в сфере культуры, туризма, познания окружающего мира, в домохозяйстве. К примеру, очень быстро развивается интернет вещей. И в производстве, и в быту он будет вносить существенный вклад в изменение нашего миропонимания и жизни.

Уместно ли сравнивать нынешнюю ситуацию с временами испанки и Первой мировой войны? Или же это беспрецедентная ситуация?

Сергей Бодрунов: Между минувшими и текущими событиями есть корневая общность. Оба кризиса — следствия принятой и, по сути, сохраняющейся экономической модели общества. Есть и общие внешние черты. Коронавирус, как и испанка, тоже стал причиной глобальной пандемии. Если же сравнивать с Первой мировой войной, то война способствовала распространению испанки, поскольку перемещались большие контингенты людей, ускорилось движение товаропотоков. Естественно, что это все способствовало распространению эпидемии. В нынешнем же мире уже многие годы усиленно развиваются транспортные коммуникации. Каждые 10 лет почти удваивается количество перевозимых грузов, а перемещение людей достигло астрономических цифр. Кроме того, и причина нынешней кризисной ситуации тоже носит эпидемиологический характер. В этом — некое сходство ситуации нынешней с той, которая была век тому назад. Но сегодня наблюдается не такая страшная пандемия, как испанка, в те времена люди умирали миллионами, сейчас — существенно меньше жертв. Не скажу, как это связано с разницей в «зловредности» вирусов, но точно это сильно связано с тем, что изменился уровень наших знаний, нашего понимания мира и, соответственно, медицины и техники.

Что же касается конкретно России, то отличие нынешнего кризиса от происходящего в начале XX века в том, что он связан с падением цены на нефть и газ — на основной ресурс сегодняшней российской экономики. Разразилась война на нефтяном рынке, и это привело его к шоковому состоянию. Так что один из «отцов» нынешнего кризиса у нас — это как раз шоковая ситуация на рынке нефтепродуктов и энергоресурсов. И на нее, как в ситуации «идеального шторма», наложились пандемия и остановка экономической деятельности. Это — серьезное отличие нынешней ситуации от той, которая происходила век назад.

Сегодня, кроме того, мы наблюдаем, что эти две проблемы наслоились на другие, уже существующие в мире. В последние годы идет замедление темпов роста мировой экономики, в ней возникают множество проблем разного характера, которые проистекают из той экономической модели, в которой мы существуем. И это тоже влияет на нашу экономику. Поэтому сегодняшняя кризисная ситуация серьезнее, чем во времена испанки.

Эпидемия коронавируса влияет на динамику российской экономики гораздо больше, чем падение цен на нефть?

See below for the English version of the article

Сергей Бодрунов: Пожалуй, соглашусь. У российской экономики в целом довольно сложное положение. Мы многие годы по разным причинам наблюдаем фактически стагнацию экономики, в целом за десятилетие — относительно небольшой экономический рост. Существует проблема со спросом — основным фактором, который влияет на «разруливание» кризисной ситуации. Стагнация доходов населения происходила длительные годы, в результате чего мы потеряли 5–6 лет в доходах. Перед эпидемией доходы населения по сравнению с прошлым годом выросли на уровень около 1%, а если сравнивать с тем, какими они были пятью годами ранее, то это ниже на 5,5–6%. Все это не позволяет частному инвестору при таком спросе активно вкладываться в экономические субъекты, в развитие секторов, которые наполняют рынок. С другой стороны, если бы была такая потребность в развитии, то были бы и инвестиции, даже при не слишком комфортных для инвестора условиях и не особой развитости соответствующих институтов. Это — вторая проблема, которая есть в нашей экономике. В России очень низкая инвестиционная активность: недостаточно средств вкладывается в реальный сектор экономики, в новые сектора.

Правда ли, что российская экономика реагирует на коронакризис болезненнее, чем мировая?

Сергей Бодрунов: Да, он повлияет на Россию, видимо, жестче. Отечественная экономика затормозила из-за этого кризиса в момент, когда в стране не было интенсивного роста, а мы только-только начинали избавляться от тех проблем, о которых я сказал выше. То есть наметились лишь первые шаги, и тут — вся экономика остановилась.

С другой стороны, можно говорить и о некоторых плюсах. В России есть ресурсы для того, чтобы эту ситуацию разрешить благополучно и даже обойти конкурентов — ведь у них тоже не без проблем. В частности, у нас есть хорошие золотовалютные резервы. Накопились заделы в технологическом развитии: некоторые сектора нашей промышленности прилично развились за последние годы. Таким образом, мы набрали технологический капитал. Россия богата природными ресурсами, и поэтому даже при падении темпов роста мы все равно можем обеспечить себя в основном всеми ресурсами, которые нам необходимы.

Еще одна важная особенность, которая нам больше мешает, чем помогает, — это санкционная ситуация. Санкции, которые мы получили в результате проведения достаточно независимой экономической и политической линии, сильно повлияли на нашу экономику. Сначала мы наблюдали торможение экономики, но впоследствии, в рамках решения этих задач через импортозамещение и освоение новых пространств и рынков, мы сумели добиться хороших результатов в ряде секторов экономики. Благодаря в том числе контрсанкциям, например, в сельском хозяйстве, в атомной промышленности, частично — в машиностроении, в сфере некоторых видов вооружений и военной техники оборонительного характера. Так что, я думаю, здесь есть как минусы, так и плюсы. Эти особенности влияют на сегодняшнюю ситуацию в нашей экономике.

Согласны ли вы с тем, что из-за пандемии коронавируса и ее последствий ВВП России может упасть на 10–20%?

Сергей Бодрунов: Я бы сказал, что прогнозы падения ВВП как в мире, так и у нас в России — это, скорее, гадание на кофейной гуще. Я не зря на недавнем Московском академическом экономическом форуме (МАЭФ) не стал называть собственных цифр, поскольку могу очень легко ошибиться. В этом вопросе важно учесть многочисленные факторы, влияющие на экономику, в том числе — факторы со многими неизвестными. Например, мы не знаем «поведение» основного триггера — как будет развиваться пандемия. Невозможно сказать, сколько она будет продолжаться, будет ли вторая, третья волна, сколько людей в каких секторах экономики будут выбывать из строя и так далее. Как я отметил ранее, российская и мировая экономика — это связная экономическая субстанция, в которой выпадение одного или двух элементов может привести к глобальным обрушениям. Поэтому — что будет влиять и как, сказать очень сложно.

Недавно такого рода обсуждение мы проводили на экспертной сессии ВЭО. У нас были названы разные цифры. Например, самые оптимистические — это 3,5% падения ВВП в этом году. Был и пессимистический сценарий — это 12% и более. Однако мало кто из экспертов обратил внимание на то, что важнее не эти цифры, а структурные изменения, которые даже при снижении абсолютных показателей могут обеспечить большее удовлетворение реальных потребностей людей при сокращении симулятивных потребностей. Я имею в виду, что реальные потребности людей занимают не всю структуру ВВП. При этом в условиях кризиса мы прежде всего нуждаемся как раз в удовлетворении реальных потребностей. Именно поэтому мы должны обращать внимание на эту особенность при разработке стратегии выхода их кризиса и определении перспективных направлений развития, а не на рост ВВП любой ценой.

С другой стороны, порой высказываются мнения, что это менее важно, нам необходимо обязательно обеспечить рост ВВП, и тогда «будет нам счастье». И что даже сегодняшняя пандемия может привести не только к падению темпов роста ВВП, но и к его ускорению. К примеру, появится потребность в новых сканерах, специальных температурных измерителях, дезинфицирующих аппаратах и средствах, а это надо произвести, эксплуатировать, и все это будет способствовать росту ВВП. Но тогда, с этой точки зрения, любая катастрофа, которая происходит в мире, не снижает ВВП, а, по идее, увеличивает, а крупная катастрофа — значительно. Например, разрушена ГЭС, а потом мы долго, тщательно ее

See below for the English version of the article

See below for the English version of the article

восстанавливаем. В результате появляются тысячи рабочих мест, большие затраты, все это дает прибавку к ВВП. Но нужно ли нам такое ВВП? Рабочие места по восстановлению разрушенного или электроэнергия — через совершенствование мощностей этой ГЭС? Полагаю, второе. Поэтому точка зрения, что пандемия даст прибавку ВВП, имея «счетный смысл», не имеет хорошей гуманитарной компоненты. А нам нужен «гуманитарный рост ВВП», развитие, решение социальных задач.

Какие сферы экономики будут наиболее востребованы после коронавируса?

Сергей Бодрунов: Это — множество сфер, где могут быть востребованы и будут развиваться, воспроизводиться технологии, толчок которым дала нынешняя пандемия. Всех не перечислишь. Лучше назову те факторы, которые на это повлияют.

Резко повысится спрос на дистанционные способы трудовой деятельности, на механизмы и технологические сферы, которые будут это все обеспечивать. Повысится уровень автоматизации производства,

ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ ПРЕПОДАНЫ ОЧЕНЬ ЖЕСТКИЕ УРОКИ, И ПЕРВЫЙ ИЗ НИХ: МЫ НЕ НАСТОЛЬКО ПОЗНАЛИ МИР, КАК ПРЕДСТАВЛЯЛИ ДО ПАНДЕМИИ

спрос на безлюдные технологии, на когнитивно-ориентированные технологии, включая искусственный интеллект, Big Data, нейросети и другие.

На мой взгляд, возрастет спрос на то, что я называю технологиями доверия, — это те технологии, которые позволяют дистанционно обеспечивать верификацию документов, запросов, финансовых и сопровождающих транзакций, информационных потоков типа блокчейн и т. п. Вот эти факторы будут влиять на многие сферы экономики.

Главная задача — не столько определить конкретные сферы экономики, сколько тренды технологического развития: они могут быть новые, совершенно для нас сегодня неизвестные, как и те факторы, которые будут на развитие этих новых технологий влиять. Вот это важно учитывать. Эти факторы нуждаются в исследовании, а уже под них необходимо формировать соответствующие экономические решения.

Какой главный урок человечество должен извлечь после коронавируса?

Сергей Бодрунов: На мой взгляд, однажды вкусив сладкий плод, человек от него больше не откажется никогда, даже если он имеет негативные нарративы. Пандемия как раз и показала не только эти нарративы, но и возможности новые. «Онлайн-жизнь» в экономике, в быту имеет массу преимуществ. И в первую очередь это экономия времени и денег. С точки зрения экономики это самое важное, поэтому это будет точно развиваться. Но, с другой стороны, онлайн не заместит в полном объеме живого общения, которое тоже имеет свои преимущества.

В целом мы, человечество, получили очень жесткие уроки. Первый урок: мы не настолько познали мир, как мы себе это представляли до пандемии. Пока не стоит зазнаваться и считать себя царем природы. Сегодня лучшие умы планеты бьются над проблемой разработки вакцин, изучения коронавируса. Эта задача, как оказалось, непростая для мирового сообщества. Мы видим несовершенство многих медицинских технологий и многих технологических решений, связанных с производством тех аппаратов, приборов, на которые ориентируются при лечении больных.

Таких примеров можно приводить множество, и не только в сфере медицины или исследования причин пандемии. В этом вопросе много других связанных аспектов. Например, мы начинам понимать, что, весьма вероятно, неправильно решаем пространственную модель расселения населения, без учета выявившихся факторов формируем потоки людей, грузов и т. д. Многие вещи придется переформатировать.

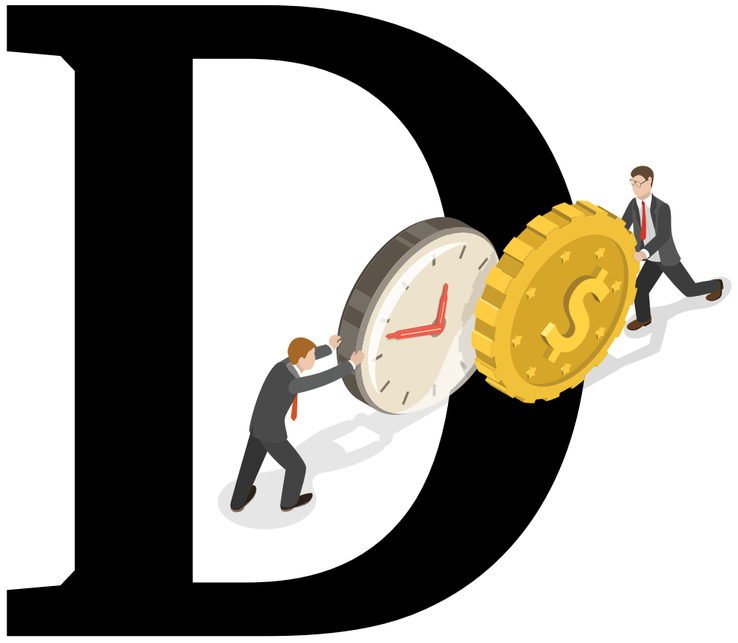
Та экономическая модель, в которой мы живем, рассчитана на индивидуализм — на индивидуальное потребление, на преимущественный учет индивидуальных интересов. Как отдельных людей, так и групп, и стран. И как раз самый важный урок, который сегодня мы вынесли, — что эти интересы оказываются побежденными «интересом солидарности». Общество все более осознает, что только общими усилиями можно побороть серьезные проблемы, которые возникают в ходе такого кризиса. Нам необходимо развивать экономику солидарности, ростки будущей экономики следующего этапа индустриального общества, нооономики, которые наметились до пандемии, но к изучению которых мы только приступили. На самом деле давным-давно пора этим заниматься.

По этому поводу мы в Вольном экономическом обществе совместно с Институтом индустриального развития им. С. Ю. Витте подготовили большой разговор. Санкт-Петербургский международный экономический конгресс (СПЭК) по теме экономики солидарности должен был пройти в марте. Но из-за текущих событий он перенесен на более поздний срок, когда мы сумеем собрать ученых и обсудить проблемы развития общества в этом ключе.

SERGEI BODRUNOV: “THIS CRISIS IS WORSE THAN SPANISH FLU”

Interview of the online journal Scientific Russia (scientificrussia.ru/)@with the Co-Chairman of the Moscow Academic Economic Forum in the footsteps of MAEF. Published on the permission

What will the world economy be like after the coronavirus pandemic: what major economic and business changes are coming? Is it appropriate to compare the current situation with the Spanish flu and the First World War? How did coronavirus reveal contradictions in the modern economy? And why is Russia's reaction to the crisis more painful than the world's? These and other questions are answered by Sergei Dmitrievich Bodrunov, Doctor of Economics, Professor, Expert of the Russian Academy of Sciences, President of the Free Economic Society of Russia, Director of the S.Yu. Witte Institute of New Industrial Development.



During the MAEF online session, you said that long before the pandemic the modern market model had been showing signs of exhaustion and was in need of deep transformation. Please explain your point of view.

Sergei Bodrunov: The economic model that exists today in the world is based on free market economy, private property and profit as the main result of business activity. It means that it is not focused on satisfying people's needs, their real needs, but rather on making profits — by any means and at any cost. Including through the satisfaction of people's needs, but only partially. Hence the foisting of so-called simulative, fake needs, which are often easier and more effective to satisfy in terms of capital. Capital is being poured into such areas, while investment in the real production sector is declining. Thus, an increasingly significant portion of the product of economic activity, which requires real resources, is becoming simulative. This model has been increasingly losing the ability to cope not only with the cyclical nature of economic development, but also with the whole range of fundamental and deeply inherent contradictions. On the one hand, it is about maximizing profits. On the other hand, profits come from satisfying the needs of people. But at the same time, solving the problem of maximizing profits leads to the fact that the needs of people are satisfied to the extent that they can be satisfied with maximum possible profit. It means that social inequality and the stratification of society will only be growing in the future. The part of the population that is supposed to pay (i.e. the main stratum of the population) is constantly paying, but less and less. And the group that receives the financial product of the economic is activity consolidating their incomes and is becoming more closed and elitist. Today we can observe this process quite clearly.

In general, a situation like this has always been observed since the establishment of the current economic model. But at certain stages, the problem was more or less mitigated due to scientific and technological progress, which at times shifted the economic component towards better satisfaction of people's real needs. And so, at the times of transition to a new technological mode, it was possible to mitigate those contradictions. However, the current transitional stage to a new, sixth technological mode is fundamentally different from the previous ones and is characterized by the fact that the current state of scientific and technological progress, given the specifics of its technologies, prevents this problem from being solved within the framework of such a model. It would seem that the achievements of modern scientific and technical progress are already such that they, to a certain degree, make it more or less possible to feed, clothe and keep people warm and to create acceptable living conditions everywhere in the world. But the reality is different. On the contrary, global capital uses scientific and technological progress, which advances “with acceleration”, in the framework of such a model as an instrument (a very expensive one and inaccessible to the majority!) serving its essential goals. In practice, for better siphoning off money from the real sector to financial and intermediary markets and the like. And for impoverishing the population segments that do not have wide access to capital and resources. For the stratification of society. For the impoverishment of ever greater population strata. The model that is functioning today, results not in mitigation, but in exacerbation of the main contradictions and leads into a dead end. The poor are getting poorer, and the rich are getting richer. Sooner or later, it will end either in a social explosion or in the exhaustion of the model itself. That is the situation, therefore, the current model needs to be transformed, which would change the attitude and fundamental approaches to meeting the needs of people.

The latest crises which have been constantly intensifying are different from the crises that occurred in the initial stages of the development of capitalism. They are not overproduction crises; they are based on a different problem.

Is it true that coronavirus triggered and showed more clearly the contradictions of modern economy? And why?

Sergei Bodrunov: The modern economy is not just global and exhausted; it is also very interdependent. It is an important feature of

the modern economic model. And the pandemic just exposed this high degree of interdependency. If an important link is missing from the development, production or logistics chain, then a problem will arise and spread across all technological and production areas. When such events as the pandemic occur, they may switch the development of the economic situation to the negative side.

The global economy after the coronavirus pandemic: what is it like?

Sergei Bodrunov: Of course, changes are coming — not dramatic, but noticeable.

First of all, changes are expected in the application and development of new generation technologies. Humanity is always moving towards new knowledge to meet more new needs. And new knowledge, as a rule, turns into new technology if we mean real needs of people. New technologies, like sublimated knowledge, create a new idea of life, of the world. A new reality. In some cases, it happens more rapidly, dramatically, in others — less.

I am sure significant changes in the application and development of new generation technologies will occur in labor. Already, many companies are declaring that they will abolish office jobs. They will switch to remote work. Many positions will be reimagined in terms of production management.

Changes are expected in education. A few years ago, I was invited as a professor to one of our universities. I suggested, given my work schedule, to conduct part of the classes remotely. The administration didn't allow me to do this. Today, no one will object. The pandemic taught everyone to accept distance learning. I think that remote technologies in education will advance rapidly.

The current situation in education can be compared with that during the times of Gutenberg, when printing was invented. There was also a big discussion back then: is it necessary to print books, or should the professor share his knowledge in person? As it turned out, knowledge can be shared remotely, through a book. Moreover, at any distance, both in space and in time. And this greatly accelerated the process of education and the process of accumulating knowledge. Today, online education is, to a certain extent, a new "typography". And we will be observing even more accelerated implementation of remote technologies. In my opinion, this will lead to a surge in man's knowledge of his environment and to an even greater revolutionization of scientific and technological progress.

In general, it is important to understand that knowledge is not only knowledge of the world, but, from the point of view of economics, it's the main resource of society's next development stage — I call it the new industrial society of the second generation. Today, in contrast to the previous stages when there were other main resources (e.g., energy), it is knowledge that has become the main economic resource. And therefore, the consumption and processing of knowledge must increase. Hence the development of appropriate technological tools.

Next is scientific knowledge. If we take, for example, contacts between scientists and conferences, where particular scientific models and theories are being discussed, we already conduct most of those interactions online.

Unmanned systems technologies, over-the-Internet control and robotics will feature in the production of real sector goods. Everything that was supposed to appear by 2030-2040 will make its appearance 5 or 7 years earlier.

FIRST OF ALL, CHANGES ARE EXPECTED IN THE APPLICATION AND DEVELOPMENT OF THE NEW GENERATION TECHNOLOGIES

And finally, changes are coming to the fields of culture, tourism, knowledge of the world, and to the household. For example, the Internet of things is developing very fast. Both in production and in everyday life, it will make a significant contribution to changing our worldview and life.

Is it appropriate to compare the current situation with the times of the Spanish Flu and the First World War? Or is the current situation unique?

Sergei Bodrunov: There is a commonality between past and current events. Both crises are the consequences of a generally accepted and, in fact, continuing economic model of society. There are also some external common features. Coronavirus, as well as Spanish flu, caused a global pandemic. If compared with the First World War, the war contributed to the spread of the Spanish flu due to movements of human masses and the acceleration of the movement of goods. Naturally, all this contributed to the spread of the epidemic. At present, transport has been rapidly developing for many years. Every ten years, the amount of goods transported almost doubles, and movements of people have increased astronomically. In addition, the cause of the current crisis is also of an epidemiological nature. There is a kind of similarity between the current situation and the situation that existed a century ago. But the current pandemic is not as horrible as the Spanish flu; in those days people were dying in the millions, now there are significantly fewer victims. I won't say if it is connected with the difference in the "maliciousness" of the viruses, but it's certainly connected with the fact that the level of our knowledge, our understanding of the world and, accordingly, medicine and technology has changed.

As for Russia specifically, the difference between the current crisis and what was happening at the beginning of the 20th century is that it's associated with a reduction in oil and gas prices — the main resource of Russia's present-day economy. A war has broken out in the oil market, which gave it a heavy shock. So, one of the "fathers" of the current domestic crisis is the shock to the oil and energy markets. And, like in a "perfect storm", it was augmented by a pandemic and a halt in economic activity. It's what makes the current situation different from what happened a century ago.

Today, in addition, we observe that these two problems coincided with others that have already been in existence. In recent years, there has been a slowdown in the growth rate of the world economy; many problems of various nature have arisen, which stem from the economic model in which we currently exist. And it also affects our economy. Therefore, the current crisis is more serious than the one during the Spanish flu.

Has the coronavirus epidemic affected the growth of the Russian economy more than the decline in oil prices?

Sergei Bodrunov: It seems it has. The Russian economy as a whole is in a rather difficult situation. For many years, for various reasons, the economy has been struggling, with a relatively insignificant growth over the last decade. There is a problem with demand — the main factor that affects the "resolution" of the crisis. The stagnation of the population's income continued for many years, and as a result we lost 5-6 years in terms of income. Before the epidemic, household incomes increased by nearly 1% compared to the last year, and when compared with what they were five years earlier, they are 5.5-6% lower. Demand being as it is, the private investor cannot actively invest in economic entities, in the development of sectors that fill the market. On the other hand, if there was a need for development, there would be investments, even if the conditions were not very comfortable for the investor and the institutions were not particularly developed. It's the second problem with our economy. Russia has very weak investment activity: insufficient funds are invested in the real sector of the economy, in the new sectors.

Is it true that the Russian economy reacts more painfully to the pandemic crisis than the world at large?

Sergei Bodrunov: Yes, it will have a greater effect on Russia. The domestic economy slowed down due to the crisis at a time when there was no active growth, and we were just starting to get rid of the problems that I mentioned above. Hardly had the first steps been outlined, when the entire economy came to a standstill.

On the other hand, we can mention some pros. Russia has the resources to resolve this situation safely and even outperform its competitors — because they also have certain problems. In particular, we have ample gold and foreign exchange reserves. Advances in technological development have also accumulated: some of our industries have developed quite well in recent years. Thus, we have gained some technological footing. Russia is rich in natural resources, and therefore, even with a decline in growth, we can still provide ourselves basically with all the resources we need.

Another important feature that bothers us more than helps us is the situation with the sanctions. The sanctions that were imposed on us as a result of a fairly independent economic and political line have greatly affected our economy. At first, we observed an economic slowdown, but later, while trying to solve these problems through import substitution and the development of new economic areas and markets, we managed to achieve some good results in several sectors of the economy. Thanks, among other things, to counter-sanctions, for example, in agriculture, in the nuclear industry, partly in mechanical engineering, in the field of certain types of armaments and military equipment of a defensive nature. So, I think there are pros and cons here. Those peculiarities affect the current economic situation.

Do you agree that due to the coronavirus pandemic and its consequences, Russia's GDP may fall by 10-20%?

Sergei Bodrunov: I would say that the predictions of a decline in GDP both globally and in Russia are more like fortune-telling on coffee grounds. That's why I opted against giving my own predictions at the Moscow Academic Economic Forum (MAEF). I can make mistakes very easily. In this matter, it is important to take into account the numerous factors affecting the economy, including factors with many unknowns. For example, we do not know the "behavior" of the main trigger — how the pandemic will develop. It is impossible to say how long it will continue, whether there will be a second or a third wave,

PEOPLE'S REAL NEEDS DO NOT OCCUPY THE ENTIRE STRUCTURE OF GDP. WE SHOULD FOCUS ON THEM, NOR ON GDP GROWTH

how many people in which sectors of the economy will be affected, and so on. As I noted earlier, the Russian and global economies are interrelated, and the loss of one or two of their elements may lead to a global collapse. Therefore, it will be very difficult to say what will affect us and how.

Recently, we held a similar discussion at the expert session of the VEO. We heard different numbers. For example, the most optimistic one is a 3.5% drop in GDP this year. There was also a pessimistic scenario — 12% or more. However, few experts admitted that those figures mattered less than the structural changes that, even with a decrease in absolute values, can provide greater satisfaction of the real needs of people while reducing simulative needs. I mean that people's real needs do not occupy the entire structure of GDP. Moreover, in a crisis, what we need most is meeting the real needs. That's why we should focus on this, not on GDP growth at any cost, when developing a strategy for overcoming the crisis and identifying promising areas of development.

On the other hand, some say it's less important, and it's necessary to ensure a GDP growth instead, and then "we will be happy". And that the pandemic today can lead not only to a decline in GDP growth, but also to its acceleration. For example, there will be a need for new scanners, special temperature meters, disinfecting devices and tools, and they will have to be produced, operated, and all this will contribute to a GDP growth. But then it means that any catastrophe that occurs will increase GDP, instead of reducing it, and a major catastrophe will result in a significant increase. For example, consider destruction of a hydroelectric power station. We will then take our time to carefully restore it. As a result, thousands of jobs will be created, and a lot of money will be spent. All that will contribute to an increase in GDP. But do we really need this kind of GDP? What do we need jobs for: to restore destroyed property or to generate more electricity through raising the hydroelectric power station output? I would opt for the second alternative. Therefore, the point of view that a pandemic will give us a "countable" increase in GDP does not carry a good humanitarian component. What we need is a "humanitarian growth in GDP", development, and solving social problems.

What areas of the economy will be most in demand after the coronavirus?

Sergei Bodrunov: These are the many areas in which the technologies prompted by the current pandemic are in demand and will be reproduced and developed. I cannot name them all. I'd better name the factors that will affect this.

The demand for remote work methods and supporting mechanisms and technologies will sharply increase. The level of production automation will go up, and the demand for unmanned technologies, cognitive technologies, including artificial intelligence, Big Data, neural networks, etc., will be much greater.

In my opinion, the demand for what I call " technologies of trust" will increase too — those are technologies that allow you to remotely verify documents, requests, financial and accompanying transactions, information flows, such as blockchain, etc. Those factors will affect many areas of the economy.

The main task is to identify not so much specific areas of the economy as the trends of technological development (they may be new, completely unknown to us today) and those factors that will influence the development of the new technologies. It's an important point to take into consideration. Those factors need research, and should be used as a basis for future economic decision-making.

What is the main lesson humanity will have learned after the coronavirus pandemic?

Sergei Bodrunov: In my opinion, having tasted sweet fruit once, man will never give it up, even if it has some negative narratives. The pandemic has just showed not only those narratives, but also new opportunities. "Online presence" in the economy, in everyday life has a lot of advantages. And first of all, it saves time and money. Economically, it's what's most important, so it will definitely be developing further. But, on the other hand, online presence does not completely replace face-to-face communication, which also has its advantages.

In general, we, humanity, have learned very hard lessons. First lesson: we did not know the world as much as we imagined we did before the pandemic. Time has not yet come for us to get on our high horses. Today, the planet's best minds are struggling with the problem of developing vaccines and studying the coronavirus. That task proved to be not so simple for the global community. We see that many medical technologies and many technological solutions associated with the production of devices for the treatment of patients are far from perfect.

There are many such examples, and not only in the field of medicine or research into the causes of a pandemic. There are many other related aspects to this question. For example, we are starting to understand that it is very likely that we have been incorrectly solving the spatial model of population distribution, we have been computing flows of people, goods, etc. without taking into account certain emerging factors. Many things will have to be reformatted.

The economic model in which we live is designed for individualism — for individual consumption, for the primacy of individual interests of individuals, groups, and countries. And just the most important lesson we have learned today is that those interests are subordinated to the "solidarity interest." Society is increasingly realizing that only by joint efforts can serious problems that arise during such a crisis be overcome. We need to develop an economy of solidarity, rudiments of the future economy of the next generation industrial society, noonomy, which were visible before the pandemic and which we barely began to study. Actually, we should have started doing it a long time ago.

On this occasion, we at the Free Economic Society, together with the S.Yu. Witte Institute of New Industrial Development made preparations for a big discussion. The St. Petersburg International Economic Congress (SPEC) devoted to the economy of solidarity was scheduled for March. But due to the current situation, it was postponed to a later date when we will be able to gather scientists and discuss the problems of the development of society in this vein.

Развитие науки

«Наука в посткоронном мире»

В 2019 году было сделано много революционных научных открытий. Сегодня перед учеными стоят еще более сложные задачи, все взоры обращены к науке. Коронакризис — момент истины для науки, сможет ли она дать ответ на текущие вызовы? Какова ее роль в создании новой экономики?

Развитие науки

23

23 июня Российская академия наук провела беспрецедентное общее собрание — 2000 человек онлайн. Министр науки и высшего образования Валерий Фальков подчеркнул на открытии: «Потребность в науке и новых научных решениях в борьбе с пандемией говорит о том, что общество во всем мире понимает, какую важную роль играет наука». И это, судя по количеству и качеству различных собраний ученых в разных странах мира именно во время пандемии, не пустые слова. Общество ждет от науки решений.

Как отметил президент РАН Александр Сергеев, деятельность Академии в большей степени связана с экспертизой, а не с реальным руководством научными исследованиями, РАН не получает государственных заданий на проведение научных исследований. В ноябре 2019 года президенту России были направлены соответствующие предложения, предполагающие проведение научных исследований непосредственно Российской академией наук.

И в 2019 году была подготовлена Программа фундаментальных научных исследований из шести подпрограмм: аналитические исследования, фундаментальные научные исследования, фундаментальные исследования на установках мегасайенс, ориентированные фундаментальные исследования по направлениям Стратегии НТР, инициативные фундаментальные исследования, финансируемые фондами и из внебюджетных источников, а также научные исследования, реализуемые в сфере оборонно-промышленного комплекса.

Однако, констатировал Сергеев, «финансирования на уровне 1% от ВВП недостаточно для выполнения поставленных целей, в частности, войти в пятерку стран по уровню научно-технологического развития». В глобальном рейтинге «Индекс инноваций» Россия занимает лишь 46-е место.

По словам президента Академии, необходимо разработать цепочку, по которой наука будет активно взаимодействовать с экономикой. «Мы должны четко сформулировать то, каким образом наука станет производительной силой экономики. Законы, как правило, не работают до тех пор, пока на высшем уровне отсутствует система государственной политики», — отметил академик.

Александр Сергеев также сформулировал предложения Академии: определить «основы государственной политики развития науки и технологий и формирования национальной инновационной системы на период до 2035 года и дальнейшую перспективу»; принять закон, в соответствии с которым наделить РАН организационно-правовым статусом «Государственная академия».

На собрании были представлены основные достижения членов Академии за 2019 год — от восстановления алгоритмов из бинарного кода до рентгеновской обсерватории «Спектр-РГ» и многое, многое другое.

«Российская академия наук — это площадка, на которой могут быть объединены усилия государственных структур. РАН должна стать родной для всех. И мы действительно готовы на нашей площадке организовывать взаимодействие ученых, которые работают в разных государственных структурах», — подчеркнул президент РАН.

По следам и Собрания РАН, и МАЭФ-2020 в разговоре с президентом Вольного экономического общества России профессором Бодруновым в программе «Дом “Э”» на телеканале ОТР Александр Сергеев развил свою мысль о роли РАН в научно-техническом развитии.

«Пока у нас в стране существует несколько разных инновационных экосистем. Есть Сколково, есть НТИ — Национальная технологическая инициатива, есть НТЦ — инновационные долины, есть то, чем академия наук занимается, — это комплексные научно-технические программы обеспечения стратегии научно-технологического развития. И они все предназначены для того, чтобы решить один и тот же вопрос: как нам притянуть интерес и ресурсы экономики в то, чтобы создать цепочки сплошного инновационного цикла. Где-то они работают. «Сколково» отчитывается, что у них есть достижения, НТИ отчитывается, что у них есть достижения, и так далее. Но, если посмотреть на эту систему в целом, кажется, что у государства должна быть более серьезная координирующая роль. Пусть есть несколько разных таких экосистем, но должно быть что-то надведомственное над вот этими различными системами, которое бы регулировало, определяло лучшие практики. И пока у нас такой единой государственной политики в отношении инноваций не будет проводиться, у нас примеры, о которых мы говорим, будут единичными. Вот это основная проблема. И никогда мы не встанем на рельсы стремительного научно-технологического прогресса, которые экономику двигают, а экономика в него реинвестирует, чего надо добиваться», — отметил академик Сергеев.

По мнению президента Академии, РАН в этом отношении должна играть более серьезную роль, и в общем та роль, которую ей сейчас приписывают — реализация стратегии научно-технологического развития, — это серьезная роль.

«Здесь мы тоже до конца пока еще не отладили запуск этих цепочек, хотя таких цепочек собрано уже десятки. И что самое интересное, бизнес, который стоит справа и говорит, что, если эта технология будет сделана, будет новый продукт, я войду в рынок с этим новым продуктом. Бизнес уже дает средства в эти цепочки, он готов инвестировать», — говорит академик.

Однако, к сожалению, государство пока не очень дирижирует этим процессом, и в этом проблема, потому что сколько фундаментальных исследований ни делай, если это не нужно для людей, для экономики страны, они так и останутся невостребованными.

«Академия наук может и должна внести свой вклад в то, чтобы нашу экономику и нашу науку сделать инновационно ориентированными, при всем при том, что Академия наук, еще раз, это, конечно, прежде всего, генерация задела, генерация вот того знания, из которого эти инновационные цепочки между наукой и экономикой дальше будут вырастать. Но дистанцироваться, отделяться, говорить, что мы эти знания генерируем, а вы уж там сами дальше разбирайтесь — это неправильно. Мы здесь свою ответственность понимаем», — заключил президент РАН.

Обзор: Дмитрий Травин

В 2019 ГОДУ БЫЛА ПОДГОТОВЛЕНА

программа фундаментальных исследований из шести важных подпрограмм.

АКАДЕМИК СЕРГЕЕВ: "ФИНАНСИРОВАНИЕ НА УРОВНЕ 1 ПРОЦЕНТА ВВП НЕДОСТАТОЧНО ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ ПОСТАВЛЕННЫХ ЗАДАЧ"

Почему национальный план восстановления экономики не стал сенсацией

Президент России Владимир Путин одобрил предложенный правительством Национальный план восстановления экономики. По его словам, стратегическая задача плана — не только стабилизировать ситуацию, но и поддержать граждан, предприятия, бизнес на этапе выхода из кризиса, а также добиться долгосрочных структурных изменений в экономике. Однако, по мнению экспертов, ждать от плана сенсационных изменений не приходится: его цели довольно скромны и «обречены на выполнение».

Автор: Надежда Толстоухова

Экономическая политика

ПО ПЛАНУ

По словам премьер-министра РФ Михаила Мишустина, основная цель плана — преодолеть спад, вызванный пандемией коронавируса, и выйти на устойчивые темпы роста ВВП, что позволит стабильно увеличивать реальные доходы граждан. В документе прописан целый комплекс мер по разным направлениям. В частности, речь идет об усилении инвестиционной активности, более широком по сравнению с нынешним использовании цифровых технологий, повышении уровня образования, быстром строительстве жилья и ряде других направлений.

В документ вошли меры, предложенные Госдумой и Советом Федерации, Общественной и Торгово-промышленной палатами, Российским союзом промышленников и предпринимателей, «Деловой Россией» и «Опорой России», Общероссийским народным фронтом, а также представителями научного сообщества.

План рассчитан до конца 2021 года. Реализовать его планируется в три этапа. Цель первого этапа, который продлится до конца третьего квартала 2020 года, — стабилизировать экономическую ситуацию в наиболее пострадавших от тотального локдауна отраслях и не допустить более широкого распространения рецессии. На втором этапе, который продлится до конца второго квартала 2021 года, экономика должна пережить «восстановительный рост». Третий этап — это стадия «активного роста», когда, по задумке правительства, российская экономика должна будет приблизиться к темпам роста выше мировых. Произойти это должно не

позднее конца четвертого квартала 2021 года. Предполагается, что к тому времени все экономические ограничения, введенные из-за коронавируса, будут сняты.

К концу 2021 года, согласно проекту плана, должен быть обеспечен устойчивый рост реальных денежных доходов населения, снижение безработицы до уровня не более пяти процентов, рост ВВП на уровне не менее 2,5 процента в годовом исчислении.

Всего в Национальный план восстановления экономики вошло более 500 мероприятий, общая сумма финансирования которых составляет почти 5 трлн рублей. Однако «новых» денег из них — всего 433 млрд рублей, остальные ранее были запланированы на финансирование национальных проектов. По словам Михаила Мишустина, из-за принятия нового плана нацпроекты потребуют корректировки, и в ближайшее время правительство займется разработкой и внесением поправок в них. Федеральный бюджет на 2021 год должен быть принят уже с их учетом.

В сущности, Национальный план восстановления экономики представляет собой сумму всех мер, введенных правительством в трех «антикризисных» пакетах, последовательно принятых весной и летом 2020 года. С некоторыми — небольшими — дополнениями. Так, в соответствии с планом, в 2020 году на восстановление российской экономики будет потрачено 2,8 трлн рублей, но только 133 млрд из них на мероприятия, которые не входили в три первых пакета. На 2021 год заложено 2,4 трлн рублей, из них на новые меры — около 300 млрд рублей.

План предусматривает инвестиции в инфраструктуру в размере 2 трлн рублей в 2020–2021 годах, затраты на импортозамещение — 1 трлн рублей, на поддержку граждан — более 700 млрд рублей, на поддержку отдельных секторов экономики также более 700 млрд рублей.

Для поддержки малосо и среднего бизнеса (МСБ) в плане предусмотрен отказ от индексации страховых взносов на период 2021 года, внедрение механизма поддержки ИП и МСБ в наиболее пострадавших отраслях в связи с расходами на обеспечение соответствия санитарно-эпидемиологическим требованиям, установление переходного налогового режима для налогоплательщиков, утративших право на применение упрощенной системы налогообложения, повышение возможности использования системы быстрых платежей ЦБ для снижения транзакционных издержек, временная либерализация правовых последствий банкротства для добросовестных индивидуальных предпринимателей в целях упрощения их повторного вхождения в бизнес (согласно действующим нормам после признания банкротом ИП не может заниматься предпринимательской деятельностью в течение пяти лет).

Специальные меры поддержки коснутся отрасли жилищного строительства и туризма. В первом случае речь идет о реализации программы субсидирования ипотеки на новостройки под 6,5 процента годо-

ОСНОВНОЙ НЕДОСТАТОК ПЛАНА ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ — НИЗКИЙ УРОВЕНЬ РАСХОДОВ

МОЖЕТ, ОБОЙДЕТСЯ?

Антон Силуанов,
министр финансов РФ:

«В целом падение нашей экономики может оказаться не таким глубоким, а восстановление более динамичным, чем в других странах. Бюджет будет постепенно приводиться в соответствие с возможностями экономики. Мы вернемся к соблюдению принципов бюджетной политики, обеспечивающих стабильность экономических и финансовых условий в стране, содействующих ускорению частных инвестиций через обеспечение устойчиво низкого уровня процентных ставок. Начиная с 2022 года расходы будут вновь ограничены рамками бюджетного правила. Это позволит сохранить высокий уровень доверия инвесторов к проводимой макрополитике и обеспечить доступность финансового ресурса для внебюджетного сектора».

вых, во втором — о снижении с 1 января 2021 года ставки НДС до 7 процентов для туристических компаний. Кроме того, предприятиям гостинично-туристской сферы планируется возместить половину платежей по процентам и отсрочить выплаты основного долга по ранее выданным кредитам на второе полугодие 2020 года.

Поддержать планируется и экспортеров. Для них с июля начали действовать обновленные субсидии на сертификацию, омологацию (доработку для внешних рынков) и транспортировку продукции. Также расширены возможности получения транспортной субсидии: экспортеры, которые не попали в реестр на ее получение на 2020 год, смогут сделать это сейчас.

Говорится в плане и о запуске сервиса «одного окна» на базе Российского экспортного центра, об организации электронного документооборота в морских пунктах пропуска и об улучшении инфраструктуры автомобильных дорог около таких пунктов. Однако речь об этом идет уже далеко не первый год, поэтому копившиеся годами проблемы вряд ли будут решены быстро.

недостатки

Основной недостаток плана восстановления экономики — низкий уровень расходов, составляющий всего 4,5–5 процента ВВП, считает главный экономист рейтингового агентства «Эксперт РА», доцент ВШЭ Антон Табах.

По его мнению, большинство пунктов плана «обречены быть выполненными», поскольку изначально амбициозных целей правительство перед собой не поставило. Восстановление экономики может произойти и само собой при стабилизации нефтяных цен чуть выше нынешнего уровня и сохранении темпов выхода мировой экономики из противоэпидемических мер (главную роль, по мнению эксперта, в этом процессе играют США, Европа и Япония).

Недостатком плана Табах считает также излишнюю «прижимистость» правительства, отказ от сколько-нибудь существенных выплат работникам пострадавших от кризиса отраслей — малого бизнеса и сферы услуг. Поскольку большая часть зафиксированных в плане мер предусматривает отсрочки по налогам и кредитам, то скоро может возникнуть необходимость срочно решать, что делать со стремительно растущими объемами долгов. Возможно, их придется списать, потому что вряд ли за оставшееся до конца года время у малого и среднего бизнеса появятся свободные средства, чтобы рассчитаться.

По оценкам начальника аналитического управления банка «ФК Открытие» Анны Мориной, в 2020 году ВВП России сократится примерно на 6 процентов по сравнению с прошлым годом. От этого уровня, по ее оценкам, в ближайшие три года можно будет ожидать ежегодный рост 3 процента. В таком случае к номинальному ВВП 2019 года Россия выйдет в 2021 году, а в реальном выражении — ближе к 2022-му. Но для этого нужны не только государственные инвестиции в экономику, закрепленные Общенациональным планом, но и сделка с другими нефтедобывающими странами в рамках ОПЕК+, поскольку российская экономика до сих пор так и не слезла с «нефтяной иглы».

Экономическая политика

«Основными драйверами грядущего роста, кроме нацпроектов и стимулирования экономики государством, в том числе через госинвестиции, станет увеличение добычи нефти. Но нужны отмена или сокращение ограничений на добычу нефти по соглашению ОПЕК+ и рост цен на нефть хотя бы до уровня $45–55 за баррель», — говорит Морина. По данным на 12 августа 2020 года, цена на нефть марки Brent превысила 45 долларов за баррель, составив 45,13 доллара, так что российская экономика имеет шанс пойти в рост независимо от предпринимаемых правительством мер.

ЕСЛИ ИЗМЕНИТЬ ПОДХОД К АДМИНИСТРИРОВАНИЮ...

Тот факт, что принятие Национального плана восстановления экономики потребует пересмотра нацпроектов, эксперты считают скорее благом, поскольку в нацпроектах изначально существовали серьезные недостатки.

«Реализация нацпроектов в нынешних условиях оказалась замедленной, и это дает возможность их пересмотреть, — говорит преподаватель департамента мировой экономики НИУ ВШЭ Анастасия Подругина. — В этом скорее плюс, чем минус, потому что есть возможность изучить и исправить их слабые стороны. Анализ мирового опыта показывает, что для решения инфраструктурных задач государственные инвестиции могут быть более или менее полезны, хотя их эффективность варьируется. Если нацпроекты будут пересмотрены и перенаправлены на закрытие наиболее проблемных зон, то вполне возможно, это приведет к дополнительному экономическому росту».

По ее словам, опыт других государств показывает, что при эффективном администрировании государственные вливания в экономику могут быть вполне оправданными. Так, удачными были несколько антикризисных программ Китая. К примеру, после программы восстановления китайской экономики, запущенной в 2008 году, стране удалось достигнуть экономического роста 9,6 процента. «Одним из серьезных факторов успеха был тот факт, что программы и задачи выбирались на региональном уровне и деньги распределяли регионы», — говорит Подругина.

А вот «антикризисный» опыт Бразилии был куда менее удачным как раз потому, что распределяли деньги излишне централизованно. Как следствие, освоить деньги в течение отведенного времени не успели и цели антикризисного плана остались не достигнуты.

Подобные ошибки были допущены и при реализации российских нацпроектов. В частности, более 40 процентов расходов в рамках нацпроекта «Цифровая экономика» в 2019 году были сделаны в четвертом квартале, но даже это не «спасло» проект: по итогам года уровень исполнения расходов по проекту едва превысил 73 процента. Судя по всему, в 2020 году этот нацпроект столкнется с той же проблемой: в соответствии с опубликованными недавно данными Счетной палаты, исполнение расходов в первом полугодии 2020 года составило только 11 процентов от плана.

АНАСТАСИЯ ПОДРУГИНА: "НЕПРОСТО НАЙТИ СМЕТУ ФИНАНСИРОВАНИЯ НАЦПРОЕКТОВ В СВОБОДНОМ ДОСТУПЕ"

Таким образом, первое, что следует учесть российскому правительству при пересмотре механизма реализации нацпроектов, — это неравномерность реализации предусмотренных ими мер из-за излишней централизованности административных процессов.

Другая проблема в реализации российских нацпроектов, по мнению Анастастии Подругиной, это непрозрачность отчетности. «Достаточно непросто найти смету финансирования нацпроектов, а те документы, которые размещаются в свободном доступе, оказываются неподробными», — говорит она. В дополнение к словам эксперта Счетная палата называет еще несколько проблем в реализации российских нацпроектов — это несогласованность их целей, отсутствие статистики, неочевидные параметры эффективности нацпроектов и т. д.

По словам Антона Табаха, в ближайшие два года фокус внимания российского правительства неизбежно переключится с нацпроектов на Национальный план восстановления экономики. Последует переформатирование нацпроектов: уже понятны «кандидаты» на урезание и на увеличение расходов. Тем не менее распорядителям бюджетных расходов необходимо скорректировать не только их величину, но и условия распределения и администрирования, считает он.

пандемия: дайджест

пандемия коронавируса обострила проблемы бедности и голода

До 60 миллионов человек во всем мире могут в этом году оказаться в крайней бедности из-за пандемии коронавируса, прогнозирует глава Всемирного банка Дэвид Малпасс. К крайне бедным организация относит тех, чей доход составляет 1,9 доллара в день и ниже. Глубокая рецессия мировой экономики сведет на нет прогресс, достигнутый в борьбе с бедностью в последние три года, предупреждает Малпасс.

В ближайшие 15 месяцев Всемирный банк выделит 160 млрд долларов на субсидии и другие виды поддержки наиболее пострадавшим странам. Ранее экономическая помощь банка была распределена между 100 странами, более трети которых — африканские.

По оценкам британской неправительственной организации Oxfam, меры по борьбе с коронавирусом усугубят продовольственный кризис и могут привести к тому, что до 12 тысяч человек в день будут умирать от голода. В числе стран, где продовольственный кризис стоит наиболее остро, Йемен, Гаити, Эфиопия. Из-за пандемии с быстро растущей проблемой голода столкнулись Индия и Бразилия.

В России из-за пандемии коронавируса и ее экономических последствий может «скатиться в бедность» средний класс. Такое мнение в интервью РБК высказал ректор Высшей школы экономики Ярослав Кузьминов. «Если обедневшие богатые все равно останутся богатыми людьми, а бедные так и будут бедными, то для среднего класса есть серьезные риски скатывания в бедность», — считает Кузьминов.

потребительская уверенность россиян упала на треть за квартал

В аналитической бумаге Центра конъюнктурных исследований НИУ ВШЭ характеризуются потребительская активность и настроения россиян во втором квартале этого года — на который пришлись основные тяготы пандемии. Произошел резкий и быстрый обвал, которого не было никогда. Индекс потребительской уверенности по отношению к тому же периоду 2019 года рухнул на 30 процентов.

Эксперты говорят, что падение это нельзя назвать беспрецедентным, такое бывало и раньше, но скорость падения — рекордная. Раньше эффект был, скорее, накопительным, индекс терял по 14–15 процентов в несколько заходов, теперь — лавинообразный процесс. Собственно, потребительская уверенность напрямую влияет и на потребительское поведение людей, при такой уверенности едва ли кто-то будет много потреблять.

эксперты: мировая экономика будет восстанавливаться V-образно

Мировой ВВП вернется к докризисным значениям уже к четвертому кварталу этого года, прогнозируют экономисты Morgan Stanley. Они ожидают V-образного восстановления, то есть рецессия будет резкой, но краткосрочной. К первому кварталу 2021 года, как полагают аналитики, мировой ВВП вырастет на 3%. Среди причин для подобного оптимизма экономисты выделяют в первую очередь существенные меры поддержки, которые правительства многих стран предпринимают для восстановления своих экономик.

V-образное восстановление глобальной экономики полагают вероятным и экономисты Citi. Основной шок из-за «Ковид-19» для большинства экономик уже позади, отметил в интервью Интерфаксу руководитель Citi в Турции, России, Казахстане, на Украине и в странах EMEA, где нет присутствия Citi, Грант Карсон. Об этом свидетельствует рост разных показателей — от розничных продаж и индексов деловой активности до динамики бронирования столов в ресторанах.

Согласно прогнозу Международного валютного фонда, опубликованному в июне, мировой ВВП по итогам этого года из-за пандемии упадет на 4,9 процента, США — на 8 процентов, еврозоны — на 10,2 процента. Эксперты отмечают, что не исключены новые пандемии, поэтому экономика должны быть способна эффективно функционировать в условиях длительных мер социального дистанцирования.

ВОЗ готовится к новым вспышкам инфекций

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) формирует группу экспертов для оценки уроков, извлеченных человечеством во время пандемии коронавируса. Как ожидается, ее возглавят бывший премьер-министр Новой Зеландии Хелен Кларк и бывший президент Либерии Элен Джонсон-Серлиф. Среди проблем, которые окажутся в фокусе внимания группы, устойчивость к антимикробным препаратам.

На этом фоне США решили бороться с пандемией самостоятельно и заявили о выходе из ВОЗ. В мае появилась информация о возможном создании в Госдепе отдела для глобального реагирования на будущие вспышки инфекционных заболеваний. В 2020–2021 годы США должны были обеспечить 22 процента бюджета ВОЗ.

Тем временем в ООН обеспокоены ростом торговли фальшивыми медикаментами в период пандемии коронавируса. Преступники пользуются пробелами в национальном регулировании и надзоре. Эксперты ООН также опасаются, что после появления вакцины от коронавируса начнут подделывать и ее.

Российские прогнозисты предлагают готовиться к многолетней рецессии

Сводный опережающий индикатор, который примерно два раза в неделю рассчитывают аналитики Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, на этот раз не показал ничего хорошего. Уже третий месяц подряд этот индекс, определяющий вероятность входа в рецессию экономики России, держится на близком к максимальному уровню. Внесли свой вклад и неблагоприятная оценка перспектив США, а вместе с ними — глобальной экономики, вероятность банковского кризиса в России, а также усиливающаяся негативная динамика ВВП. Пока никакие положительные сигналы не могут преодолеть эти тенденции — слишком они слабы.

Выход экономики России, согласно последнему опережающему индексу, из рецессии — на грани маловероятного. Значение «пробило» свой критический порог (0,35) еще в апреле и уже третий месяц подряд держится вблизи нуля: в июле — 0,12, в июне — 0,01, в мае — ровно 0,7. Если индикатор будет оставаться ниже своего критического порога на протяжении еще девяти месяцев, а это, по мнению экспертов, вполне возможно в случае затяжного банковского кризиса или низких значений сальдо по текущим операциям — то есть, грубо говоря, низкой предпринимательской активности. И это может стать сигналом перехода экономики России в режим многолетней рецессии.

На фоне неопределенности инвесторы вспомнили о золоте

В ходе торгов на бирже Comex в июле цена золота поднялась выше 1900 долларов за тройскую унцию впервые с 2011 года. Аналитики объясняют такую динамику повышенным спросом инвесторов на защитный актив из-за рисков распространения коронавируса и введения новых ограничительных мер. До начала пандемии, в конце февраля — начале марта 2020 года, золото торговалось по цене около 1600 долларов.

Росту цен на золото способствуют напряженность в отношениях США и Китая, а также риски разгона инфляции из-за сверхмягких денежно-кредитных политик мировых центробанков. Россия не исключение, 24 июля ЦБ РФ в девятый раз подряд снизил ключевую ставку, до 4,25%.

Из-за роста цен на золото в июне объем международных резервов РФ увеличился на 2,7 млрд долларов, до 568,8 млрд долларов. Доля металла в резервах выросла до 23%, отмечают в ЦБ РФ. Производство золота в РФ в январе — апреле выросло на 4% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, до 81 тонны, сообщил Минфин.

На этом фоне крупнейший импортер золота в мире — Индия — в апреле — июне 2020 года закупил за рубежом на 94% меньше, чем в тот же период прошлого года. Это связано с падением внутреннего спроса на металл. Отрицательный рост импорта золота в Индии отмечается с декабря 2019 года.

Китай

Дракон держит удар

Из-за пандемии коронавируса китайская экономика ушла в минус впервые с 1992 года. По итогам первого квартала ВВП страны упал почти на 7%. Однако уже во втором квартале экономика Китая начала оживать, основные показатели пошли в рост. Пока ей не мешают ни вирус, ни торговая война с США.

Автор: Андрей Смирнов

УШЛИ В МИНУС

Китай столкнулся с коронавирусом нового типа первым — информация о случаях заражения неизвестной инфекцией стала появляться еще в декабре прошлого года после заявления в соцсетях врача, который затем скончался от нового вируса. Стране пришлось вскоре вводить жесткий карантин и другие связанные с пандемией ограничения. Поэтому уже по итогам первого квартала ВВП Китая упал — на 6,8%, до 20,65 триллиона юаней. Впервые с 1992 года, когда Национальное бюро статистики Китая начало публиковать поквартальные данные, экономика страны ушла в минус.

Также впервые за последние годы из-за влияния пандемии на экономику власти Китая не стали устанавливать целевое значение ВВП по этому году. Обычно его озвучивает премьер Госсовета КНР Ли Кэцян в ежегодном докладе на открытии сессии Всекитайского собрания народных представителей (высший орган государственной и законодательной власти Китая. — Прим. ред.). В этом году он заявил, что Китаю предстоит «тяжелая битва» с экономическими последствиями пандемии.

Впрочем, по-настоящему тяжелой эта битва была недолго. Уже к концу второго квартала многие экономические показатели в КНР улучшились. По данным Национального бюро статистики Китая, ВВП вырос на 3,2%, добавленная стоимость в промышленности — на 4,4%, в сфере услуг — на 1,9%. Инвестиции в основной капитал уменьшились на 3,1% по сравнению со вторым кварталом прошлого года. Но по сравнению с январем — маем этого года темпы снижения показателя замедлились на 3,2%. Положительные тенденции наметились и во внешней торговле: общая стоимость экспорта и импорта уменьшилась во втором квартале на 3,2% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Но темпы снижения по сравнению с январем — маем этого года замедлились на 1,7%.

По итогам первого полугодия ВВП Китая снизился на 1,6% в годовом выражении и составил 45,7 триллиона юаней. В докладе статистического бюро отмечается, что национальная экономика перешла от замедления к росту благодаря скоординированным усилиям всей страны: «Национальная экономика постепенно восстановилась, эффективно были обеспечены основные средства к существованию, ожидания рынка в целом положительные, а социальное развитие — стабильное».

В МВФ зафиксировали, что спад деловой активности в Китае завершился уже к апрелю. Согласно июньскому прогнозу фонда, по итогам года ВВП Китая вырастет на 1%, а уже в 2021 году — на 8,2%. Для сравнения: ВВП США, как ожидается, снизится на 8%, а Еврозоны — на 10,2%. В целом мировой ВВП сократится на 4,9%.

В середине июля рекордно выросли вложения инвесторов в фонды Китая: по данным Emerging Portfolio Fund Research, они превысили 6,1 миллиарда долларов впервые с 2015 года. Аналитики объясняют интерес международных инвесторов быстрым восстановлением экономики Китая, ожиданиями по росту ВВП по итогам года и мерами властей по поддержке фондового рынка.

Новости о восстановлении китайской экономики воодушевили и мировых экономистов. По их мнению, Китай может подтянуть за собой и другие страны. Так считает, например, профессор Колумбийского университета Джеффри Сакс. В интервью агентству Синьхуа он отметил, что восстановление китайской экономики во втором квартале стало возможным благодаря усиленной борьбе с эпидемией. Хорошее здравоохранение, по его словам, это ключ к хорошим экономическим результатам.

А инвестиционный стратег Matthews Asia Энди Ротман полагает, что V-образное восстановление китайской экономики обеспечил высокий внутренний спрос.

Китай

ФАКТОРЫ РОСТА

Заведующий сектором экономики и политики Китая Института мировой экономики и международных отношений РАН (ИМЭМО РАН) Сергей Луконин предложил довольно простое объяснение быстрому восстановлению китайской экономики: «За счет того, что пандемия в Китае началась раньше, соответственно, и заканчивается раньше. Дополнительно были запущены программы стимулирования экономического роста».

Его коллега — главный научный сотрудник ИМЭМО РАН Александр Салицкий обратил внимание на то, что правительственные меры поддержки в Китае направлены в основном на малый бизнес и наименее обеспеченные слои населения. Среди таких мер — налоговые каникулы, отсрочки в погашении кредитов, субсидии нуждающимся, либерализация мелкой уличной торговли и т. д.

Китайское правительство приняло масштабный

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ В КИТАЕ НАПРАВЛЕНЫ В ОСНОВНОМ НА МСП

пакет антикризисных мер, его общий объем — около 6 трлн юаней (6% от ВВП за 2019 год). На сессии Всекитайского собрания народных представителей Ли Кэцян выделил основные направления антикризисной борьбы: обеспечение стабильности цепочек производства и поставок, занятости и базового уровня благосостояния населения, деятельности рыночных субъектов, энергетической и продовольственной безопасности. Ради этих целей было принято решение увеличить объем дефицита бюджета на 1 триллион юаней по сравнению с прошлым годом. Доля бюджетного дефицита составит 3,6% ВВП. Еще на 1 триллион юаней будут выпущены целевые облигации.

Выделенные на антикризисные меры средства власти передадут в местные бюджеты, а те в свою очередь направят их на сокращение налогов (в этом году Китай планирует снизить налоговую нагрузку на бизнес на 2,5 триллиона юаней), снижение арендной платы и процентных ставок для бизнеса, стимулирование потребления, а также поддержку занятости. В этом году Китай планирует создать более 9 миллионов новых рабочих мест. А уровень безработицы, по словам Ли Кэцяна, не превысит 6%.

Сегодня более 90% рабочих мест в стране обеспечивает малый и средний бизнес. Поэтому значительная часть мер поддержки направлена на него. В частности, отсрочка по погашению кредитов и выплате процентов для малого и среднего бизнеса продлена до марта 2021 года. А крупным банкам поставлена задача нарастить темпы роста кредитования малых предприятий до 40%. В 2019 году, по словам Ли Кэцяна, в Китае ежедневно регистрировалось до 10 тысяч компаний. Антикризисный пакет, как ожидается, позволит сохранить высокий показатель и в этом году.

Устойчивость китайской экономики обеспечивают не только антикризисные меры. «Китай стремится снизить высокий уровень долларизации своих внешнеэкономических сделок и медленно расширяет использование юаня в международных расчетах с другими странами, — отметила профессор кафедры мировой экономики РЭУ им Г. В. Плеханова Светлана Иванова. — На случай радикальной трансформации мировой валютно-финансовой системы КНР наращивает добычу и импорт физического золота. Ликвидность золотых активов только увеличивается».

Также, по ее словам, Китай целенаправленно добивается достижения самообеспечения основными продуктами питания. Продовольственная безопасность в части зерновых, особенно риса, давно достигнута. А вот развитие животноводства во многом зависит от импортных, в основном американских, кормов. «Кроме того, Китай стремится развивать внутренний рынок при сохранении положительным сальдо торгового баланса во внешней торговле. В мае 2020 года профицит в торговле с США вырос до 27,9 миллиарда долларов (при 22,8 миллиарда — в апреле)», — указала Светлана Иванова.

Ставка на страну

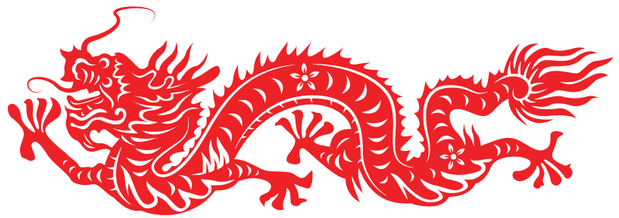
О том, что внутреннее потребление в Китае может обеспечить рост национальной экономики в кризисный период, еще в начале пандемии заявил председатель КНР Си Цзиньпин. Он подчеркнул, что в стране насчитывается более 100 миллионов компаний, а также сильный средний класс — более 400 миллионов человек. Это создает масштабный внутренний рынок.

«Доля внутреннего потребления в китайском ВВП составляет для домохозяйств — примерно 40% и государства — примерно 15%, — рассказал Сергей Луконин из ИМЭМО РАН. — Доля потребления услуг в общем потреблении домохозяйств — более 50%. Совокупный вклад потребления в темпы прироста ВВП превышает 60%. Доля товарного экспорта в ВВП — менее 20%. Учитывая численность китайского среднего класса и развитую промышленную базу (Китай практически все может производить своими силами), государству вполне по силам дополнительно стимулировать внутреннее потребление как домохозяйств (с помощью монетарных и фискальных программ), так и государственных предприятий (с помощью реализации инфраструктурных проектов)».

Для стимулирования потребления в КНР предпринимаются разные шаги, в частности выделяются субсидии на программу обновления бытовой техники. В этом году в отдельных городах начали распространять потребительские купоны — на них можно купить товары повседневного спроса с 20-процентной скидкой. Еще в марте первую партию таких купонов на общую сумму 1,6 миллиарда юаней получили жители города Ханчжоу. По данным городского Управления коммерции, уже к концу марта купоны обеспечили продажи потребительских товаров на 753 миллиона юаней, а объем транзакций платежной системы Alipay вырос на 49%.

То, что внутренний рынок Китая вполне может вытянуть национальную экономику из кризиса, подтверждает и динамика продаж крупнейших китайских компаний. Согласно отчету Canalys, по итогам второго квартала китайская Huawei стала крупнейшим в мире производителем смартфонов, поставки по всему миру составили 55,8 миллиона штук. И это несмотря на то, что международные поставки во втором квартале сократились на 27%. А вот внутренние, в самом Китае, выросли на 8%. Около 70% всех смартфонов Huawei продается внутри страны. Доля китайского рынка у основного конкурента Huawei, южнокорейской Samsung, всего 1%.

ВНУТРЕННИЙ РЫНОК КИТАЯ ВПОЛНЕ СПОСОБЕН ВЫТЯНУТЬ ЭКОНОМИКУ ИЗ КРИЗИСА



Международные поставки Samsung во втором квартале упали на 30%. Так что Китай смог в полной мере использовать потенциал своего внутреннего рынка в период пандемии.

Новый технологический лидер

Как показал опрос 42 экономистов, проведенный Reuters и опубликованный в конце июля, ВВП Китая вырастет в этом году на 2,2%. Это наименьший показатель с 1976 года. Более стремительному росту помешают пандемия и торговая война с США.

Аналитики крупнейшего швейцарского банка UBS повысили свой прогноз по динамике китайской экономики. Они ожидают роста на 2,5% вместо прежних 1,5%, причем в четвертом квартале рост ускорится до 6%, сообщило агентство Bloomberg. Более позитивному прогнозу способствовало в том числе восстановление внутреннего потребления в Китае. Основными угрозами для китайской экономики аналитики банка так же, как и опрошенные Reuters экономисты, называют пандемию (возможную «вторую волну» распространения вируса осенью) и напряженность в отношениях с США.

От этой напряженности больше могут пострадать США, полагает Рэй Далио, основатель крупнейшего в мире хедж-фонда Bridgewater Associates. В интервью телеканалу Fox он высказал серьезные опасения относительно стабильности доллара, связанные с возможным запретом США инвестировать в экономику КНР и отказом США от выплат КНР по своим казначейским облигациям. При этом китайские компании остаются привлекательными для американских инвесторов. Как сообщило Reuters, венчурные фонды General Atlantic и Sequoia Capital предложили китайской ByteDance выкупить у нее контрольный пакет акций соцсети TikTok. Стоимость TikTok они оценили в 50 миллиардов долларов (стоимость похожей американской сети Snapchat — 33 миллиарда долларов).

США по-прежнему остаются крупнейшей экономикой мира, Китай — на втором месте. Страна уже давно не воспринимается как мировая фабрика по производству контрафакта или дешевой одежды, техники, комплектующих. Вклад Китая в мировой ВВП за последние 20 лет вырос с 3,6 до 15,5%. Он претендует на технологическое лидерство, вкладывая значительные ресурсы в развитие сетей 5G, интернет вещей, финтех.

Пандемия показала, что многие страны стремятся сокращать цепочки поставок, упрощать торговое взаимодействие, и в этих условиях Китай получает преимущество благодаря большому количеству «суперсервисов». В последние десятилетия правила на финансовом рынке диктовали американские платежные системы Visa и MaserCard. Однако Китай с его огромным внутренним рынком — это страна, в которой банковская карточка есть не у всех, а вот мобильные телефоны распространены намного больше. И намного проще заплатить в магазине через приложение WeChat Pay — по данным самой компании, оно установлено у 900 миллионов китайцев. Еще одной платежной системой, Alipay, пользуются 520 миллионов китайцев. Быстрое восстановление экономики дает Китаю возможность и дальше наращивать инвестиции в технологии и развитие финансового рынка.

Быстрое восстановление экономики дает Китаю возможность и дальше наращивать инвестиции в хай-тек

See below for the English version of the article

ГЛАВНЫЙ РИСК – ПРОТИВОСТОЯНИЕ США И КИТАЯ – СОХРАНЯЕТСЯ

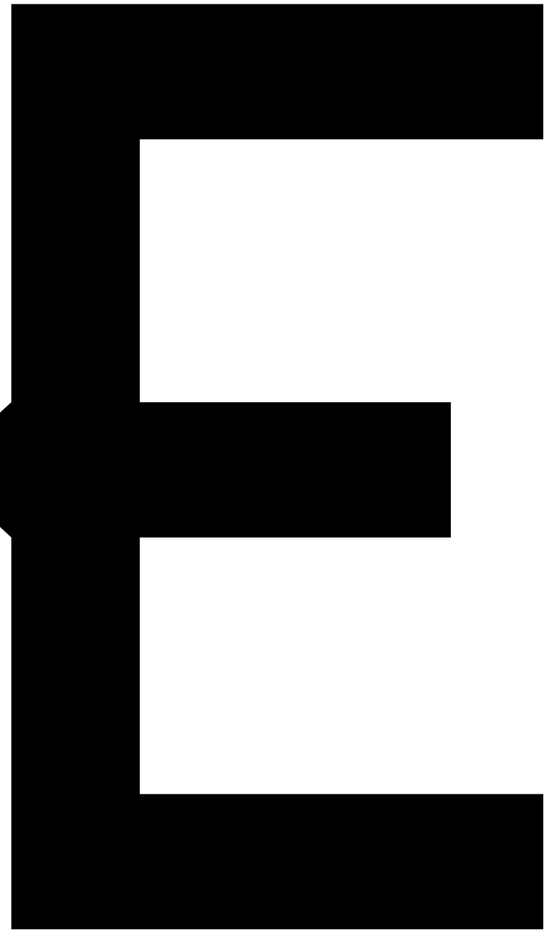
Прогноз по экономическому кризису 2020 г.

(Из выступления на конференции World Knowledge в Сеуле, Южная Корея)

Нуриэль Рубини,
американский экономист, профессор Нью-Йоркского университета, один из самых авторитетных финансовых экспертов. Предсказал Великую рецессию 2008–2009 гг.

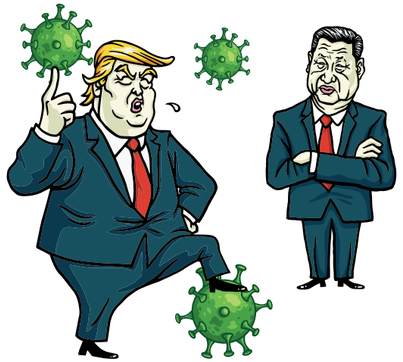
See below for the English version of the article

See below for the English version of the article



Если мы посмотрим на мировую экономику за последний год до пандемии или около того, это, безусловно, период времени, который экономисты определяют как замедление экономического роста. При замедлении экономического роста какое-то время рост еще остается положительным. В период с 2016 по 2018 год рост ускорялся благодаря экономической экспансии, ускорению глобального роста, но с середины 2018 года произошло замедление. У нас наблюдается не только замедление, но если посмотреть на некоторые участки мировой экономики, то и рецессия.

Обрабатывающий промышленный сектор переживал спад в Европе, США, Азии, в некоторых развивающихся рынках. Во многих странах мира, начиная с Кореи, сокращался экспорт. В большинстве мировых регионов со стороны корпоративного сектора происходило резкое сокращение капитальных затрат, инвестиций в новое оборудование на заво-



дах. И это неудивительно, потому что, как я отмечаю, один из самых больших глобальных рисков — это риск полномасштабной торговой, валютной, технологической и холодной войны между США и Китаем. И следовательно, если вы — корпорация в США, Европе, Китае, Корее и у вас имеются избыточные мощности, зачем вам строить новый завод и тратить миллиарды долларов, если вы не знаете, будет ли в конце этого года действовать 30–40%-ная пошлина на все китайские товары, экспортируемые в Соединенные Штаты.

Таким образом, всякий раз, когда присутствует эта неопределенность относительно риска торговой войны и протекционизма, присутствует и то, что экономисты называют стоимостью опциона ожидания: имеется неопределенность, и вы ждете, будет ли происходить обострение этих торговых войн. И следовательно, вы не хотите принимать долгосрочных инвестиционных решений, связанных с непомерными затратами, ведь лучше подождать, и, значит, капитальные затраты сокращаются, а объем торгуемых товаров снижается, капитальные затраты сокращаются, производство сжимается, обмен технологиями уменьшается.

Таким образом, именно частное потребление поддерживает мировую экономику и ограждает ее от рецессии. Однако предположим, что к концу года торговая война между Китаем и США обострится и США введут 25-процентную пошлину на остальные 300 миллиардов долларов китайского экспорта в Соединенные Штаты. Большая часть из оставшихся 300 миллиардов приходится на потребительские товары. Первые 150 миллиардов приходились в основном на промежуточное сырье. Так что, если обложить 25%-ной пошлиной все потребительские товары, поступающие из Китая, а это товары, которые белые и синие воротнички покупают в Walmart'е и других предприятиях розничной торговли, это резко замедлит темпы роста располагаемого дохода. Затем произойдет замедление или падение темпов потребления, и это может стать переломным моментом для начала рецессии, потому что также вызовет

спад потребления. Вот что сейчас происходит, и это главный риск экстремальных изменений.

Во время мирового финансового кризиса у нас был отрицательный шок совокупного спроса. В то время как шоки, о которых я буду говорить, это не шоки спроса, а по большей части — предложения. Почему шоки предложения важны? Потому что отрицательный шок предложения приводит к снижению объемов производства, но и к росту инфляции, например, в связи с торговыми войнами и протекционизмом; во-вторых, эти шоки и эта напряженность проистекают из того, что я называю тремя основными играми «на слабо» между мировыми державами. Что за игра «на слабо»? В теории игр есть пример: два человека едут на машинах навстречу друг другу по однополосной дороге, и если один из них свернет, то будет выглядеть слабаком, трусом. Из-за гордости, из-за того, что вы хотите сохранить лицо, вам не хочется сворачивать, и другой стороне тоже не хочется. И если один свернет, а другой нет, тогда свернувший окажется трусом и потеряет лицо.

Как вы знаете, одной из самых больших неопределенностей в мире является торговая напряженность между США и Китаем, и речь идет не только о торговле, но и о технологиях. Если напряженность между США и Китаем будет усиливаться, мы увидим обратное: деглобализацию, балканизацию глобальных цепочек предложения, в первую очередь в обла-

ОДНОЙ ИЗ САМЫХ БОЛЬШИХ НЕПРИЯТНОСТЕЙ В МИРЕ ЯВЛЯЕТСЯ ТОРГОВАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ

See below for the English version of the article

сти технологий, производства, в области промышленности, произойдет фрагментация глобальной экономики, разъединение США и Китая. Таким образом, разъединение США и Китая является гораздо более серьезным фактором, который может повернуть вспять процесс глобализации и ограничить обмен товарами, услугами и капиталом. Китайские инвестиции в США упали на 90%.

Миграция — США хотят наложить ограничения даже на китайских студентов и ученых, приезжающих в Соединенные Штаты, и, конечно же, на технологии, данные и информацию. Это начало деглобализации. Почему это важно? Это важно, потому что, например, сегодня речь идти может лишь о 5G и о том, будут ли введены ограничения для Huawei по продаже телекоммуникационного оборудования и оборудования для сетей 5G в Европе или во всем мире, но ведь завтра эти сети 5G будут использоваться для управления не только смартфонами и телекоммуникациями, они также могут использоваться в автономных системах управления транспортными средствами, а также в системах управления критически важными объектами гражданской инфраструктуры. А ведь в мире, в котором есть 5G, также есть и интернет вещей с миллиардами связанных друг с другом устройств. Завтра каждый китайский тостер, каждая китайская кофемашина или каждая китайская микроволновая печь будут снабжены чипом 5G, и если США опасаются (имея на то основания или нет), что это прослушивающие устройства, то ограничения в отношении 5G от Huawei приведут к ограничениям в отношении всех потребительских товаров. Вы начинаете с технологической войны, но эта технологическая война подразумевает расширение ограничительных мер и применение их к торговле всеми видами потребительских товаров, даже тостерами. Итак, вы можете увидеть, как война технологий может повлечь за собой полномасштабную торговую войну, и тогда наступит полное разъединение, балканизация, фрагментация, деглобализация.

Эти события будут драматичны, потому что сегодня большинство стран мира, стран, фактически являющихся союзниками Соединенных Штатов в Азии, таких как Корея, Япония, или в Европе, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке, большинство геополитических союзников США больше торгуют с Китаем и инвестируют в Китай, чем в Соединенные Штаты, а ведь завтра США скажут: выбирайте — либо наш 5G, либо китайский 5G, а китайцы скажут: либо наш 5G, либо американский. Либо наш ИИ, либо их ИИ, наша автоматизированная робототехника или их. И это станет камнем преткновения для таких стран, как Корея, европейские государства и многие другие, которые ведут бизнес и торгуют с Соединенными Штатами, а также ведут бизнес и торгуют и с Китаем. Каждая из сторон скажет вам: будьте со мной или будете против меня, и это создаст серьезные экономические проблемы. Ущерб уже виден. Например, нынешние торговые трения между США и Китаем отражаются на корейской экономике, где из-за этой напряженности за

последние 10 месяцев резко снизился экспорт. Их обострение ухудшит ситуацию. Полномасштабная торговая и технологическая война — это начало деглобализации. У вас будет замедленный рост промышленного потенциала, у вас будет повышенная инфляция, так как за счет пошлин и ограничений на технологии вырастут цены на импорт, что приведет к росту цен на все товары и услуги. Вот почему все очень серьезно.

Я бы сказал, что в случае с США и Китаем существуют три сценария. Один сценарий — это полноценная сделка, при которой отменяются все пошлины и достигается соглашение по всем вопросам. Я бы сказал, что это маловероятно. Обе стороны слишком далеко разошлись. Другой крайностью была бы полномасштабная торговая война, в рамках которой США вводят пошлины 30–40% на весь китайский экспорт, Китай наносит ответный удар и начинается полномасштабная технологическая война, при которой Huawei не получает послаблений. Возможно, это не основной сценарий, но я бы сказал, что наиболее вероятным является заключение лишь псевдосделки.

Наступает перемирие, США, возможно, вводят некоторые дополнительные пошлины на китайские товары, но на полную эскалацию не идут. Может быть, китайцы покупают у США какую-нибудь сельскохозяйственную продукцию. Может быть, они дают согласие на урегулирование вопросов, касающихся, скажем, прав интеллектуальной собственности. Но Трамп при этом не может похвастаться «крупной победой» и его атакуют демократы, которые говорят: боролись с Китаем, а в итоге получили посредственную сделку, да и та может развалиться. Таким образом, даже перемирие подразумевает, что действующие пошлины останутся в силе. Возможно, они немного подрастут, но можно будет избежать глупого столкновения. И все это негативно скажется на экономическом росте. Может быть, полномасштабная рецессия и не наступит, но будет что-то близкое к этому. Можно сказать, что нам повезет, если будет перемирие. Полноценной сделки не будет. Перемирие может наступить в полномасштабной войне, если сделка рухнет, потому что она может рухнуть, ведь обе стороны не будут придерживаться ее условий. Итак, я бы сказал, что ситуация с США и Китаем все еще довольно рискованная и может обостриться, как в любой игре «на слабо», когда обе стороны не хотят терять лица, когда обеим сторонам трудно идти на компромисс, даже если США нужна

СИТУАЦИЯ США С КИТАЕМ ВСЕ ЕЩЕ ОЧЕНЬ РИСКОВАННАЯ И МОЖЕТ ОБОСТРИТЬСЯ

сделка, чтобы Трамп был переизбран, и китайцам нужна сделка, потому что они хотят избежать чрезмерного замедления экономического роста.

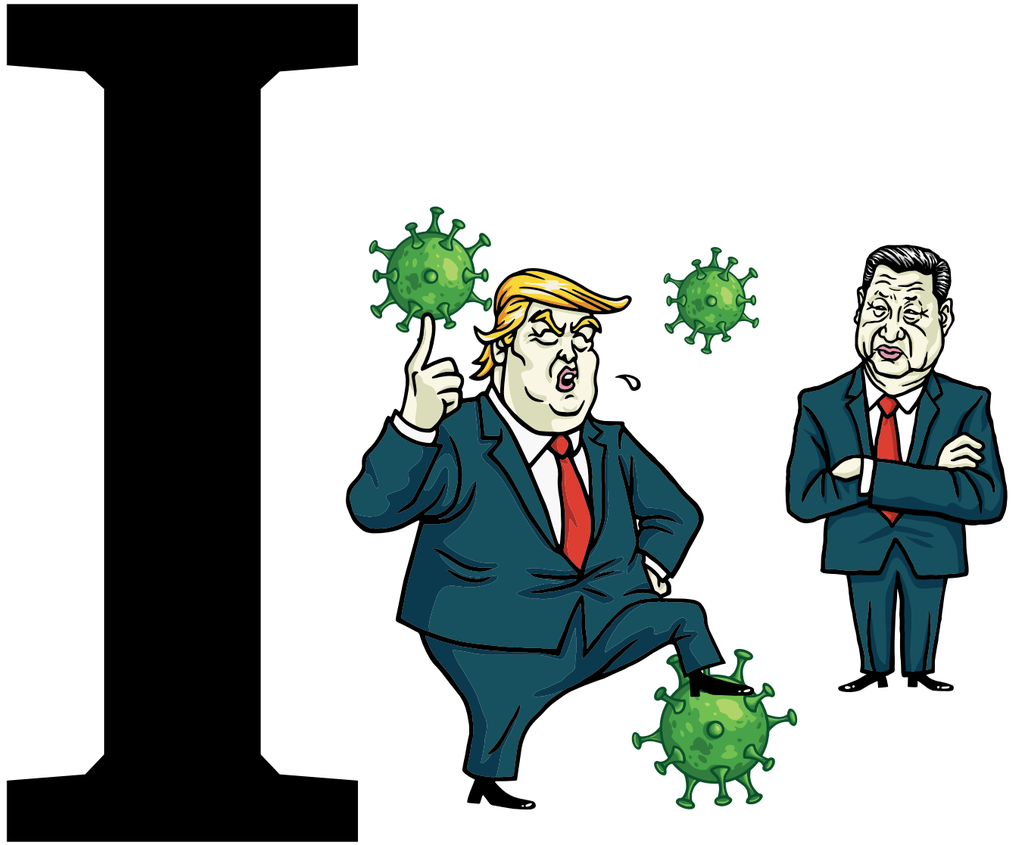
И последний момент. По сравнению с мировым финансовым кризисом у нас стало меньше «политических пуль». У нас больше ограничений в денежно-кредитной политике, больше ограничений в фискальной политике, больше ограничений в отношении способности правительства оказывать поддержку и помощь таким агентам частного сектора, как корпорации, домохозяйства и банки. Таким образом, если случится еще один кризис, то на этот раз — по сравнению с глобальным финансовым кризисом, когда у нас имелись огромные денежно-кредитные и фискальные стимулы, а также поддержка и помощь частному сектору, — мы будем более ограничены в средствах, и поэтому экономический кризис может перерасти в кризис финансовый.

THE MAIN RISK, THE US-CHINA CONFLICT, STILL REMAINS

The 2020 economic crisis forecast

(from his speech at the World Knowledge Conference, South Korea)

Nouriel Roubini
American economist, Professor at the New York University, one of the most authoritative financial experts. Predicted the 2008-2009 great recession.



If we look at the global economy for the last year or so, it's certainly a period of time that people define as an economic slowdown. In economic slowdown we meet a period where growth is still positive but is decelerating. It was accelerating between 2016 and 2018 with the economic expansion, acceleration of global growth but since the middle of last year there has been a deceleration and not only do we have a deceleration but if you're looking at some parts of the global economy, we are already in a recession.

The manufacturing industrial sector is in a recession in Europe, in the US, in Asia, in some emerging markets. Exports are down in many parts of the world starting with the Korea and capital spending by the corporate sector, investment into new machinery in factories is also falling sharply in most regions of the world. And that's not a surprise because, as I point out, one of the biggest global risks is the risk of a full-scale trade, currency, technology and cold war between the US and China. And, therefore, if you are a corporation in the US, in Europe, in China, in Korea and you've excess capacity, why would you want to build a new factory and spend billions of dollars if you don't know whether by the end of this year there'll be 30 or 40 percent tariff on all Chinese goods exported to the United States.

So, whenever this uncertainty about trade risk and protection is there, there is what economists refer to as the option value of waiting, there's uncertainty, you wait and see whether these trade wars are going to escalate or not. And, therefore, you don't want to make long-term investment decisions that are a sunk cost and therefore it's better to wait and therefore capital spending is down so tradable are down, capital spending is down, manufacturing is down, technology is down.

Why we don't have yet a global recession? Because whether you look in Europe, the US, Korea, Japan, China, domestic demand is still growing okay and within domestic demand services and non-tradable are still growing and private consumption is still growing. So, what's sustaining the global economy and preventing it from a recession is essentially private consumption. However, suppose a hypothesis that by the end of the year the trade war between China and the US were to escalate and the US were to impose a 25 percent tariff on the remaining 300 billion dollars of Chinese exports to the United States. Most of those remaining 300 billion are consumer goods. The first 150 were mostly intermediate inputs. So, if you can impose a 25% tariff on all consumer goods coming from China, those are the goods that white and blue collars buy at Walmart's and other retailers, mostly goods from China, that's going to slow down sharply the growth rate of disposable income. Then there is a slowdown of consumption, or a fall, and that could be the tipping point for a recession because it's going to trigger also falling consumption. So, that's what's happening right now and that's the main tail risk.

So, is there going to be a recession next year and a financial crisis? I think the answer that question depends on what are the tail risks in the global economy. And I'll point out that these tail risks are essentially three, the most important ones; all three of them are essentially negative supply shocks. It's important because during the global financial crisis we had a negative aggregate demand shock. While the shocks I am going to talk about are not demand shocks and more supply. And why supply shocks are important? Because a supply shock when negative reduces output but also increases inflation like for example trade and protectionism; and secondly, as I pointed out in a recent piece I wrote, these shocks and these tensions are deriving from what I refer to as three major games of chicken between different powers around the world. What's a game of chicken? In game theory there is an example exemplified by two people that are driving a car, going against each other in a single lane, kind of a road, and if one of them swerves then looks like a wimp, as chickened out, and because of pride, that you want to save face, you don't want to swerve, and the other side the same. So, if one swerves, then the other doesn't, then you look like a chicken and you lose face. If instead both of you don't want to do so, you continue, then you crash and then both of you die. So, those are the games of chicken

As you know one of the big uncertainties about the world is the trade tensions between the US and China, and it's not about trade only, it is also about technology and, broader, a cold war and rivalry between the US and China, and it could escalate. Already in the last few months I've seen retaliation and increasing tariffs on both sides and so on. Now why this is important? It is important because for the last 30-40 years we have had since the opening up of China and then the collapse of the Soviet Union an opening of the global economy, more trade, more migration, more globalization, more trade in goods, in services, in capital, labor, information, technology, data, and so on.

But if these tensions between the US and China were to escalate we'll be beginning to see the opposite: deglobalization, balkanization of global supply chains, first in technology, manufacturing, in industry, we'll have a fragmentation of the global economy, we'll have a decoupling between the US and China. Now when there was the conflict with the Soviet Union it didn't matter because the US and the Soviet Union did not have much trade with each other, almost nothing, and the Soviet Union was a small economic power compared to China. So, decoupling of the US and China is much more of an impact and you could have a reversal of globalization, a restriction to trade in goods and services, to capital. Chinese investment in the US has fallen by 90%.

DECOUPLING OF THE US AND CHINA IS MUCH MORE OF AN IMPACT

Migration — the US wants to impose restrictions even on Chinese students, scientists coming to the United States, and restriction, of course, to technology, data and information. This is the beginning of deglobalization. Now why is it important? It is important because today the fight might be about 5G and whether Huawei is going to be restricted from selling telecoms and 5G networks in Europe or around the world but tomorrow these 5G networks are going to be driving not only smartphones and telecoms but they can also be driving autonomous vehicles systems, they're going to be driving and managing critical civilian infrastructures. And in a world in which you have 5G you also have IOT, Internet of Things, where you have billions of devices that are connected to each other. So, tomorrow every Chinese toaster or every Chinese coffee machine or every Chinese microwave will have a 5G chip and if the US fears, they may be right or wrong, that those are listening devices then once you restrict the 5G of Huawei you're going to restrict every consumer good, even this bottle might have a 5G chip that is used to have GPS monitoring over where it's going and it could become a listening device. So, you start with the technology war but that technology war implies they're going to spill over and restrict trade to every type of consumer goods, even a small toaster. So, you can see how a tech war can lead them to a full-scale trade war and then you have a full decoupling, balkanization, fragmentation, deglobalization.

It will be dramatic because most countries in the world today, actually those that are allies of the United States in Asia, like Korea, Japan, or in Europe, or in the Middle East, or in Latin America, most of the US allies geopolitically are doing today more trade and investment with China than they are doing with the United States, and tomorrow the US is going to say: it's either our 5G or the Chinese 5G, and the Chinese are going to say: either my 5G or the American, it's either my AI or your AI, my robotic automation or yours. And that's going to put a squeeze to countries like Korea, to Europe and many others who do business and trade with the United States and do business and trade also with China. So, both sides are going to ask you: be with me or be against me and that's going to create severe economic problems. And we're already seeing the damages. For example, the current trade friction with the US and China are imposing on the Korean economy where exports have sharply fallen for the last ten months because of this trade tension. And an escalation of these is going to make things worse. So, if we're going to have a full-scale trade and technology war, it is the beginning of deglobalization. You'll have lower potential growth, you'll have higher inflation as the import prices through tariff protection and restriction on technology will increase the price of every good and service. That's why this is something very serious if it were to happen.

CURRENT TRADE FRICTION WITH THE US AND CHINA IMPOSES EXPORTS OF MANY ECONOMIES

I would say that in the case of the US and China there are three scenarios. One scenario is a full deal where then you roll back all the tariffs and you have agreement on everything. I would say it is unlikely. The two sides are too far apart. The other extreme will be a full-scale trade war where you have a 30-40 percent tariff on all Chinese exports, retaliation by China and a total technology war where Huawei doesn't get an exemption. That might not be the baseline scenario but I would say the most likely scenario is that you reach only a pseudo deal. There is a truce, maybe the US imposes some extra tariffs on the Chinese goods, but not a full escalation. Maybe the Chinese buy some agricultural goods from the US. Maybe they agree on something like intellectual property rights. But Trump cannot go and say: the big win, and therefore is subject to attacks by Democrats who say: you thought you fought China but you got a mediocre deal and that deal can fall apart. So, even a truce implies that the current tariffs remain in place. Probably they'll slightly increase but you don't have a foolish collision. And that would be quite negative for growth. Maybe not tipping you in a full recession but you're close to it. So, I would say you're lucky if you get the truce. You're not going to get a full deal. And a truce can happen in a full-scale war if then a deal unravels, because it can unravel because both sides don't stick to it. So, I would say the situation with the US and China is still quite risky and it can escalate as in any game of chicken where both sides don't want to lose face, both sides are difficult to compromise even if the US needs a deal for Trump to be elected and the Chinese need a deal because they want to avoid the slowdown of growth that is excessive.

And the final point. Compared to the global financial crisis we have less policy bullets. We have more constraints to monetary policy, more constraints of fiscal policy, more constraints to the ability of government to backstop and bailout private sector agents like corporates, households and the banking system. So, if another crisis were to occur, compared to the global financial crisis where we had massive monetary fiscal stimuli and backstopping and bailout of the private sector, this time around we'll be more constrained and therefore an economic crisis could end up in a financial crisis.

See below for the English version of the article

See below for the English version of the article

ВИНОВАТЫЕ ЕСТЬ

Пандемия может быть представлена как стихийное бедствие. Однако глобальная депрессия является продуктом идеологии и влиятельных политических деятелей.

Джеймс К. Гэлбрейт,
профессор, член Международного комитета ВЭО России, США

Албена Азманова,
профессор, Великобритания

See below for the English version of the article

See below for the English version of the article

Беспрецедентный экономический кризис обрушивается на Европу. Как заявила недавно президент Европейского центрального банка Кристина Лагард Европейскому парламенту, он является самым глубоким в мирное время.

В Соединенных Штатах Федеральный резервный банк сообщает о максимальном падении производства и занятости за последние 90 лет. Всемирный банк предупреждает, что мир находится на пороге самого глубокого спада с 1945 года — до 60 миллионов человек обнищали, причем многие из них — в уже бедных странах.

Лагард поспешила пояснить, что эта огромная человеческая трагедия, по ее мнению, «не является делом чьих-либо рук, и в ней никто не виноват» — как будто медицинский кризис сам по себе может превратиться в кризис социальный. Однако данная катастрофа — результат воздействия идеологических и политических факторов.

маски для лица

Наука теперь позволяет нам редактировать ДНК и обнаруживать гравитационные волны в кривизне пространства-времени. Тем не менее весной 2020 года правительства богатых либеральных демократий на Глобальном Севере не смогли обеспечить население простейшими масками для лица, необходимыми врачам и медсестрам для спасения собственных жизней — и жизней других людей — от коронавируса. Кое-где в Тоскане пациентам старше 60 лет оказались недоступны необходимые им аппараты искусственной вентиляции легких.

В США тестирование было провалено, отложено и по-прежнему недоступно по требованию. Во Франции огромные запасы средств индивидуальной защиты, накопленные для эпидемии H1N1, распродавались, плохо хранились и пришли в негодность. В Соединенном Королевстве и Швеции власти сначала разрешили вирусу вырваться на свободу в стремлении получить «коллективный иммунитет», что обернулось тысячными жертвами.

Это были не просто ошибки или простые случайности: это были политические решения. Они были следствием идеологии, отстроенной за десятилетия. Были грехи действия и грехи бездействия — если вспомнить концепции, разработанные Ханной Арендт, — и их результатом стала хрупкая экономическая конструкция, отмеченная нестабильностью и стоящая на пороге краха.

грандиозный проект

Сначала были грехи действия. С конца 1970-х годов политические лидеры Запада запустили грандиозный проект, который стал известен как неолиберальный капитализм. Дерегулирование, децентрализация, приватизация, сбалансированные бюджеты и нехватка денег были ключевыми элементами «Вашингтонского консенсуса», достигнутого национальными элитами и международными финансовыми институтами, особенно Международным валютным фондом. Государственные услуги и программы социального обеспечения были сокращены, включая критически важные расходы на здравоохранение.

США ликвидировали группу реагирования на пандемии в Совете нацбезопасности

Первоначально цель состояла в том, чтобы сломить профсоюзы и обуздать инфляцию, пусть и за счет основных производственных мощностей. К 1990-м годам эти цели были достигнуты и высокий процент сменился новым кредитным бумом с упором сперва на высокие технологии, а затем в основном на недвижимость и ипотечное кредитование. Тем временем производство переезжало в Азию, особенно в Китай, где его лелеяли и защищали.

Пузырь субстандартного ипотечного кредитования привел к Великому финансовому кризису 2007–2009 гг. После этого во многих странах штурм государственной власти продолжался. Краткосрочные усилия по восстановлению сменились режимом строгой экономии во всей Европе, особенно в Италии, Испании, Франции и Греции, а также в Северной Америке.

Потенциал общественного здравоохранения получил еще один удар, в то время как неолиберальная глобализация сделала еще один шаг вперед. Растущее неравенство было признаком широкого роста социального напряжения: безработица среди молодежи, психические расстройства, самоубийства и эпидемия злоупотребления опиоидами в США. Рост возобновился, но лишь на хрупкой основе увеличения частного и корпоративного долга.

команда расформирована

Затем были многочисленные грехи бездействия. Например, в 2017 году Европейская комиссия предложила инвестировать больше средств в вакцины через государственно-частное партнерство под названием «Инициатива инновационных лекарств». Но фармацевтические компании возражали, и предложение не прошло.

США, где сейчас заправляет Дональд Трамп, ликвидировали группу реагирования на пандемию в Совете национальной безопасности и сократили финансирование Центров по контролю за заболеваниями. По иронии судьбы, администрация США отозвала из Китая американских ученых, которые выступали в качестве связующего звена с китайскими Центрами по контролю за заболеваниями.

Лагард не сыграла никакой роли в развитии неолиберальной идеи. Она приобрела известность уже после того, как неолибералы взяли под свой контроль бывшие социал-демократические страны Запада, а также страны Центральной Европы и Россию, где их последующее правление породило бедствия, до сих пор не имевшие аналогов нигде в мире. Она далеко не единственный человек в длинном списке виновных.

Но она была министром финансов Франции до Великого финансового кризиса и управляющим директором МВФ в последующий период жестокой экономии. Будучи функционером, преданным идеологии и на протяжении десятилетий замешанным в политике, приведшей к катастрофе, она заслужила свое место в этом списке.

YES, SOMEONE IS TO BLAME

A pandemic may be represented as a 'natural disaster'. A global depression is however the product of ideology and powerful political actors.

James K Galbraith,
Professor, member of of the VEO of Russia International Committee, USA

Albena Azmanova,
Professor, UK

An unprecedented economic crisis is descending on Europe. It is, the president of the European Central Bank, Christine Lagarde, declared recently to the European Parliament, the worst in peacetime.

In the United States, the Federal Reserve Bank reports the worst decline in output and employment in 90 years. The World Bank warns that the world is on the precipice of the deepest slump since 1945—with up to 60 million people pauperised, many in countries already poor.

Lagarde hurried to clarify that this vast human tragedy was, in her view, 'of no one's fault or making'—as if a medical crisis could metamorphose into a social crisis all by itself. The catastrophe is however the work of ideas, of politics and of policies.

Face masks

Science now enables us to edit DNA and to detect gravitational waves in the cosmic curvature of spacetime. Yet in the spring of 2020 governments in the rich liberal democracies of the global north could not provide the basic face masks doctors and nurses needed to save their own lives—and those of others—from the novel coronavirus. In parts of Tuscany, those over the age of 60 could not be put on ventilators if need be.

In the US, testing was botched, delayed and is still not available on demand. In France, vast stocks of personal protective equipment, accumulated for the H1N1 epidemic, had been sold off, stored badly and ruined. In the United Kingdom and Sweden, the authorities thought first to let the virus run free, seeking 'herd immunity' at the implicit price of many thousands dead.

These were not mere mistakes or simple accidents: they were political decisions. They were consequences of an ideology built over decades. There were sins of commission and sins of omission—to invoke a pair of concepts developed by Hannah Arendt—their result a fragile economic structure, marked by precarity and primed for collapse.

Formidable project

The sins of commission came first. From the late 1970s, political leaders throughout the west embarked on the formidable project which came to be known as neoliberal capitalism. Deregulation, decentralisation, privatisation, balanced budgets and tight money were key elements of the 'Washington consensus' advanced by national elites and the international financial institutions, especially the International Monetary Fund. Public services and welfare programmes were slashed, including critical expenditures on public health.

The initial goals were to break trade unions and curtail inflation, albeit at the expense of core manufacturing capability. By the 1990s these goals were achieved and high interest gave way to a new credit boom, focused first on high technology and, later, largely on real estate and mortgage finance. Manufacturing meanwhile fled to Asia, notably to China, where it was nurtured and protected.

The subprime-mortgage bubble led to the Great Financial Crisis of 2007-09. After that, in many countries, the assault on state capacity continued. Short-term recovery efforts gave way to austerity all across Europe—most notably Italy, Spain, France and Greece—and north America.

Public-health capacity took yet another hit, while neoliberal globalisation made another advance. Rising inequality was a marker of a broad rise in social stress: youth unemployment, mental-health disorders, suicides and in the US an epidemic of opioid abuse. Growth resumed but only on the brittle foundation of still more private and corporate debt.

Team dismantled

Numerous sins of omission have followed. In 2017, for example, the European Commission proposed to invest more heavily in vaccines, through a public-private partnership called the Innovative Medicines Initiative. But the drug companies objected and it did not happen.

The US, now under the presidency of Donald Trump, dismantled a pandemic response team at the National Security Council and cut funding for the Centers for Disease Control. In a supreme irony, the administration withdrew the US scientists acting as liaison with the CDC in China.

Lagarde had no role in the development of the neoliberal idea. She came to prominence long after neoliberals had taken control in the former social democracies of the west. She is far from the only person on a long list of those at fault.

But she was finance minister of France before the Great Financial Crisis and managing director of the IMF during the brutal austerity that followed. As a functionary dedicated to an ideology and complicit over decades in the policies which led to the disaster, she has earned her place on that list.

РУСЛАН ГРИНБЕРГ: «ПРИДЕТСЯ ДОВОЛЬСТВОВАТЬСЯ “ПРОЗЯБАТЕЛЬНЫМ” ТРЕНДОМ»

В этом году Институту экономики РАН исполняется 90 лет. За эти годы не раз менялся государственный строй, господствующие политические и экономические доктрины. Тем не менее ученые Института при любой власти занимались исследованием реальных экономических проблем страны, и это определяло лицо научного учреждения. «Вольная экономика» поговорила с научным руководителем Института экономика РАН, вице-президентом ВЭО России Русланом Гринбергом о том, какие задачи стоят сегодня перед учеными-экономистами и есть ли у страны шансы выйти из текущего кризиса по оптимистичному сценарию.

Какие страницы в истории Института экономики РАН, на Ваш взгляд, были самыми яркими за его почти вековую историю?

— Мы пережили тоталитарную систему. Потом были попытки очеловечить социализм. Перестройка. Затем началась эпоха господства неолиберализма. На протяжении всего этого времени Институт экономики РАН старался реально смотреть на вещи, не обожествлять тот или иной «дух времени». Конечно, в советское время Институт должен был поддерживать идеологические представления коммунистической власти, но не оставлял попыток заниматься реальными экономическими процессами, что было, как известно, достаточно опасно. Многие ученые Института были репрессированы в сталинские 1930-е и 1940-е годы за отклонение от «линии партии».

Наша родовая болезнь — склонность к насаждению господствующей в данный момент научной теории, будь то марксизм или ортодоксальный либерализм, к внедрению ее в практику любой ценой, к «принуждению» людей к счастью, даже если они этому сопротивляются. На языке философии это называется онтологизация теоретических схем. Конечно, в Институте экономики РАН было немало конформистов, но были и те, кто решался беспристрастно анализировать реальную социально-экономическую действительность. Когда господствовала идея директивного планирования, Институт пытался с помощью эзопова языка и разных эвфемизмов показать, что для нормального функционирования экономики, и особенно для роста ее эффективности, в целом ряде сфер не обойтись без рыночных механизмов. Хотя даже упоминание слова «рынок» считалось тогда чуть ли не преступлением. Так, в 1971 году ЦК КПСС принял специальное постановление по Институту экономики РАН об ошибках в его работе, связанных с выводами о необходимости товарно-денежных отношений (эвфемизм рынка).

Работа Института экономики мировой социалистической системы Академии наук СССР, который в 2005 году был объединен с Институтом экономики РАН, по словам Михаила Горбачева, существенно помогла при выработке экономического курса перестройки. Институт экономики в сущности первым обосновал необходимость перевода экономики на рыночные рельсы. Вместе с тем, когда был взят курс на рыночную экономику, ученые Института активно участвовали в формировании экономической политики страны, предостерегая от «шарахания» в противоположную сторону — обожествления рынка и игнорирования механизмов государственного регулирования. Сегодня становится очевидно, что экономического программа Рыжкова-Абалкина была наиболее разумной для страны, поскольку она воплощала необходимый компромисс рынка и государства и не была половинчатым документом, как ее незаслуженно называли радикальные «рыночники». Словом ученые Института экономики выступали за постепенное реформирование без радикальной смены экономической парадигмы.

К сожалению, победило нетерпение. Это вторая наша родовая особенность. Если в 1917 году страна, поддавшись на посулы большевиков, жаждала быстрого коммунистического счастья, то в 1991 году, купившись на обещания поборников свободного рынка, наивно ожидала быстрого всеобщего благосостояния от воплощений его идей. Наивно думали, что колбаса вырастает из свободы. В результате сегодня мы пожинаем плоды этой авантюры, но самое печальное заключается в том, что в массовом сознании дискредитирована такая великая ценность как свобода. И вновь господствует нелепое обожание сталинских времен.

ИНСТИТУТ ВЫСТУПАЕТ ЗА ОРГАНИЧЕСКОЕ СОЧЕТАНИЕ СВОБОДЫ И СПРАВЕДЛИВОСТИ

Институт же предостерегал от такого развития событий, и сегодня выступает за органическое сочетание свободы и справедливости, причем подчеркивая важность равенства этих двух великих ценностей. Конечно, не всегда получается достучаться до власти, но Институт вносит большой просветительский вклад в общественную жизнь, представляя альтернативные школы мышления и способствуя более адекватному образованию молодых экономистов.

НАША РОДОВАЯ БОЛЕЗНЬ —

склонность к насаждению господствующей в данный момент научной теории, будь то марксизм или ортодоксальный либерализм.

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

выступает за сочетание механизмов саморегулирования и государственной активности.

Власть прислушивается к ученым сегодня?

— Каждая власть вольно или невольно руководствуется той или иной экономической доктриной и философией. В период перестройки, когда царил плюрализм мнений, возникла плодородная почва для развития различных экономических теорий. И тогда в силу нашей третьей национальной особенности — безоговорочного поклонения модным на западе экономическим доктринам, так сказать, «без учета места и времени» — победила концепция «свободного рынка». «Чем больше рынка, тем лучше экономике» — вот ее суть. И сегодня есть влиятельные научные учреждения, которые придерживаются такого подхода. Они являются идеологической и теоретической опорой для текущей экономической политики. Институт экономики РАН не принадлежит к этому течению. Повторюсь — мы выступаем за сочетание механизмов саморегулирования и государственной активности.

В РОССИИ МНОГО СЕРЬЕЗНЫХ ЭКОНОМИСТОВ, КОТОРЫЕ НЕ УСТУПАЮТ ЗАПАДНЫМ КОЛЛЕГАМ

В чем Вы видите главный недостаток существующей экономической парадигмы?

— Она не только утопична, следование ей ведет в тупик, и это роднит с парадигмой директивного плана. Институт экономики РАН придерживается позиции, что в основе нормальной экономической политики должен быть прагматизм и реализм. Известная китайская пословица гласит: «Не важно, какого цвета кошка, главное, чтобы она умела ловить мышей». Это универсальное правило нормальной экономической политики. Если вы делаете крен в одну из идеологий, то получаете то, что мы имеем сегодня. Страна седьмой год находится в стагнации. И похоже, сегодня нет особых предпосылок для улучшения экономической ситуации. Положение усугубляется тем, что в стране практически нет политической конкуренции, и это обстоятельство прямо влияет на экономику, ибо блокирует реализацию альтернативных взглядов на экономическую политику.

А Вы помните время, когда в России была разумная, с Вашей точки зрения, экономическая политика?

— Это интересный вопрос. Как говорил мой водитель: «Этот вопрос не по моей зарплате». Как понять, разумная экономическая политика или неразумная? Это зависит от критериев. Первое, что приходит на ум, — темпы роста ВВП. Показатель несовершенный, но другого нет. Принято считать, что чем выше темпы экономического роста, тем успешнее экономическая доктрина, которой вы руководствуетесь. Конечно, это очень спорно, но приходится с этим считаться. В период с 2000 по 2008 год темпы экономического роста были просто ошеломляющими — 6,5% в год. Но ведь в это же время мы переживали беспрецедентный рост цен на нефть — с 10 до 110 долларов. И чему приписать этот экономический успех? Растущим ценам на нефть или эффективной экономической политике? Нет однозначного ответа на этот вопрос.

Приличный экономический рост (больше 5 процентов в год) имел место и в советское послевоенное время, в частности, после смерти Сталина и до конца 60-х. Моя гипотеза сводится к тому, что это было очень своеобразное время, когда уже была определенная свобода и в то же время сохранялся порядок, а такое сочетание, скорее всего, способствовало быстрой экономической динамике.

Как Вы оцениваете потенциал отечественных экономических центров, в частности, входящих в РАН. Насколько они сильны? Уступают ли они западным коллегам или, напротив, в чем-то их превосходят?

— Конечно, наша 70-летняя изолированность от остального мира способствовала отставанию от мейнстрима экономической мысли. С другой стороны, мы быстро его преодолели. В России много серьезных экономистов, которые профессионально исследуют реальность и мало в чем уступают западным коллегам. Что касается научных центров РАН, наши проблемы во многом связаны с финансированием, которое до недавнего времени было очень скудным. Новые центры, в частности ВШЭ и РАНХиГС, имеют более существенную материальную базу, именно поэтому молодые люди предпочитают эти учреждения институтам РАН. Это, конечно, влияет на качество исследований. Тем не менее в последнее время Институт экономики и другие научные центры РАН добились определенных успехов в привлечении молодых и способных экономистов. Я надеюсь, что эта тенденция продолжится и позитивно скажется на качестве наших научных исследований.

Если говорить о текущем кризисе, как Вам кажется, сможет ли Россия отскочить от дна по V-образной траектории?

— Думаю, что не сможет. Пока не видна перспектива для более или менее удовлетворительного экономического роста. Если ничего не менять в экономической политике, нас ждет длительная стагнация. Чтобы ее преодолеть, нужно рисковать, а это значит — надо наращивать массированные государственные инвестиции. Но все говорит о том, что наш правящий дом к этому не готов. Он продолжает готовиться к еще более черному дню, накапливая резервы, вместо того чтобы тратить их уже сейчас.
С 2013 года экономика России, в отличие от других развитых стран, не только не росла, но и уменьшилась (на 2,5 процента), а реальные доходы населения за последние семь лет снизились на 15 процентов, включая нынешний кризисный год, к этому снижению добавится еще несколько процентов. Словом, будем довольствоваться «прозябательным» трендом. На что надеется правительство? На то, что экономика сама наладится? Или, может быть, пресловутая невидимая «рука рынка» все решит?

Что касается роста доходов населения — лучше не будет?

— Если исходить из того, что у нас две трети населения живут от зарплаты до зарплаты, то есть не имеют сбережений, а жалованье 20–25 тысяч рублей считается приличным, реальная стоимость жизни растет и национальная валюта постоянно на грани обвального обесценивания, то картина складывается печальная. Хорошо, чтобы хуже было. Тем более что потенциал роста безработицы пока не исчерпан. Соглашусь со многими экспертами, что осенью возможно произойдет скачок безработицы.

Институт экономики РАН проводит исследования в области пространственного развития. Есть ли рецепты — как сократить существующее неравенство между регионами?

— Россия — уникальная страна. Она имеет огромную, но малонаселенную территорию — восемь человек на квадратный километр. Поэтому обеспечить конвергенцию территорий — задача не из легких. Институт экономики РАН действительно занимается этой темой. В частности, он активно продвигает идею реального федерализма. У нас слишком централизованное государство. Регионы должны иметь больше ресурсов и полномочий, чем сегодня.

Кроме того, Институт активно продвигает идею строительства высокоскоростной железной дороги «Транссиб-2», которая будет иметь большое значение для регионального экономического развития и внесет свой вклад в макроэкономическую стабильность страны. Этот проект призван обеспечить диверсификацию экспорта, которая в свою очередь будет способствовать снижению волатильности национальной валюты. В конечном счете он создаст экспортные доходы от перевозок грузов между Азией и Европой. Но пока в стране сохраняется статус-кво, то есть ориентация на чрезмерное доминирование в экспорте топлива и сырья и установка на накопление резервов, надеяться на изменение тренда и сокращение разрыва в экономическом развитии между регионами не приходится.

ПОСТРАДАВШИЕ ЗА УБЕЖДЕНИЯ

Институт экономики в советский период был основным центром экономической науки, тем не менее это не спасло его ученых от репрессий, а Институт от реорганизации. Так, в 1971 году ЦК КПСС принял специальное постановление по Институту экономики АН СССР, в результате которого Институт был полностью реорганизован, а его сотрудники получили партвыговор или понижение в должности.

Трагична история жизни экономиста-аграрника Михаила Кубанина. В статье 1941 года он писал: «За истекшие две пятилетки темпы роста производительности труда в сельском хозяйстве СССР были в 5 раз выше, чем в сельском хозяйстве США, Англии и Швеции, в 7–9 раз выше, чем в дореволюционной России, и в 10 раз выше, чем в Германии. Однако этот быстрый рост производительности труда еще не ликвидировал нашего отставания по уровню производительности труда от наиболее развитых в экономическом отношении капиталистических стран».

Ученый привел детальные расчеты уровня производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США. «Таким образом, по сопоставляемой группе продуктов уровень производительности труда в колхозах в 4,6 раза ниже, чем в сельском хозяйстве США, в том числе по основным культурам полеводства — в 4,2 раза и животноводства — в 7,6 раза», — пишет он. Расчеты были точны, как отмечают коллеги Кубанина, перепроверившие их много лет спустя.

В ответ на эту статью журнал «Большевик», центральный идеологический орган того времени, поместил статью без подписи «О клеветнической вылазке М. Кубанина», где опровергались выводы ученого.

«Возникает вопрос: по чьему заказу и кому в угоду писалась статья Кубанина? Как могла такая статья появиться в органе Института экономики Академии наук СССР?» — так заканчивается статья в «Большевике». Есть свидетельства, что автором или редактором этой рецензии был сам Сталин.

28 апреля 1941 года Михаил Кубанин был уволен из Института экономики, а 5 мая того же года арестован. Борис Маркус снят с поста директора Института экономики, а журнал «Проблемы экономики» закрыт. 13 октября 1941 года Михаила Кубанина расстреляли в Саратове. В 1956 году он был полностью реабилитирован.

Михаил Кубанин был не единственной жертвой режима. Так, ученый Я. Кваша в 1938 году был приговорен к восьми годам лагерей за «вредительство при проведении Всесоюзной переписи оборудования». В. Красовский был репрессирован в 1936 году, С. Хейман был репрессирован в 1941-м, а Я. А. Кронрод понижен в должности в 1971-м.

«Юбиляр молод, энергичен и амбициозен»

90 лет

Институту экономики РАН

Елена Ленчук,
член Правления ВЭО России, директор Института экономики РАН, д. э. н., профессор

Жизнь Института экономики РАН тесно связана с непростым историческим путем Российского государства. И конечно, богата событиями. На протяжении 90 лет Институт был одним из самых передовых и востребованных научных центров в области экономической мысли. Много талантливых ученых и неординарных личностей, оставивших след в истории экономической мысли, работало в Институте экономики РАН, и сегодня мы изучаем их наследие.

В первые 60 лет при советской власти в Институте разрабатывались контуры социалистической модели развития. В 90-е годы, в постсоветский период, исследовались проблемы перехода страны на рыночные рельсы хозяйствования. Позднее — изучались перспективы и возможности смешанной экономики.

Сегодня очевидно, что та либеральная модель развития, которая, опирается на финансовую стабильность, себя исчерпала. Достичь устойчивого экономического роста в ее рамках невозможно. Кроме того, в этом году на текущие экономические проблемы наложились шоки, связанные с пандемией и падением цен на нефть. Поэтому российские экономисты и ученые Института экономики РАН заняты сегодня поисками ответов — как противодействовать текущим шокам и вызовам, как перейти к модели развития, которая будет обеспечивать нам устойчивый, динамичный рост. Это, по сути, ключевой вопрос. В частности, Институт экономики РАН подготовил большой доклад по мерам противодействия коронакризису, в котором кроме краткосрочных мер содержится стратегическое видение ученых Института перехода к инновационной модели развития, которая требует структурной модернизации, новых подходов к финансовой и экономической политике. Существующие проблемы не решаются за год-два. Требуются 10–15 лет, чтобы обеспечить структурный разворот, поэтому необходима долгосрочная стратегия развития. Институт продолжает исследования в области пространственного развития, в области определения научно-технологического контура.

На восьмидесятилетие Института экономики РАН Руслан Семенович Гринберг написал: «Юбиляр молод, энергичен и амбициозен». Уверена, что мы находимся в расцвете творческих сил, по-прежнему энергичны и амбициозны и готовы к решению новых фундаментальных экономических и практических задач ради социально-экономического процветания страны.

«Наработки Института экономики РАН становятся все более востребованы»

Михаил Головнин,
первый заместитель директора Института экономики РАН, член-корреспондент РАН

У Института экономики РАН богатая история. За 90 лет в ней было много ярких имен. Недавно вышла книга «Институт экономики Российской академии наук в лицах», где помещены биографии его самых выдающихся ученых. В советское время был сложный период противостояния официальной идеологии и реальной экономической практики, тем не менее в институте делали серьезные работы, посвященные товарно-денежным отношениям, реальным вопросам развития сельского хозяйства и другим проблемам. Речь идет, например, о таких именах, как Яков Абрамович Кронрод, Владимир Григорьевич Венжер. Но, конечно, особую роль в истории Института играет период, когда его директором был Леонид Иванович Абалкин, один из ведущих экономистов СССР. В эпоху перестройки он входил в состав Правительства будучи председателем Государственной комиссии Совета Министров СССР по экономической реформе. Под его руководством в Институте готовились материалы, которые могли получить практическое воплощение. Это было время, когда голос Института экономики РАН мог быть максимально услышан властью.

Хотя нельзя сбрасывать со счетов и последующие оценки периода экономической трансформации. Большую роль здесь сыграл Институт международных экономических и политических исследований РАН, который в 2005 году объединился с Институтом экономики РАН. В связи с этим нужно понимать, что история ИЭ РАН, о которой мы говорим сейчас, — это фактически история двух институтов.

Безусловно, экономическая теория сталкивается сегодня с серьезными вызовами, и зачастую экономическая политика опережает ее. Необходима разработка новых концепций. Ученые в Институте экономики РАН активно этим занимаются. Так, была разработана концепция экономической социодинамики, которая по-новому осмысляет роль государства в современной экономике. Продолжаются исследования в этом направлении, уже в рамках теории государственного патернализма. Традиционно важным теоретическим направлением в ИЭ РАН было изучение проблем воспроизводства, и оно продолжает развиваться. Важно также изучение взаимодействия национальных экономик в современных условиях глобализации. ИЭ РАН вплотную занимается проблематикой интеграционного взаимодействия на постсоветском пространстве, влияния внешних факторов на экономику России. В частности, была разработана концепция «пояса соседства» России. Особую значимость сейчас приобретают вопросы стратегии развития российской экономики, которые традиционно играли важную роль в исследованиях института. И сейчас именно взаимосвязь проблематики стратегического планирования и экономической безопасности, пожалуй, становится одной из основных практических тем, которые реализуются в ИЭ РАН.

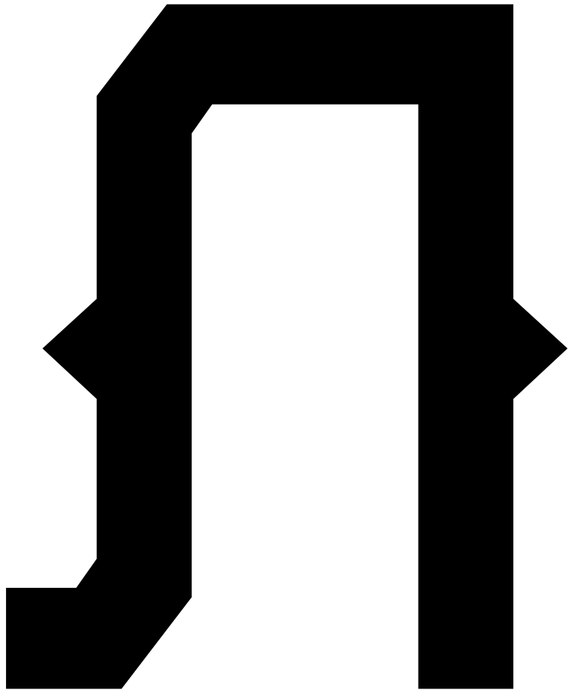
Не могу сказать, что голос ученых-экономистов, не относящихся к либеральному лагерю, сегодня совсем не слышен. Есть понимание, что необходимо развивать стратегическое планирование в российской экономике. И те большие наработки, которые существуют у Института экономики РАН в этой области, а также в области экономической безопасности, становятся все более востребованы.

Образование

лекция в прямом эфире

Коронавирус вынудил школы и вузы перейти на дистанционное образование. Учащиеся и преподаватели отнеслись к этому по-разному. Молодое поколение восприняло удаленное обучение проще из-за привычки постоянно общаться в цифровом пространстве. Но все же, как показали опросы, участники образовательного процесса всех возрастов мечтают поскорее вернуться в аудитории.

Автор: Анна Белова



ЛУЧШЕ ОЧНО

Вузы и школы начали процесс перехода к дистанционному обучению в середине марта. Одним из главных требований в связи с этим было сохранение качества образования. И его удалось выполнить: более 70% студентов оценили уровень преподавания в удаленном формате как высокий, показал проведенный в мае опрос ВЦИОМ. Половина ребят отметили увеличение нагрузки и на преподавателей, и на студентов.

«Система высшего образования справилась с переходом на дистанционное обучение во многом благодаря тому, что преподаватели перешли на практически индивидуальную работу со студентами, — прокомментировал результаты опроса глава Минобрнауки России Валерий Фальков. — При этом мы понимаем, что нагрузка на всех участников образовательного процесса выросла».

Свое мнение об онлайн-обучении высказали и преподаватели. Масштабный опрос провели Минобрнауки и Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС. Как оказалось, организационные и технические сложности преподавателей не испугали. А вот психологически к дистанционному образовательному процессу многие из них оказались не готовы. Изменение привычного распорядка дня и образа жизни, нарушение границы между работой и отдыхом привели к стрессу. Работать из дома не понравилось 66% преподавателей. Треть рассказали, что у них дома нет комфортного места для ведения занятий. Почти 86% признались, что свободного времени стало меньше. И почти 88% полагают, что их занятия лучше проводить в традиционном очном формате. Часто это связано с особенностями преподаваемых дисциплин (например, технических и экспериментальных).

Большинство преподавателей практически постоянно находятся в онлайн-среде с мобильных устройств или компьютеров. И 75% из них оценивают свою компетенцию в современных компьютерных технологиях в целом выше, чем у коллег. Несмотря на это, авторы исследования не исключают, что негативное восприятие дистанта связано с резким переходом на непривычные формы работы. Большинство преподавателей не обладали необходимыми онлайн-навыками и вынуждены были проходить «нулевой цикл» в их освоении.

Сами преподаватели выделили три составляющие успешного дистанционного образования — материальную (обеспечение техникой и программами), коммуникативную (среда для общения, необходимая и достаточная для поддержания удаленного обучения, включения в коллектив и поддержания высокого уровня обучения) и организационную (снижение бюрократического давления и предоставление большей свободы в выборе средств и методов обучения).

В качестве основных угроз перехода

ЕСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛИ, КОТОРЫЕ НЕ ПРОСТО ПРИНЯЛИ НОВЫЕ ФОРМАТЫ, НО И ЗАИНТЕРЕСОВАЛИ СВОИМ ПРИМЕРОМ УЧЕНИКОВ

на дистанционный формат преподаватели назвали спад мотивации студентов к обучению, нехватку у студентов навыков для поддержания дисциплины и усердия в дистанционном обучении, эмоциональные срывы как студентов, так и преподавателей, отсутствие в системе образования индивидуального подхода, обезличенность, невозможность контролировать уровень знаний.

ЛЕКТОР СТАЛ БЛОГЕРОМ

Впрочем, есть преподаватели, которые не просто приняли новые форматы образования, но и смогли заинтересовать своим примером учеников. Причем способность адаптироваться, как оказалось, не зависит от возраста. Так, этой весной стал звездой 69-летний репетитор по физике и математике из Петербурга Николай Милованов. Он записывает уроки в виде роликов на TikTok. Самый популярный — «Сколько радиан в развернутом угле?» — набрал более 2 миллионов просмотров, а постоянных подписчиков у преподавателя 140 тысяч.

Воспринимают преподавателя по-разному. Кто-то пишет в комментариях: «Тик Ток ломает людей», «Похоже, я в матклассе скоро так же с катушек съеду». Но все же большинство Милованову благодарны: «Спасибо, я выучила новую тему по геометрии за 0,23 секунды», «Если эти ваши дистанционные обучения не похожи на это, даже не вспоминайте про меня».

Оригинальный подход к подаче материала сделал популярной и преподавателя русского языка Любовь Гараз. Самое популярное видео — на тему ЕГЭ по русскому языку. «По приезду, по прилету, по приходу — приведут тебя к неверному исходу! По приходе, по прилете, по приезде — вот так лучше безошибочно ответьте!» — произносит преподаватель в стиле рэп-исполнителей.

Но быстро освоиться в современных технологиях смогли далеко не все учителя, особенно школьные. В начале карантина почти половина из них отметили, что им требуется помощь, чтобы вести дистанционное обучение эффективно, показал опрос Аналитического центра НАФИ. Чаще всего просят помощи из-за проблем с технической оснащенностью своего рабочего места (например, с устаревшей техникой, медленным соединением с интернетом), из-за недостатка методических знаний в дистанционном обучении, технических знаний и навыков по работе с компьютером.

«Ситуация во многом осложняется тем, что

СИТУАЦИЯ ОСЛОЖНЯЕТСЯ

тем, что 40% учителей в России — люди старше 50 лет, а доля молодых педагогов не превышает 13%.

40% школьных учителей в нашей стране находятся в возрасте старше 50 лет, а доля молодых педагогов не превышает 13%, — отметила директор направления исследований в сфере человеческого капитала Аналитического центра НАФИ Людмила Спиридонова. — Пожилым педагогам сложнее приспособиться к дистанционному формату, изучить возможности современных гаджетов и программ, подготовить визуальный материал для каждого урока». По ее мнению, помощь своим педагогам могли бы оказать учащиеся — показать, какими программами можно пользоваться для организации видеоуроков, вебинаров и электронных тестирований. «Направление обратного наставничества (reverse mentoring) во всем мире сейчас набирает обороты, расширяя связи между людьми, сокращая дистанцию между поколениями», — добавила Спиридонова.

НЕОБХОДИМО УСКОРЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЦИФРОВЫХ РЕСУРСОВ И СООТВЕТСТВУЮЩИХ ПРАКТИК ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Комментируя результаты опроса, заместитель председателя комитета Госдумы по образованию и науке Любовь Духанина подчеркнула, что учителям пришлось экстренно переходить на дистанционное ведение уроков. И они, по ее мнению, с этим справились. «Времени не было ни на техническую, ни на психологическую подготовку. Они буквально за неделю освоили видеоприложения, продумали подачу материала детям, перестроили рабочие программы. Педагоги, давно пользующиеся возможностями интернет-технологий, стали делиться с коллегами своими методическими разработками, технологическими картами, чек-листами, видеоуроками, алгоритмами организации обучения для ребят с разной обеспеченностью техникой. Некоторые учителя проводили в социальных сетях стримы, собирая аудиторию в несколько тысяч участников и отвечая на самые острые вопросы коллег. Педагоги, которые знали, что у их учеников нет возможности учиться онлайн, старались использовать и другие возможности, даже оставляли задания в почтовых ящиках», — рассказала депутат.

Поддержать преподавателей готовы и государство, и бизнес. На встрече с председателем Правительства РФ Михаилом Мишустиным глава Агентства стратегических инициатив Светлана Чупшева рассказала о совместной с Министерством просвещения работе по поддержке дистанционного образования и развитию новых образовательных форматов. «Вместе с лидерами рынка запустили навигатор дополнительного образования, где выложен бесплатный контент для школьников, родителей, учителей и по программе общего образования, и по форматам: кружки, техническое творчество. То есть в летний каникулярный период у ребят есть доступ к такому формату времяпрепровождения и обучения», — отметила Чупшева. В навигатор попадают только те программы, которые прошли экспертную оценку («Яндекс.Школа», «Учи.ру», школьная цифровая платформа Сбербанка и др.). В целом 8 миллионов школьников пользуются этими программами.

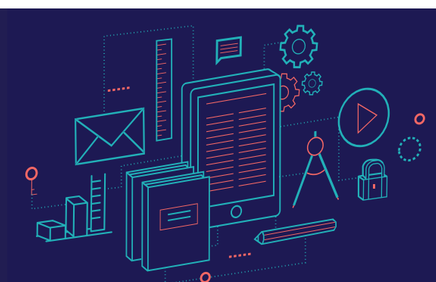
СТРЕСС-ТЕСТ ПРОЙДЕН

Рабочая группа ректоров ведущих университетов Общественного совета при Минобрнауки России проанализировала, какие уроки российские вузы извлекли из опыта работы в период действия связанных с пандемией ограничительных мер. Авторы аналитического доклада заключили, что система высшего образования выдержала стресс-тест, а приобретенный опыт открыл «окно возможностей» для очередного шага в развитии высшей школы.

Как полагают эксперты, необходимо ускоренное развитие цифровых ресурсов и соответствующих практик образовательного процесса, повышение методической квалификации преподавателей, а также усовершенствование цифровой инфраструктуры университетов. «Большинство вузов не имеют достаточной цифровой инфраструктуры и это, конечно, вопрос к перезагрузке проекта “Цифровой университет”», — полагает ректор Томского государственного университета Эдуард Галажинский.

Еще один вывод — пандемия показала важность психологической поддержки студентов и преподавателей, а также формирования навыков самоорганизации и самообучения у студентов. «В онлайн-формате тяжелее учиться тем, кто не успел приобрести достаточного опыта обучения в университете», — отметил ректор НИУ ВШЭ Ярослав Кузьминов и предложил предусмотреть занятия с первокурсниками по развитию навыков самостоятельной учебы, проведения презентаций и дискуссий.

При работе университетов в условиях пандемии, как отмечается в докладе, проявилась необходимость разработки новой комбинированной модели образовательного процесса. Она должна сочетать в себе традиционное взаимодействие студентов и преподавателей, практическую и научную деятельность и использование онлайн-курсов и тренажеров. При этом, как подчеркивают эксперты, не все процессы университетской жизни можно перенести в виртуальное пространство. О полном переносе программ высшего образования в онлайн-формат речь не идет. Скорее, дальнейшее развитие цифровой среды университетов откроет новые возможности для студентов и преподавателей. «Теперь наша общая задача, с учетом уроков и опыта, полученных за время пандемии, сформировать модель деятельности организаций в новом изменившемся мире. Я уверен, что высшая школа и наука вместе с министерством справятся с этой задачей», — заключил Валерий Фальков.



«91% СТУДЕНТОВ ХОТЯТ В АУДИТОРИИ»

Будущее высшего образования президент Вольного экономического общества России Сергей Бодрунов обсудил в своей авторской программе «Дом “Э”» с ректорами двух российских вузов — одного из ведущих столичных и одного — хорошего провинциального университета.

Так, ректор Финансового университета при правительстве РФ Михаил Эскиндаров рассказал, что только у 35% студентов не возникло никаких проблем с дистанционным обучением. Ребята жаловались на низкую скорость интернета, отсутствие оборудования, проблемы с входом в систему вебинаров и чатов. И только 9% заявили, что хотят продолжать образование в дистанционной форме, а 91% хочет вернуться в аудиторию. «Вуз — это не только передача знаний, но и сообщество людей. Это непрерывный процесс, который обогащается общением студента с преподавателем, преподавателя со студентами, студентов между собой. Это очень важно, потому что вузы выполняют не только образовательную функцию, но и многие социальные функции, воспитательную функцию», — подчеркнул Эскиндаров.

Он напомнил, что университеты пережили множество реформ и проблемных периодов, однако продолжили существовать. Останутся они и после пандемии, однако формы преподавания некоторых дисциплин изменятся, полагает Эскиндаров. Часть из них полностью уйдет в онлайн-формат, в других студентам будут рекомендовать дистанционно изучать отдельные темы и разделы.

С тем, что дистанционное образование не может в полной мере заменить традиционные форматы, согласен и ректор Тамбовского государственного университета Владимир Стромов. Он так же, как и Михаил Эскиндаров, подчеркнул, что человеческое общение стало в период пандемии самой главной ценностью. Будущее, по словам Стромова, за смешанными форматами образования. Перейти в онлайн могут, например, лекции по общим предметам — это освободит время и для педагогов, и для студентов.

«Я думаю, что смешанный формат — это некий переход от пассивной модели преподавания к активной, когда преподаватели готовят онлайн-курс. Если мы говорим об онлайн-лекциях, это набор неких видеороликов, где преподаватели ставят проблему, обсуждают острые вопросы. Такой набор по всему курсу заставляет студента быть активным и в обязательном порядке проходить тесты по пройденному материалу. Поэтому, однозначно, процесс изменения будет», — заключил Стромов.

Как будет меняться здраво-охранение?

«В России причина мягкого прохождения пандемии — в той системе, которая была построена во времена СССР и оказалась не до конца разрушенной. Речь идет о системе, созданной Семашко, системе мобилизационной медицины, которая подразумевает в первую очередь готовность к войнам и эпидемиям — не только лечение и оказание медицинской помощи, но и громадный комплекс профилактических подготовительных мероприятий. Что, собственно, отличает нас от многих стран мира».

Юрий Крестинский,
председатель консультационного совета Центра развития здравоохранения Московской школы управления «Сколково», советник по индустрии здравоохранения ПАО «Сбербанк», поделился некоторыми тезисами в авторской программе президента ВЭО России Сергея Бодрунова «Дом “Э”»

Какой будет система здравоохранения в будущем?

Специалисты, организаторы здравоохранения, политики, экономисты задают этот вопрос и думают, что на него есть ответ. Нет, ответ пока неизвестен, но, что называется, мы догадываемся. То, что произошло, является беспрецедентным событием в новейшей мировой истории. Последний раз с такого рода эпидемией человечество сталкивалось около 100 лет назад. Это была испанка, погубившая много жизней. Но это был другой мир, другая экономика, другая политика, другое общество, другие технологии, другая готовность человечества к противостоянию. Как это ни парадоксально, считается, что российская система здравоохранения, как и китайская, лучше всех справилась или пока справляется с той ситуацией, которая возникла.

Если мы говорим о китайской системе, не только здравоохранения, но и управления государством, это объясняется жестко построенной вертикалью власти и экономическими возможностями. В России причина в той системе, которая была построена во времена СССР и оказалась не до конца разрушенной. Речь идет о системе, созданной Семашко, системе мобилизационной медицины, которая подразумевает в первую очередь готовность к войнам и эпидемиям — не только лечение и оказание медицинской помощи, но

Экономика медицины

и громадный комплекс профилактических подготовительных мероприятий. Что, собственно, отличает нас от многих стран мира. У нас не просто система оказания медицинских услуг и медицинской помощи, у нас действительно система здравоохранения.

Эта система подразумевала большой коечный фонд. Более миллиона коек сохранилось на момент распада СССР, почти миллион остается до сих пор в Российской Федерации. По большому счету такой большой коечный фонд во всем мире считается избыточным. Это нужно, когда у тебя отсутствует первичное звено, нет профилактики, когда ты решаешь уже возникшую проблему, не предупреждая ее. Вот эта неэффективная система и явилась залогом готовности нашей системы здравоохранения к эпидемии. Именно поэтому обеспеченность аппаратами ИВЛ у нас одна из лучших в мире, коечный фонд самый большой. Эта готовность больше количественная, но именно сейчас количественные параметры оказались крайне важны для противостояния

ЮРИЙ КРЕСТИНСКИЙ: "ВАКЦИНА СЕЙЧАС — В ЦЕНТРЕ РАЗНЫХ КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ"

сложившейся эпидемической ситуации.

Понятное дело, что мы развиваемся технологически, строятся центры высокотехнологичной медпомощи, применяются современное оборудование, лекарства. Но в 85 субъектах России наблюдается крайняя разнородность по экономическим и организационным возможностям, по наличию или отсутствию медицинского персонала. Что по большому счету говорит нам о том, что страна сегодня дезинтегрирована в области здравоохранения.

Когда будет создана вакцина?

Тема вакцинации сейчас находится в центре различного рода конспирологических теорий. Но мы забываем о том, что изобретение вакцин в свое время, как и изобретение антибиотиков, позволило поднять среднюю продолжительность жизни человека в два раза. Мы входили в XX век со средней продолжительностью жизни на Земле около 30 лет. Люди умирали от элементарных инфекций. Конечно, вакцинация — это один из прорывов человечества, мировой науки. Вакцинопрофилактика и иммунобиологические науки должны испытывать сейчас подъем. У нас существует масса серьезных заболеваний, по которым, мы надеемся, появятся новые вакцины. До сих пор отсутствуют вакцины от гепатита С, вируса иммунодефицита человека, вируса герпеса, по многим папилломавирусам. Нам есть куда развиваться, есть что предложить человечеству для улучшения его здоровья и качества жизни.

Трансформация медицинских профессий

На мой взгляд, это больше касается терапевтических специальностей. Эпидемиология, инфекционные заболевания тоже должны быть в большей мере представлены как с точки зрения базового медицинского образования, так и постдипломного. Должно быть больше инфекционистов-эпидемиологов, чем есть сегодня. Считаные часы, которые есть сегодня по противоэпидемической подготовке, по инфекционным заболеваниям в постдипломном образовании, явно недостаточны. Ни с количественной точки зрения, ни с точки зрения наполненности этих образовательных программ. Я думаю, и Минздраву, и тем, кто занимается системой медицинского образования, переподготовки медицинских кадров, есть над чем задуматься.

Слабые стороны

Текущая ситуация заставляет нас понять, что здравоохранение является одним из ключевых инструментов развития государства, общества, экономики, потому что любой день, пропущенный гражданином по причине временной нетрудоспособности, инвалидизации, либо преждевременной смерти, по сути, означает для экономики потерянный подушевой среднедневной ВВП, помноженный на недожитые этим человеком дни, месяцы, годы. Ущерб, который терпит государство, мир от проблем, связанных со здравоохранением, колоссален. По сути, из-за временной нетрудоспособности, инвалидизации, преждевременной смертности мировая экономика по разным оценкам теряет до 45 процентов потенциала.

Если посмотреть на проблему с другой стороны, мы можем рассматривать здравоохранение как инвестиционную сферу. Инвестируя в предупреждение и лечение заболеваний, мы можем получать на выходе дополнительные дни, месяцы, годы человеческих жизней, дополнительные периоды экономической активности людей. Если мы посмотрим на тот ущерб, которые приносят различные заболевания, мы можем разложить этот ущерб на каждое конкретное заболевание, проанализировать, сколько нужно проинвестировать в это заболевание и что мы получим на выходе. Более половины заболеваний будут иметь прямую инвестиционную отдачу. Да, не в течение одного месяца, может быть, даже не в течение года или пяти лет, но для национальных экономик, для мировой экономики это будет большая экономическая выгода.

Медицинские технологии

Все, что связано с иммунобиологией, будет иметь серьезный импульс к развитию как в мире, так и в России. У нас как раз в этой области большой потенциал. Трансфер технологий, наличие собственных технологий — это тренд в ближайшее время.

ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ

заставляет нас понять, что здравоохранение — один из ключевых инструментов развития государства.

ПОДЪЕМ на карантине

Влияние, отнюдь не положительное, пандемии коронавируса на российскую экономику еще предстоит оценить. Но уже сейчас названы самые пострадавшие отрасли — автопроизводители, транспорт, туризм, производство непродовольственных товаров, культура, образование, досуг и развлечение. Тем не менее есть отрасли либо сегменты отраслей, которые не просто не пострадали от вирусного обвала, а еще и расцвели на эпидемии. Этих счастливчиков условно можно разделить на две группы — представители офлайн и онлайн.

Автор: Марина Тальская

ОФЛАЙН

ПРОИЗВОДСТВО ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ (КОРЗИНА ДЛЯ ОСАДЫ)

Принцип «война войной, а обед по расписанию» остается в силе. Даже запертые в четырех стенах люди не могут обходиться без продуктов (кто-то даже в большей степени, чем «на воле»). По данным Росстата, производство пищевых продуктов за пять месяцев выросло на 6,9% по сравнению с январем — маем 2019-го. Для сравнения: за весь прошлый год прирост отрасли составил 3,6%. Опережающие темпы развития пищёвки в нынешнем году, очевидно, обусловлены закрытием границ и снижением импорта.

Характерно, что наибольший прирост за пять месяцев зафиксирован в сегментах мясных консервов (27,6%), подсолнечного масла (22,7%) и макаронных изделий (16,2%), типичных продуктов номер один для периодов автономии — дачных, туристических, осадных. На 16,5% больше произведено и водки. Нацеленность на окопный режим прослеживается и в производстве табака: сигарет выпустили чуть меньше — 97,6% от объема годом ранее, а вот табака в пачках — существенно больше, на 12,3%.

ФАРМАЦЕВТИКА И АПТЕЧНЫЙ БИЗНЕС

Вполне ожидаемо на волне пандемии звездный час переживает фармацевтика. Согласно официальной статистике, в мае производство лекарственных средств и материалов увеличилось на 22,4%, а за пять месяцев с начала года — на 14,3%. По оценке главы Минпромторга Дениса Мантурова, рост оборота фармацевтической отрасли по итогам 2020 года составит около 20%.

В ситуации эпидемической опасности логично ожидать и бума аптечных продаж. По данным аналитической компании AlphaRM, пик продаж лекарственных препаратов пришелся на предкарантинную неделю с 16 по 22 марта: прирост в рублях составил 47%. В региональном разрезе цифры были еще более впечатляющие: в эту семидневку объемы реализации лекарств в Санкт-Петербурге выросли на 151%, в Москве — на 278%. Однако режим самоизоляции и, самое главное, снижение доходов населения аптечный бум существенно охладили: сократились как количество чеков, так и средняя сумма чека. Тем не менее специалисты отмечают устойчивый — около 10% ежемесячно — рост продаж в коммерческом сегменте.

Эксперты также указывают на опосредованную эпидемическую природу прироста далекой, казалось бы, от фармацевтики химической отрасли (5,4% с января по май), которую подтолкнуло производство антисептиков. Росстат не выделяет эти препараты в отдельную группу. Однако о влиянии на отрасль всеобщего помешательства на стерильности косвенно можно судить по таким показателям, как рост производства моющих средств (10%) и туалетного мыла (21%).

ДОСТАВКА

Режим жесткой самоизоляции, действовавший дольше двух месяцев, побудил наиболее осторожных потребителей отказаться от разрешенных самостоятельных походов в магазин и предпочесть доставку товаров на дом. До пандемии безусловным лидером в сегменте доставки был интернет-магазин Ozon. С введением карантинных мер службы экспресс-доставки начали активно развивать ведущие игроки офлайн-ретейла — X5 Retail Group (магазины «Пятерочка», «Перекресток» и др.), «Вкусвилл», «Магнит», «Азбука вкуса» и другие. По оценкам экспертов компании «Infoline-Аналитика», представленных в издании «КоммерсантЪ», по итогам 2020 года рынок экспресс-доставки вырастет в десятки раз — с 0,7 до 30 миллиардов рублей.

РЕЖИМ ЖЕСТКОЙ САМОИЗОЛЯЦИИ

побудил наиболее осторожных потребителей отказаться от походов в магазин и предпочесть доставку.

ОНЛАЙН

E-COMMERCE

Ограничения на физические перемещения, действовавшие длительный период, не способны были отменить потребность людей в покупках. И многие предпочли отовариваться онлайн.

Режим самоизоляции буквально запустил удаленку в аптечном бизнесе. И до эпидемии лекарственные препараты можно было заказать по интернету. Но действовал ряд ограничений, которые, впрочем, представители отрасли научились обходить. Покупки нельзя было доставлять курьером. То есть заказать-то препарат по интернету — пожалуйста, а вот физически получить его было возможно только в стационарной аптеке. Коронавирус стимулировал законодателей легализовать доставку лекарств на дом. Речь, правда, только о безрецептурных препаратах. Но они, по оценкам, составляют около 60% всех покупок. И, по прогнозу председателя комитета по торговле «Деловой России» Алексея Федорова, в ближайший год 15–20% этого объема переедет в онлайн.

Бенефис праздновала и электронная торговля в целом. По данным исследования IPG.Estate, еще в 2019 году объем интернет-торговли в России уве-

ПО ДАННЫМ IPG.ESTATE ЕЩЕ В 2019 ГОДУ ОБЪЕМ ИНТЕРНЕТ-ТОРГОВЛИ В РОССИИ ВЫРОС НА 21 ПРОЦЕНТ

личился на 21%, по темпам прироста уступив лишь Индии (32%) и Китаю (27%). В условиях эпидемии интернет-продажи продолжили набирать обороты. По данным Росстата, только в течение мая 2020-го объемы онлайн-продаж по сравнению с апрелем увеличились на 12,2%, а по сравнению с маем 2019-го они выросли в 2,8 раза. По оценке президента Ассоциации компаний интернет-торговли (АКИТ) Артема Соколова, по итогам нынешнего года объем внутреннего рынка онлайн-торговли прибавит 30%. А доля интернет-торговли может достигнуть 10% оборота ретейла против нынешних 6,8% (по данным официальной статистики).

Но энтузиастам виртуальных продаж все-таки стоит учесть неоднозначный опыт своих западных коллег. Так, крупнейший в мире интернет-магазин Amazon по итогам карантинного бума подсчитывал не только прибыли, но и убытки. Для обеспечения доставки торговый гигант вынужден был дополнительно нанять несколько сотен тысяч сотрудников, и это оказалось очень затратным мероприятием. Судя по всему, российские лидеры офлайн-ретейла предпочитают развивать аналогичную онлайн-модель, подразумевающую создание собственных подразделений по доставке. А это дополнительные расходы, окупаемость которых под вопросом.

К тому же в дальнейшем «карантинных» темпов роста e-commerce ожидать не стоит, предупреждает преподаватель Института бизнеса и делового администрирования (ИБДА) РАНХиГС Стелла Святская. «Но можно ожидать перехода все бОльшего количества игроков либо в омниканальный формат, либо совсем в онлайн. Некоторые бренды, к примеру Zara, решили отказаться от большинства офлайн-магазинов, но надо понимать, что такой переход займет какое-то время. Основными вызовами для онлайн-игроков станет борьба за каждый рубль покупателя, необходимость постоянно менять бизнес-модель, тестировать гипотезы и вкладывать ресурсы в развитие технологий», — прогнозирует она.

Интернет-банкинг

Российские банки всё последнее десятилетие активно переводили обслуживание в онлайн-формат. По данным исследования S&P, с 2010 по 2018 год количество отделений банков в расчете на сто тысяч жителей у нас сократилось с 35 до 26. Для сравнения: в том же 2018-м этот показатель во Франции составлял 35, в Италии — 41.

Карантинный режим вполне ожидаемо придал цифровизации банковских услуг дополнительный импульс. Так, по данным компании Mastercard в апреле 2020 года 43% клиентов в России предпочитали безналичные платежи наличным, 22% перестали использовать наличные средства и начали применять карты и другие платежные средства, около 50% клиентов стали более активно пользоваться бесконтактными картами, 16% клиентов впервые использовали бесконтактные платежи.

Впрочем, предупреждают аналитики S&P, внедрение современных финансовых технологий — процесс весьма затратный. По их расчетам, «доля затрат, связанных с развитием информационных технологий, в структуре операционных расходов банков может вырасти до 15–17% в ближайшие три года по сравнению с 8–10% (оценка) в настоящее время, тогда как позитивные результаты, полученные за счет повышения эффективности, будут реализованы лишь в долгосрочной перспективе».

К тому же прирост количества онлайн-коммуникаций вовсе не означает пропорционального прироста бизнеса. Так, по данным Национального бюро кредитных историй (НБКИ), в мае текущего года количество выданных банками новых кредитных карт сократилось на 53,2% по сравнению с маем прошлого года, а количество выданных потребительских кредитов — на 44,7%. Специалисты бюро указывают на беспрецедентно высокую долю отказов в выдаче кредитов, основного источника банковской прибыли: в мае было одобрено лишь 24% от общего числа заявок.

Телемедицина

В условиях пандемии кратно возрос спрос на дистанционные врачебные консультации. Опрос ТАСС, к примеру, выявил, что в марте телемедицинская платформа «Доктор рядом» зафиксировала более чем двукратный рост числа консультаций по отношению к февралю, а спрос на консультации сервиса «Яндекс.Здоровье» в марте увеличился на 40%, а в апреле — уже почти в два раза по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

Инвесторы оценивают этот сегмент как потенциально перспективный. По прогнозу VEB Ventures (дочерняя компания ВЭБ.РФ), объем инвестиций в российские телемедицинские компании в 2020–2025 годах увеличится до 96 млрд рублей против 1,5 млрд рублей по итогам 2019 года.

По итогам 2020 года рынок онлайн-образования вырастет на 20–25 процентов

Дистанционное образование

Свет знаний также заметно интенсивнее стал проникать через мониторы. Согласно исследованию «Интерфакс Академия», по итогам 2020 года российский рынок онлайн-образования будет оцениваться в 55–60 млрд рублей, что означает прирост на 20–25%.

Специалисты также отмечают изменение структуры спроса на образовательные услуги. Если раньше наиболее востребованным было дополнительное образование для взрослых, например, изучение иностранных языков, то карантинный перевод школьников на домашнее обучение сформировал запрос на дистанционные занятия по общеобразовательным программам.

развлечения

В период самых жестких карантинных ограничений, когда миллионы людей оказались практически заперты в четырех стенах, был зафиксирован пик спроса на развлекательные интернет-ресурсы — интернет-кинотеатры, игровые порталы. Многие платформы с объемными фильмотеками либо отменили обязательную подписку, либо снизили абонентскую плату до символических значений, например, до одного рубля. Однако очевидно, что с завершением «диванного периода» спрос на зрелища вернулся в рамки будничного расписания.

СМЕНА КАНАЛА ДОСТАВКИ НЕ СОЗДАСТ НОВЫЙ СПРОС

Павел САМИЕВ,
председатель комитета по финансовым рынкам «ОПОРы России», генеральный директор аналитического агентства «БизнесДром»

Во взрывном росте онлайн-сегментов прослеживаются две тенденции.

Первая — развитие абсолютно новых направлений, таких как телемедицина и дистанционное образование, которые не являются дублирующими альтернативами офлайн-услуг. Это новые рынки.

Вторая — замена канала предоставления услуг на дистанционный, как, например, в торговле. При определенных изменениях ситуации возможно возвращение к более привычному для потребителей формату офлайн.

В этом случае речь не идет о принципиально новых рынках, новых пользователях. Качественное развитие онлайн-составляющей традиционных бизнесов — это очень позитивный тренд. Но изменение структуры предоставления сервиса — это все-таки не про новый спрос, не про рост. Поэтому не стоит рассчитывать, что изменение канала предоставления услуги само по себе способно стимулировать рост, как отраслевой, так и экономики в целом.

покупатели поиздержались

Способность некоторых сегментов экономики «подняться» в условиях эпидемических ограничений внушает умеренный оптимизм. Однако способна ли успешность на отдельно взятых участках рынка стать локомотивом для экономики в целом, спад которой по итогам года прогнозируют в диапазоне от 5,5 до 8%? Тем более что рост этот происходил в основном в виртуальной сфере. Специалисты оценивают онлайн-достижения довольно скептически: по сути, произошло лишь изменение канала получения услуг.

Рост розничной торговли как таковой — не важно, офлайн или онлайн — является мощным стимулом для экономики: потребительский спрос не раз за последние годы выступал драйвером экономического роста. Однако в нынешней ситуации развитие продаж споткнулось о сжатие платежеспособного спроса населения. Доля именно удаленных продаж выросла, но в целом розничная торговля существенно сократила объемы: по данным Росстата, в мае оборот розничной торговли составил всего 80,8% (в сопоставимых ценах) к уровню соответствующего периода предыдущего года. Падение за пять месяцев менее драматично, около 7%, но тоже весьма существенно. И предпосылок для восстановления покупательного спроса не просматривается. По оценкам Минэкономразвития, снижение реальных располагаемых доходов населения по итогам года составит 3,5%. Экспертные оценки более пессимистичны. Так, аналитики Альфа-банка прогнозируют снижение этого показателя на 5%, а специалисты ГУ-ВШЭ оценивают глубину падения в диапазоне 8–12%. Выехать на покупательском ажиотаже, похоже, не удастся.

В НЫНЕШНЕЙ СИТУАЦИИ РАЗВИТИЕ ПРОДАЖ СТОЛКНУЛОСЬ СО СЖАТИЕМ ПЛАТЕЖЕСПОСОБНОГО СПРОСА НАСЕЛЕНИЯ

Нефть как объект вирусологии

Ситуацию на нефтяном рынке уже почти полгода определяет коронавирус. Впрочем, цены на нефть никогда не диктовались исключительно спросом (согласно классическим рыночным теориям), черное золото всегда было товаром спекулятивным и политизированным. Теперь вот новый «агент влияния».

Автор: Марина Тальская

Сырьевая экономика

Сидевший взаперти мир не нуждался в прежнем объеме производимой энергии, а следовательно, добываемой нефти. Однако глобальный локдаун лишь вскрыл и усугубил проблемы, накапливавшиеся в отрасли. Ответ на вопрос, восстановится ли — и когда — прежний спрос на черное золото, остается открытым. И это означает довольно жесткий вызов как для мировой экономики, так и для российской — для нее, возможно, даже более жесткий.

Диета для экспортеров

По мере того как в мае-июне мир выходил из режима изоляции — по городам покатили авто, оживали туризм и, соответственно, авиаперевозки — начал восстанавливаться и спрос на энергоресурсы, прежде всего на нефть. Во всяком случае, именно так расценил ситуацию ОПЕК+, в середине июля давший отмашку на либерализацию ограничений по добыче нефти с 1 августа. Впрочем, о каких-либо кардинальных послаблениях речи не шло: министерский мониторинговый комитет представителей нефтяного картеля лишь подтвердил согласованный прежде график.

Жесткая диета для стран — экспортеров нефти была одобрена ОПЕК+ еще в апреле и стала ожидаемым ответом на коллапс на нефтяном рынке, обусловленный распространением коронавируса. В марте-апреле наблюдалось обвальное сокращение спроса (закрытым на замок предприятиям не требовалась энергия) и обвальное же снижение цен — вплоть до отрицательных значений. Единственно возможным способом балансировки рынка — с целью не допустить дальнейшее пикирование цен — было сокращение предложения. Странам-экспортерам ничего не оставалось, как договориться о снижении добычи нефти. Был согласован график этого процесса: в мае-июне общая квота сокращений добычи была установлена на уровне 9,7 млн баррелей в сутки (б/с), с июля предполагалось ослабление гаек до уровня 7,7 млн б/с. Но в июле решили все-таки не рисковать с наращиванием добычи. В итоге послабление было сдвинуто на август. Ожидается, что этот режим ограничений будет действовать до конца текущего года, а уже с 2021-го вплоть до мая 2022-го «урезание» предусматривается лишь до 5,7 б/с.

Предполагается, что установленный режим добычи нефти не только позволит удержать ее цены на достаточно комфортном почти для всех участников рынка уровне $40–50 за баррель, но и создаст в обозримом будущем дефицит сырья, что укрепит позиции экспортеров. Эксперты не исключают иных конъюнктурных корректировок. К тому же, что самое важное, утвержденный график не учитывал возможность второй волны коронавируса и потенциально сопутствующий ей очередной локдаун.

Кусок нефтяного пирога

Договориться об этом графике удалось лишь со второй попытки. В начале марта Россия отказалась подписывать предложенные ОПЕК+ условия и вышла из соглашения. В результате чего ОПЕК+ прежнего образца, существовавший с 2016 года, попросту перестал существовать. Демарш России, вызванный недопустимыми для нее условиями, практически моментально обострил и без того сложную ситуацию на нефтяном рынке: именно после ее выхода из соглашения цены на нефть обрушились до отметки ниже $20 за баррель.

Мотивацию российских представителей ряд комментаторов оценивали в духе «назло маме отморозить пальчик»: мол, единственной причиной, побудившей хлопнуть дверью ОПЕК+, было желание нанести удар по американской сланцевой добыче, при определенных ценовых условиях теряющей экономический смысл. Однако для большинства экспертов очевидно, что за мартовским разрывом картельного соглашения стоит вовсе не «назло». Участники ОПЕК+, договорившись дисциплинированно сокращать добычу и поставку нефти на мировой рынок, освобождали таким образом некоторую долю рынка. При этом США, не являющиеся участниками картеля, не были связаны никакими соглашениями и совершенно очевидно были намерены освобождающуюся нишу занять. По сути, речь шла о том, чтобы в рамках разумных соглашений об ограничении добычи попросту подарить свою долю на рынке конкуренту, который ограничивать себя вовсе не собирался. Такого рода подарки Россия делать не собиралась, а потому была вынуждена отстаивать свои рыночные позиции способом, возможно, непопулярным — отказавшись подписывать «дарственную».

У США, являющихся одним из крупнейших добытчиков нефти в мире, собственно, нет другого способа получить свой кусок пирога как экспортера кроме как выдавливать с рынка уже действующих лидеров. Дело в том, что до декабря 2015 года, в течение 40 лет, в стране действовал запрет на экспорт нефти. Когда Конгресс снял это ограничение, рынок был уже поделен. Соединенным Штатам все-таки удалось отвоевать себе значимое место под нефтяным солнцем (в 2019 году страна занимала шестое место по объему экспорта). Однако борьба за эту позицию часто велась политическими, а то и военными методами: так, в борьбе с ближневосточными «осями зла» специалисты, без всяких натяжек, усматривают нефтяной след. Санкционные меры, в частности, против России также имеют явный нефтяной акцент.

Использовать нефть в качестве инструмента политического давления начали еще в середине прошлого века. Один из ярчайших примеров — «нефтяное эмбарго» 1973 года. Страны действовавшего тогда картеля ОАПЕК (Организации арабских стран — экспортеров нефти) объявили его против Соединенных Штатов, поддержавших Израиль в войне против Сирии и Египта. Сейчас интересы нефтяной политики сосредоточены на Ближнем Востоке, в Венесуэле, а также России, чья экспортная активность перемещается на азиатское направление.

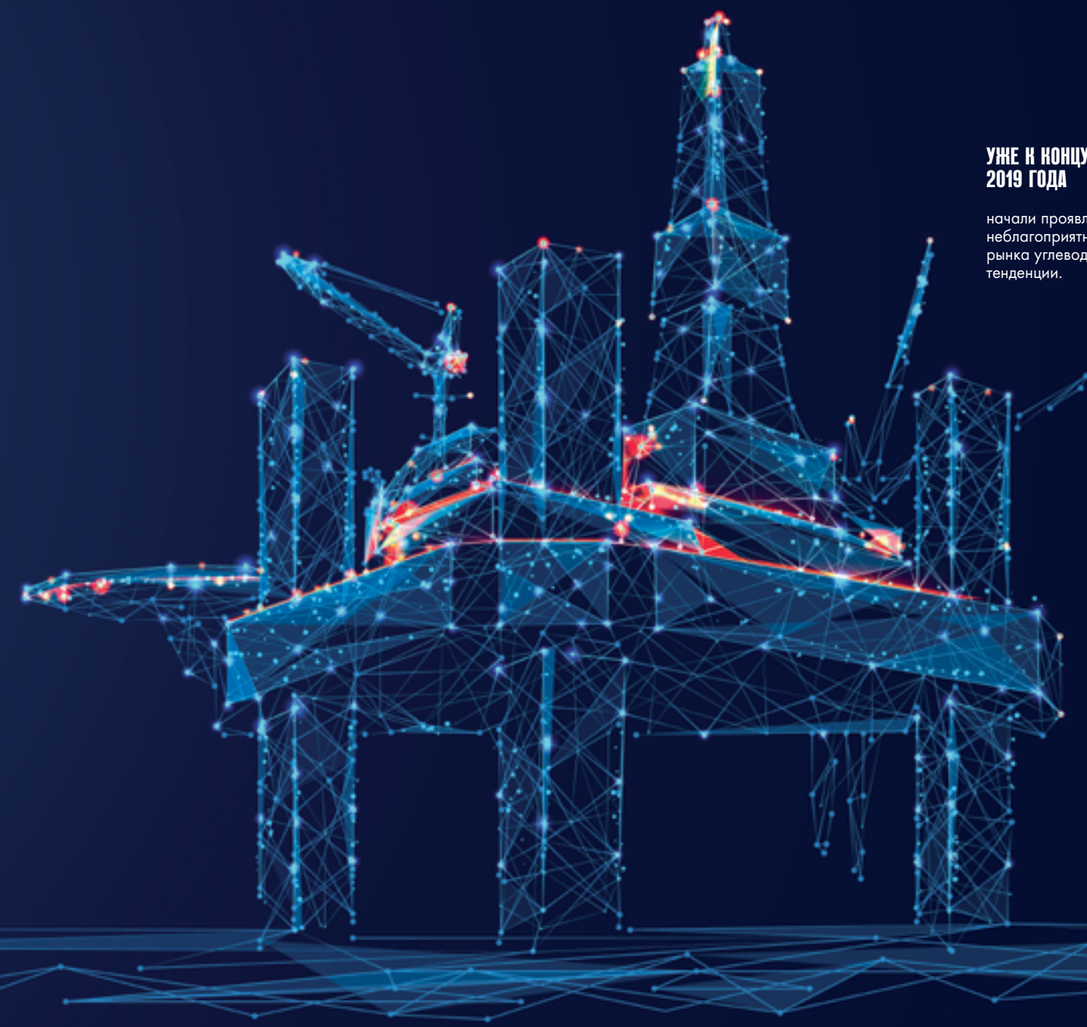
Борьба с ветряными мельницами

Локдаун в связи с пандемией COVID-19 стал лишь последним гвоздем в крышку гроба нефтяного рынка в том виде, в котором он существовал последние десятилетия. Замедление мировой экономики, прежде всего ее китайской составляющей, продавливало спрос вниз. Кроме того, зеленые экологические идеи приобрели серьезный политический вес: из разряда инфантильных призывов хиппи-активистов они перешли в статус официальной политики многих стран. Европа всерьез нацелена на развитие альтернативных источников энергогенерации: обустройство каскадов ветряных мельниц и массовая установка солнечных батарей — уже не эксцентрические выходки отдельных продвинутых борцов за экологию, а явление «на потоке».

Это стало теоретической предпосылкой для радикальных выводов о «конце нефтя-

Сырьевая экономика

ИСПОЛЬЗОВАТЬ НЕФТЬ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДАВЛЕНИЯ НАЧАЛИ ЕЩЕ В СЕРЕДИНЕ ПРОШЛОГО ВЕКА



УЖЕ К КОНЦУ 2019 ГОДА

начали проявляться неблагоприятные для рынка углеводородов тенденции.

ПАНДЕМИЯ ЕЩЕ РАЗ ПОКАЗАЛА ЗАВИСИМОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ ОТ ОДНОЙ ОТРАСЛИ

ной эры». Эксперты сомневаются в тотальном (во всяком случае скором) переходе с углеводородной энергетической модели на модель использования исключительно возобновляемых источников энергии. «Я думаю, что слухи о том, что эра нефти и газа близка к завершению, наверно, несколько преувеличены», — успокоил зрителей программы «Дом “Э”», посвященной перспективам углеводородной энергетики, заместитель директора Института проблем нефти и газа Российской академии наук Василий Богоявленский. Он указал, что слышит подобные разговоры уже около полувека. «За последние 10 лет потребление в мире угля выросло на 8%, потребление нефти выросло на 15%, а потребление природного газа выросло на 30%. Поэтому как раз все эти истории с Парижским соглашением по климату являются способом нерыночной дискредитации углеводородов», — подтвердил в ходе дискуссии в рамках той же программы генеральный директор Фонда национальной энергетической безопасности Константин Симонов.

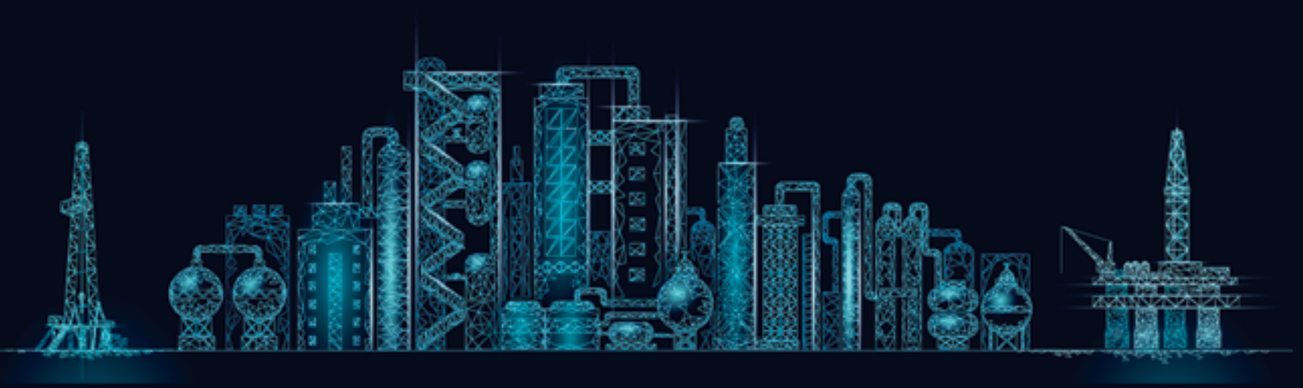
Однако не прислушиваться к звоночкам нового тренда нельзя. Прежняя конфигурация энергетической составляющей мировой экономики явно поплыла. Без всякого коронавируса.

НЕ НЕФТЬЮ ЕДИНОЙ

Как поплыла и конфигурация мировой экономики в целом. Самый существенный сдвиг — активизация антиглобалистских тенденций. Коронавирус продемонстрировал уязвимость завязки на китайскую «единую мировую фабрику», производящую все, от ширпотреба до деталей смартфонов. В связи с этим, к примеру, в США, получают все большую поддержку призывы к возрождению ряда собственных отраслей промышленности, переданных в свое время «на аутсорсинг». В России ставка — во всяком случае вербально — на ускоренное развитие ряда собственных отраслей и направлений была провозглашена чуть раньше, в рамках политики импортозамещения, курс на которую был взят в самом начале санкционного давления, в 2014-м.

Пандемия в очередной раз продемонстрировала зависимость российской экономики от единственной отрасли, считавшейся железобетонным оплотом, — добычи углеводородов. Доходы от экспорта нефти формируют до 30% нашего федерального бюджета, а с учетом нефтепродуктов — чуть выше 40%. В мае этого года, сообщает Банк России, нефтегазовые доходы в реальном выражении упали на 67% относительно мая 2019-го (в апреле — на 38%). Кроме того, указывает регулятор в июльском обзоре «О чем говорят тренды», «пониженный уровень добычи сказывается и на уровне активности в смежных отраслях: нефтепереработке, транспорте, нефтесервисных услугах, производстве и распределении электроэнергии». В этом обзоре буквально через абзац указывается на негативное влияние для российской экономики сделки ОПЕК+. То есть в условиях сократившихся нефтяных экспортных поступлений — туго.

О необходимости диверсификации российской экономики, устранения ее уязвимости к нефтяной конъюнктуре говорится давно и на всех уровнях, от официальных до экспертных. Этот призыв уже стал национальной мантрой. Одним из реальных инструментов по «излечению» нефтезависимости экономики считался комплекс шагов, объединенных в общий пакет нацпроектов. Однако в связи с кризисом, спровоцированным коронавирусом, срок их реализации отодвигается с 2024-го на 2030 год.



ВЗГЛЯД ЭКСПЕРТА

Ольга Маликова,
д. э. н., профессор кафедры государственного регулирования экономики Института государственной службы и управления (ИГСУ) РАНХиГС

«К КОНЦУ 2019 ГОДА НАЗРЕЛИ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ СТАГНАЦИИ НА РЫНКЕ НЕФТИ»

Современный мировой рынок нефти переживает весьма непростой период своего развития. К концу 2019-го стали проявляться долго созревавшие негативные для рынков углеводородов тенденции.

Основных вызовов было три. Первый — торможение темпов роста мировой экономики, прежде всего китайской. Плюс экономика Китая начала трансформироваться: если прежде она тяготела к индустриальной модели развития, то сейчас она становится высокотехнологичной, а следовательно, менее материалоемкой и энергоемкой. Схожие тенденции складываются и в других странах. Второй — европейские государства с начала прошлого десятилетия стали ориентироваться на формирование зеленой, низкоуглеродной экономики и в рамках этой стратегии ускоренно развивают электрогенерацию на основе возобновляемых источников энергии, прежде всего солнца и ветра. Это заметно сказывается на потреблении энергии.

Наконец, третий вызов. Появление — в лице США — нового игрока в сфере добычи нефти и газа и расширение экспорта газа из этой страны. Американские компании быстро увеличивали объемы добычи углеводородов и к 2040 году, согласно прогнозам, США должны были войти в число крупнейших экспортеров газа и крупных экспортеров нефти.

Кроме того, страны, которые раньше обеспечивали основной спрос на нефть, подошли к той черте, когда уровень энергоэффективности позволяет стабилизировать потребление нефти, достичь «пика» ее потребления. И это в основном платежеспособные страны. Одновременно спрос на углеводороды растет за счет тех государств, которые либо не являются платежеспособными, либо сами обладают запасами газа и нефти, и растущий спрос, по крайней мере частично, могут удовлетворять за счет собственных источников сырья.

Таким образом, к концу 2019 года назрели фундаментальные предпосылки для стагнации на рынке нефти. Скорее всего, если бы не случилась эпидемия коронавируса, происходила бы постепенная коррекция рынка, удешевление углеводородов протекало бы довольно вяло и экономика и добывающий комплекс имели бы возможность перестраиваться под новый ритм постепенно.

Однако эпидемия запустила механизм очень резкого снижения спроса и обвального падения цен на нефть и природный газ. COVID-2019 буквально обрушил рынок.

Для нормализации ситуации на рынке нефти было предпринято несколько попыток добиться соглашения в рамках ОПЕК+. Но первое в текущем году соглашение по сокращению объемов поставок в целях сдерживания падения цена на нефть не увенчалось успехом, и это в определенной степени было закономерно. В марте Россия не присоединилась к этому соглашению по одной веской причине. В рамках договоренностей участники ОПЕК+ должны были сокращать объемы добычи и экспорта нефти для стабилизации цен на приемлемом уровне. Однако одновременно такие действия приводили к высвобождению определенной доли рынка. И на эту долю рынка были нацелены США. Получалось, что основной выигрыш от договоренностей ОПЕК+ получали американские компании. Россия на такую «ротацию» была не согласна.

Но дальше события развивались по негативному сценарию, и надежды на то, что эпидемия закончится довольно быстро и рынок стабилизируется также сравнительно быстро, не оправдались. И в этих условиях соглашение в рамках ОПЕК+ было неизбежно, и оно было достигнуто в апреле.

Что нас ожидает? Ситуация довольно противоречивая. Долгосрочные тенденции складываются не в пользу стран — традиционных экспортеров углеводородов. Прежде всего, курс европейских стран на формирование зеленой экономики устойчив, что означает стагнацию потребления нефти. Отдельный вопрос — это развитие транспортного сектора. Если будет успешно происходить переход на электромобили или автомобили с гибридными моторами, это может создать дополнительный стимул для сокращения потребления нефти.

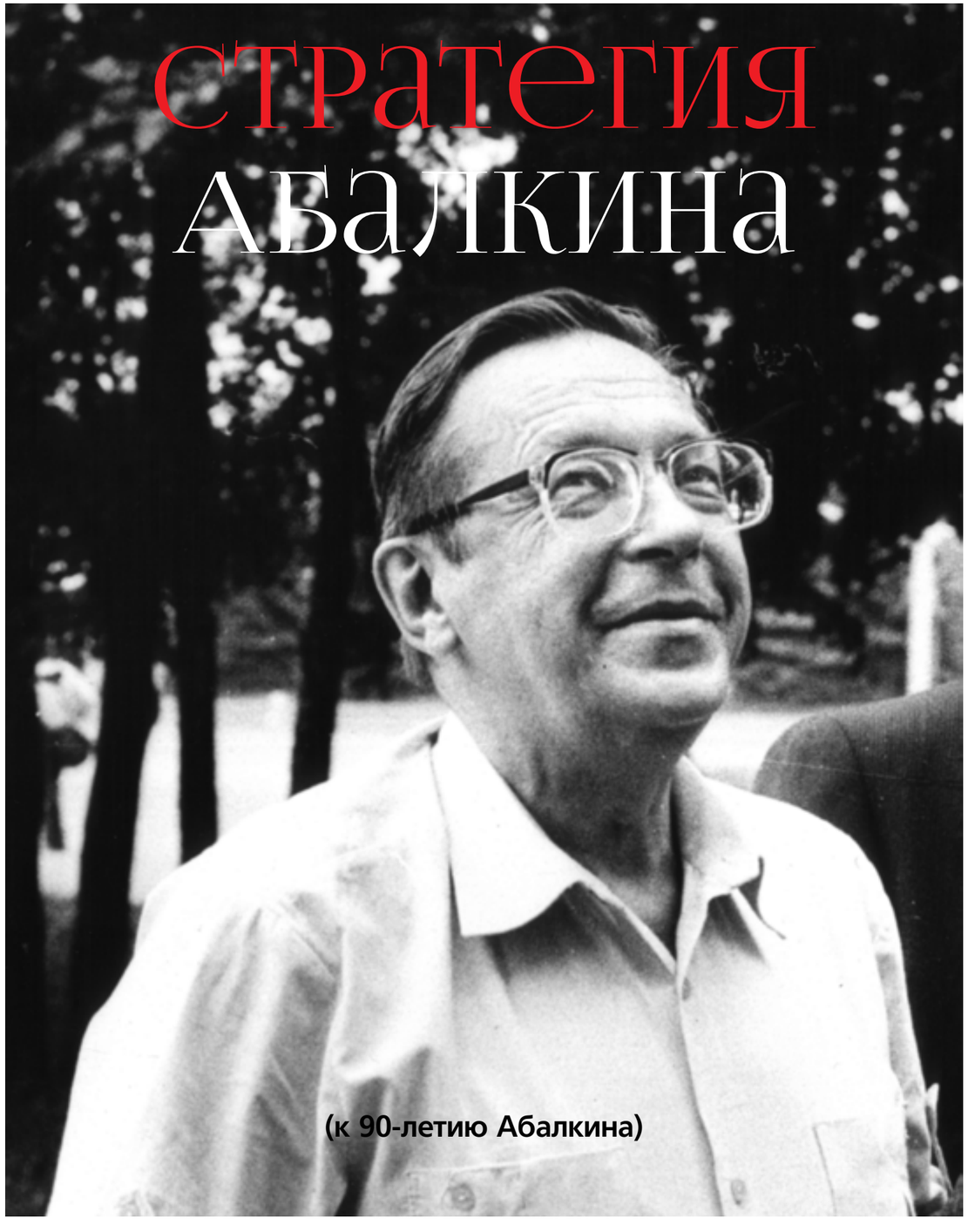
Правда, есть и предпосылки для балансировки ситуации на рынки нефти. Они взаимосвязаны. Первая — низкие цены на нефть, наряду с соглашением ОПЕК+, выводят из хозяйственной эксплуатации объекты с высокой себестоимостью добычи. И вторая, теснейшим образом с ней связанная: себестоимость добычи сланцевой нефти в последние полтора года в США практически перестала снижаться, большое число объектов, особенно на сложных месторождениях, оказываются за гранью рентабельности. Дальнейший рост добычи на таких участках становится проблематичным.

Таким образом, на фоне стабилизации, а может, даже и сокращения добычи мы будем наблюдать процесс своего рода расчистки, при котором компании, имеющие высокие издержки, вынуждены будут уходить с рынка.

Но кроме объективных тенденций, в сложившейся непростой ситуации большую роль играет и политический фактор. Значительная часть нефти добывается в странах, которые находятся под американскими санкциями, — это Иран, Венесуэла и Россия. И мы видим попытки расчистить за счет названных стран рынок для своих добывающих компаний, в том числе политическими методами, что, безусловно, искажает механизмы свободной конкуренции.

Формирование долгосрочной тенденции к снижению цен на углеводороды вновь ставит на первый план вопрос о диверсификации структуры российской экономики, создании развитого обрабатывающего сектора. Реализация промышленной политики, направленной на развитие производств, технологически связанных с нефтегазодобычей, позволит монетизировать естественные конкурентные преимущества. Развитие энергетического машиностроения в свою очередь необходимо для обеспечения эффективной и бесперебойной работы ТЭК. Пищевая и легкая промышленность необходимы для создания в регионах новых рабочих мест, повышения уровня жизни граждан. Сбалансированный рост в различных видах деятельности способен минимизировать экономические риски в условиях усложнения внешнеэкономической конъюнктуры.

Стратегия Абалкина



(к 90-летию Абалкина)

Дмитрий Сорокин,
вице-президент ВЭО России,
вице-президент Международного союза экономистов, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ,
член-корреспондент РАН

«…Идеи экономистов и политических мыслителей — и когда они правы, и когда они ошибаются — имеют гораздо большее значение, чем это принято думать. В действительности только они и правят миром. Безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писаки, сочинявшего несколько лет назад».

Дж. М. Кейнс (1936 г.)

«Трудно и больно говорить, и писать о России. Трудно, потому что много знаешь, больно — поскольку речь идет о завтрашнем дне не только твоих детей и внуков, но державы. А знаете, что труднее всего? Молчать. Ведь иногда молчащий не менее виновен, чем говорящий или делающий».

Л. Абалкин. Интервью (2003 г.)

В 2006 году в Институте экономики РАН был опубликован сборник статей академика Леонида Ивановича Абалкина под общим заголовком «Размышления о юбилеях»[1]. Посвященные различным историческим событиям и лицам статьи объединялись посылом: юбилей — это повод еще раз освежить ту историческую память, без сохранения которой «страна лишается будущего… поскольку будущее — не только желание или мечта, но и предмет познания, необходимым элементом которого является осмысление истории страны»[2]. И потому, вспоминая научный путь одного из самых видных представителей российской школы политико-экономической мысли в год его 90-летнего юбилея, невозможно не взглянуть на оставленное им интеллектуальное наследие с позиций как дня сегодняшнего, так и завтрашнего.

Невозможно в рамках одной статьи осветить весь спектр проблем, бывших объектом внимания Леонида Ивановича. Поэтому сосредоточимся на той, которую можно обозначить как политико-экономическое осмысление стратегии социально-экономического развития России. Этот выбор диктуется тем, что, с одной стороны, практически в каждой его работе вопросы формирования такой стратегии по существу являлись для автора центральными. А с другой, что именно в этом году опубликован Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», в котором в третий раз в новейшей истории России предпринята попытка обозначить вехи ее долгосрочной стратегии. Конечно, и в этом случае невозможно затронуть все аспекты этой темы в творческом наследии Леонида Ивановича. Поэтому сосредоточимся на тех, которые представляются исходными, задающими принципиальной вектор работы по определению содержания такой стратегии.

Прежде всего, следует вспомнить, что все первое десятилетие существования новой России страна не имела стратегии своего развития. И весь этот период Леонид Иванович в своих печатных работах, выступлениях, настойчиво объяснял невозможность устойчивого развития страны, чья экономическая политика не имеет долговременного (минимум 10–15 лет) горизонта видения и представления о путях, способах, механизмах движения к этому горизонту. В этот период во многом по инициативе Леонида Ивановича и при его непосредственном участии в Отделении экономики РАН готовятся и направляются в высшие органы государственной власти доклады, где еще и еще раз обосновывается необходимость стратегии и содержатся принципиальные подходы к ее содержанию: «О стратегии социально-экономических преобразований в России» (ноябрь, 1992 г.); «Социально-экономические преобразования в России: современная ситуация и новые подходы» (январь, 1994 г.); «Стратегия развития российской экономики и программа первоочередных шагов» (июнь, 1996); «Направления среднесрочной программы социально-экономического развития России» (май, 1997).

Однако творцами экономической политики 1990-х гг. на вооружение были взяты активно пропагандируемые приближенными к власти экспертами положения, что в условиях так называемого трансформационного кризиса ситуация не оставляет времени на проработку долгосрочных задач, откладывая их «на потом», после того, как будут преодолены острые проблемы дня сегодняшнего, подкрепляемые рассуждениями о невозможности и даже вредности определять долгосрочные ориентиры экономического развития в эпоху высокой изменчивости путей технологического прогресса. В основу экономической политики была положена не имеющая серьезного обоснования формула: рынок (к которому предлагалось перейти за 500 дней) все решит. Однако, как отмечал Леонид Иванович, 500 дней — это не стратегия, а подмена стратегии сначала годовыми, а затем трехлетними прогнозами, опирающимися на фетишизацию абстрактных рыночных механизмов, что неизбеж-

[1] Абалкин Л. Размышления о юбилеях. М.: Институт экономики РАН. 2006.

[2] Абалкин Л. Судьба России: связь времен. М.: Институт экономики РАН, 2004. С. 113.

ЗАБВЕНИЕ ИЛИ ИГНОРИРОВАНИЕ

как исторического опыта, так и выводов науки породило экономический хаос, приведший страну в 1998 году к финансово-экономическому коллапсу.

но будет только усугублять ситуацию[3]. Такая политика свидетельствовала лишь об утрате ее творцами научной исторической памяти.

В декабре этого года будет отмечаться еще один юбилей: 100 лет со дня принятия плана ГОЭЛРО. Прошло только три года после Октябрьского (2017 г.) переворота. Страна переживает разруху Первой мировой войны и продолжающейся Гражданской. Новая власть подвергается ударам внешней интервенции и внутренних мятежей. И в этот критический для самого существования России как самостоятельного государства период страна становится первопроходцем в принятии стратегии социально-экономического развития с горизонтом 10–15 лет. Даже Г. Уэллс, писатель-фантаст, обладающий даром предвидения, считал, что это — сверхфантазия и что в никаком волшебном зеркале невозможно увидеть ту Россию, какой она должна стать в результате воплощения этого плана в жизнь. Однако уже к концу 1920-х годов то, что казалось Г. Уэллсу утопией, обретает черты реальности, на базе которой восстанавливается государственность России и создается материальная возможность возвращения ее статуса мировой державы.

Необходимость наличия долгосрочной стратегии как обязательного условия вывода страны из системного кризиса, была продемонстрирована в 1930-е годы (Новый курс» президента Ф. Рузвельта), после Второй мировой войны в ходе политики послевоенного восстановления Германии, Франции, других западноевропейских государств и Японии. Ныне все страны, претендующие на глобальное или региональное лидерство, опираются в проводимой политике на долгосрочные стратегии развития.

Забвение или игнорирование как исторического опыта, так и выводов науки породило экономический хаос, приведший страну в 1998 году к финансово-экономическому коллапсу.

Но именно в это время, когда сложившаяся ситуацию вновь, как и на рубеже 1980–1990-х годов, поставила под вопрос само существование государства, Леонид Иванович создает коллектив авторов, который был призван обобщить накопленные наработки возглавлявшегося им Института экономики РАН по формированию научного обоснования стратегии социально-экономического развития России.
И в декабре 1999 года выходит созданная под его научным руководством коллективная монография «Россия-2015: оптимистический сценарий»[4].

На каждом общественном обсуждении этой работы неизбежно задавался вопрос: почему авторы описали лишь оптимистический сценарий, а не рассмотрели, как принято в правительственных прогнозах, иные варианты (инерционный, консервативный, пессимистический и т. п.)? И каждый раз Леонид Иванович объяснял, что ответ содержится в самой монографии, где в качестве исходного посыла был тезис, что в силу исторически сложившихся объективных внешних и внутренних факторов Россия может сохранить свою государственность в существующих границах лишь

[3] Абалкин Л. Размышления о юбилеях. С. 33, 69.

[4] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 01.12.1999г. № 2021-р.

оставаясь в статусе одного из мировых полюсов экономической и военно-политической силы. Иные сценарии неизбежно приведут к превращению России из субъекта в объект глобальных отношений и создадут реальную угрозу ее территориальной целостности.
И это второй важнейший тезис, лежащий в основании подходов, исповедуемых Леонидом Ивановичем в отношении стратегии для России: «Россия может либо возродиться как великая держава (великая по своему политическому влиянию в мире, по уровню экономического развития, материального достатка и духовности, по гордости, вызываемой как у своих сограждан, так и у остальных народов), либо перестать быть Россией»[5].

Трудно сказать, насколько позиция Леонида Ивановича, его коллег по Отделению экономики РАН, наработки институтов Отделения по этим вопросам оказали влияние на принятие политических решений. Но факт остается фактом: тогда же в декабре 1999-го выходит распоряжение Правительства о разработке стратегии развития России до 2010 года, проект которой под названием «Основные направления социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу» был представлен в 2000 году, став тем самым первой в истории новой России попыткой осуществить долгосрочную стратегию, цель которой — «восстановить и упрочить позиции России как одной из стран — лидеров мирового развития». Эта же мысль была ярко выражена в Послании Президента РФ Федеральному собранию в 2003 году: «Все наши решения, все наши действия — подчинить тому, чтобы уже в обозримом будущем Россия прочно заняла место среди действительно сильных, экономически передовых и влиятельных государств мира. …Весь наш исторический опыт свидетельствует: такая страна, как Россия, может жить и развиваться в существующих границах, только если она является сильной державой. Во все периоды ослабления страны — политического или экономического — перед Россией всегда и неотвратимо вставала угроза распада».

Однако стратегия — это не только сформулированные цели, но и механизмы использования имеющихся ресурсов, при помощи которых эти цели могут быть достигнуты. По замыслу авторов «Основных направлений» путь к этому лежал на путях дерегулирования экономики в направлении реализации принципов рыночного фундаментализма. Именно этот аспект и был подвергнут серьезной критике со стороны академического экономического сообщества, что несомненно сыграло свою роль в том, что проект так и не был утвержден правительством[6]. Таким образом страна, с одной стороны, вновь оказалась без стратегии, с другой — проводимая экономическая политика в рамках прежних трехлетних прогнозов с прежним упорством пыталась реализовать заимствованные

[5] Абалкин Л. И. Поиск пути в меняющемся мире // Л. И. Абалкин. Избранные труды: в 4-х тт. Т. IV. М.: ОАО «НПО «Экономика», 2000. С. 220.

[6] Абалкин Л. Размышления о юбилеях. С. 50.

АКАДЕМИК АБАЛКИН ОТМЕЧАЛ,

что «подход, проповедуемый сторонниками «либеральной альтернативы» не имеет исторических и научных обоснований.

абстрактные теории, построенные на принципах рыночного фундаментализма, хотя, как отмечал Леонид Иванович, «подобный подход, проповедуемый сторонниками «либеральной альтернативы не имеет “исторических и научных обоснований”»[7].

Удачная для России конъюнктура, сложившаяся на мировых сырьевых рынках в первое десятилетие 2000-х годов, подстегнула экономический рост России, темпы которого, измеряемого годовыми приростами ВВП, позволили ей войти в число стран с быстроразвивающимися рынками (БРИК). Однако в эти, казалось бы, благополучные 2000-е годы вопреки господствующей монетарно-рыночной идеологии Леонид Иванович продолжал отстаивать взгляды, согласно которым «нет и не может быть эффективной, базирующейся на современных научных достижениях, социально-ориентированной рыночной экономики без активной регулирующей роли государства», считая, что «пример России войдет во все учебники и хрестоматии начала XXI века как яркая иллюстрация того, к чему приводит вытеснение государства из сферы экономики»[8]. Таков третий фундаментальный тезис Леонида Ивановича в отношении долгосрочной стратегии. Именно в этот период под его руководством в Институте экономики РАН был подготовлен альтернативный проводимой экономической политике обновленный сценарий российской стратегии до 2025 г.[9]

Жизнь в очередной раз подтвердила правоту академика. Даже приблизиться к решению принципиальных задач, сформулированных в «Основных направлениях» (преобразование структуры экономики в направлении преодоления сырьевой зависимости через технологическое перевооружение производственной базы, без чего в принципе было невозможно обеспечить сколь-нибудь устойчивое развитие), не

[7] Абалкин Л. Судьба России: связь времен. С. 3.

[8] Там же. С. 4.

[9] Стратегический ответ России на вызовы нового века / Под общ. ред. Л. И. Абалкина. М.: «Экзамен». 2004.

удалось. По сути это было главным итогом, казалось бы, быстрого экономического роста в «тучные 2000-е годы», о чем откровенно сказал президент России в выступлении на расширенном заседании Госсовета, посвященном разработке новой стратегии, в феврале 2008 года: «Не удалось уйти от инерционного энергосырьевого сценария развития. …Следуя этому сценарию, мы не добьемся необходимого прогресса в повышении качества жизни российских граждан. Более того, не сможем обеспечить ни безопасность страны, ни ее нормального развития, подвергнем угрозе само ее существование, говорю это без всякого преувеличения».

Правомерность этой оценки была подтверждена уже в конце того же года, когда резкое падение цен на мировых рынках на сырьевые товары, прежде всего нефть, ввергло страну в глубокий экономический кризис, в ходе которого избежать серьезных социально-экономических потерь помогли лишь накопленные в «тучные годы» валютные резервы.

На этом фоне в 2008 году правительством была предпринята вторая попытка создания и реализации долгосрочной стратегии, получившей название «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»[10], в которой так же, как и в проекте 2000-го, объявлялось: «Стратегической целью является достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI века, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции» и ставились задачи ее структурной перестройки на основе технологического (инновационного) обновления.

Однако прошлое во многом формирует будущее. Сложившаяся к этому времени структура экономики не могла быть перестроена мгновенно. Потому и кризисное падение 2009 года в России оказалось значительно более глубоким, чем в других странах. Более того, когда в результате начавшейся позитивной динамики цен на мировых сырьевых рынках российская экономика перешла к посткризисному восстановлению, темпы восстановительного роста характеризовались устойчивой тенденцией к замедлению, закончившемуся его фактической остановкой в 2014-м, в результате чего началось устойчивое сокращение реально располагаемых денежных доходов населения, которые по итогам 2019 года скатились к уровню 2011-го. После последовавшего в 2015 году кризиса, когда все ключевые показатели социально-экономической динамики показали отрицательные значения, экономика перешла не к восстановительному росту, а к стагнации.

Складывающиеся экономические реалии так или иначе заставляли творцов государственной экономической политики «признавать» ту обязательную экономическую роль государства, о которой говорил и писал Леонид Иванович. Так в Прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на 2012 год и плановый период 2013–2014 годов, подготовленном Минэкономразвития, констатировалось: «Развитие российской экономики в период реформ показывает, что либеральные, чисто рыночные механизмы не приводят к быстрому развитию высокотехнологичных производств». В опубликованной годом спустя Государственной программе «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» отмечалась очевидность того, «что без участия государства в решении ключевых задач инфраструктурного, инвестиционного и инновационного характера промышленность не сможет выйти на необходимый уровень конкурентоспособности».

НЫНЕ ОЧЕВИДНО,

что экономическая реальность страны далеко не соответствует главным целям, сформулированным в Концепции-2020.

Однако документы — это одно, а реально проводимая политика — иное. Ныне очевидно, что экономическая реальность страны далеко не соответствует главным целям, сформулированными в Концепции-2020. Догматическое следование монетаристским теориям привело к тому, что динамика экономического развития страны по-прежнему зависит от доходов, получаемых за счет экспорта сырья, а инновационная технологическая активность, как показывает официальная статистика, остается на уровне 2000 года. Конечно, экономические санкции, пандемия 2020-го оказали свое влияние. Но причиной явились не они. И замедление темпов роста, и стагнационные тренды, как показывает статистика, развивались задолго до этих событий. Последние лишь ускоряли наступление кризисных явлений, но отнюдь не порождали их. Фундаментальные же причины заключались в сложившейся структуре экономики, изменить которую продолжали пытаться на принципах рыночного фундаментализма, а когда неизбежно наступали острые кризисные явления, власть бралась за рычаги «ручного управления», которые по определению не могли решать задачи стратегического характера.

В результате в мае 2018 года президентом была предложена система национальных целей, повторяющих по многим ключевым позициям показатели Концепции-2020 и перенесенные на 2024 год[11].

Итоги 2019 года, во многом определяемые накопившейся инерцией экономической динамики предшествующих лет, кризис 2020-го, порожденный, с одной стороны, сохранившейся сырьевой зависимостью, с другой — пандемией, показали нереалистичность достижения поставленных целей в среднесрочном (шестилетнем) периоде. Потому и появился в июле этого года Указ Президента РФ, где предложенным ориентирам придан стратегический характер — до 2030 года.

Жизнеспособность разрабатываемой для достижения обозначенных ориентиров третьей с 2000 года стратегии будет определяться многими обстоятельствами. Но фундамент этой жизнеспособности определит методология ее формирования.

Три из этих методологических основ (необходимость подчинения текущей экономической политики стратегическим целям развития, ориентация стратегии на поддержание статуса России как одного из мировых полюсов экономической и военно-политической силы, роли государства как системообразующего фактора реализации стратегии), которые всю свою научную жизнь отстаивал академик Абалкин, изложены выше. Однако этим не исчерпывается его наследие в отношении стратегии.

Важнейшим условием реалистичности стратегии Леонид Иванович считал необходимость при ее разработке опираться не только на наличные ресурсы и конкретно складывающиеся внутренние и внешние условия, но и на цивилизационный тип российского общества. В этом подходе он опирался на всю историю российской школы экономической мысли, которая всегда исходила из своеобразия России как особого типа цивилизации, и потому невозможности прямого калькирования даже успешного опыта организации экономической жизни, рожденного в ином цивилизационном социуме[12].

И наконец, а по существу — первым условием реалистичности стратегии Леонид Иванович считал ее опору на науку. Это отнюдь не означало, что разработка стратегии должна быть поручена ученым. «У экономической науки и у власти здесь разные функции. Наука призвана и обязана готовить концепцию долгосрочной стратегии: ее цели, систему приоритетов, логику самой стратегии, источники финансирования экономических и социальных задач. Но саму стратегию обязана разрабатывать власть и нести перед народом ответственность за ее осуществление. В этом и состоит один из важнейших принципов демократии»[13].

В этой связи нелишне вновь вспомнить о 100-летнем юбилее ГОЭЛРО. Этот план был рожден не в правительственных кабинетах новой власти. В его основе лежали наработки большой группы российских ученых, объединенных еще в 1915 году в Комиссию по изучению естественных производительных сил именно с целью подготовки долгосрочной стратегии развития России. Научный расчет, соединенный с политической волей его реализации и дал соответствующий результат. И наоборот. Когда в последующий период власть видела роль науки лишь в обосновании собственной политической воли («нет таких крепостей, которые не могли бы взять…»), нередки были крупнейшие социально-экономические провалы.

Учтет ли нынешняя власть этот исторический опыт? Этот вопрос неизбежно возникает, когда узнаешь из интервью президента РАН академика А. М. Сергеева, что «Академия наук узнала о Национальном проекте “Наука” из средств массовой информации, …его цели никто с Академией не обсуждал»[14]. И тогда невольно вспоминаешь слова Леонида Ивановича, опубликованные за год до его ухода из жизни: «Мощным сдерживающим фактором развития экономической науки является равнодушие к ней со стороны власти, в ее рекомендациях по вопросам стратегии. Уверенная в своей компетентности власть не нуждается в советниках»[15].

Но ведь только что на всю страну СМИ показывали механизм принятия политических решений, опирающихся на науку. В борьбе с пандемией — и это неоднократно подчеркивал президент страны — как в центре, так и на местах все организационные решения принимались на основе комплексного анализа мнений специалистов в области эпидемиологических заболеваний. Эти мнения могли быть разными — «монополия в науке ведет к ее смерти», был убежден академик Абалкин[16]. Но именно продемонстрированное властью умение выслушать различные взгляды, чтобы принять решение не на основе «хотелок», а с пониманием возможных последствий, о которых предупреждали специалисты, позволили нашему обществу преодолеть первый пик пандемии, сводя к минимуму негативные последствия для самого важного — человеческих жизней.

Остается надеяться, что власть учтет этот опыт при решении гораздо более сложной задачи — формировании реалистичной стратегии, нацеленной на оптимистический вариант будущего страны, чему академик Леонид Иванович Абалкин посвятил всю свою научную жизнь.

[10] Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.

[11] Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 года № 204.

[12] Абалкин Л. Судьба России: связь времен. С. 43, 79.

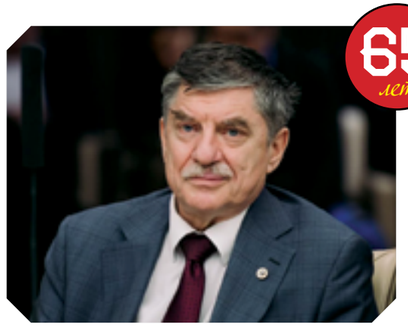
[13] Абалкин Л. Размышления о юбилеях. С. 50.

[14] «Российская газета». 6 ноября 2019 г. С. 9.

[15] Абалкин Л. История российской экономической мысли и ее связь с политикой // Уроки истории и будущее России. М.: ИЭ РАН, 2010. С.37

[16] Абалкин Л. Размышления о юбилеях. С. 61.

ДНИ РОЖДЕНИЯ



ИВАНОВ ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ

Член Правления ВЭО России, заместитель президента РАН, член-корреспондент РАН, кандидат технических наук, доктор экономических наук

РОДИЛСЯ 9 АВГУСТА 1955 ГОДА
В ПСКОВЕ, СССР

Владимир Викторович — известный ученый, крупный специалист в области изучения глобальных процессов и проблем научно-технологического развития.

В 1978 году Владимир Викторович окончил факультет технической физики МИФИ, где получил квалификацию «инженер-физик». В родном вузе руководил группой по разработке тренажеров для оперативного персонала быстрых и исследовательских реакторов.

В годы работы в МИФИ основными направлениями научных исследований ученого были закономерности и процессы разрушения материалов и элементов конструкций ядерных энергетических установок, методы оценки ресурса ЯЭУ по параметрам сопротивления разрушению, экспериментальная механика разрушения, разработка систем подготовки и обучения оперативного персонала ЯЭУ.

В 1986 году Владимир Викторович принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

В годы работы в Миннауки России ученый исследовал закономерности формирования и развития национальных инновационных систем, проблемы инновационного развития локальных территорий, включая наукограды.

Сегодня Владимир Викторович плодотворно занимается научной деятельностью в Российской академии наук, в том числе с 2015 года руководя Информационно-аналитическим центром «Наука» РАН.

Результаты научных исследований Владимира Викторовича использованы при разработке государственных стратегических документов, в том числе Стратегии национальной безопасности РФ, Основных направлений развития науки, технологий и техники, Стратегии научно-технологического развития. В 2015–2019 годы под его руководством была разработана Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период.

Владимир Викторович убежден, что сегодня «усилия должны быть направлены на решение важнейшей задачи преодоления технологического отставания». Ученый также занимает принципиальную позицию по вопросу возвращения РАН статуса высшей научной организации России. «РАН должна быть восстановлена как научная организация, отвечающая за развитие фундаментальных исследований в стране», — уверен он.

Президиум ВЭО России, президиум МСЭ, редакция журнала «Вольная экономика» имеют честь поздравить Владимира Викторовича с юбилеем.

МУРЫЧЕВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ

Член Президиума ВЭО России, вице-президент Общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей», председатель совета Ассоциации региональных банков России (Ассоциация «Россия»), д. э. н.

РОДИЛСЯ 15 СЕНТЯБРЯ 1955 ГОДА
В ГОРОДЕ ПЕТРОПАВЛОВСКЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ (СЕЙЧАС СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН)

Окончив Московский областной педагогический институт имени Н. К. Крупской, Александр Васильевич начал вести научную деятельность и получил степень кандидата исторических наук и доктора экономических наук. После аспирантуры Академии общественных наук при ЦК КПСС был назначен секретарем райкома партии.

В 1991 году ученый занял должность советника по региональным проблемам Международного фонда «Реформа» под руководством академика С. С. Шаталина. В 1994 году стал вице-президентом Российской ассоциации промышленно-строительных банков, год спустя — ее президентом и в этой должности проработал четыре года. В течение семи лет был председателем совета и президентом Ассоциации региональных банков России (Ассоциации «Россия»). С 2007 года и по настоящее время Александр Васильевич является исполнительным вице-президентом Российского союза промышленников и предпринимателей, председателем совета Ассоциации региональных банков России, а также профессором НИУ «Высшая школа экономики».

Александр Васильевич ведет активную государственную деятельность, является членом многих экспертных советов. Публикует статьи и монографии по вопросам банковской деятельности, денежно-кредитной и инвестиционной проблемам.

По словам Александра Васильевича, роль и место частных банков должны быть ключевыми. «Перспективы развития нашей экономики связаны во многом с тем, чтобы как можно больше привлекать частного капитала», — убежден он.

Президиум ВЭО России, президиум МСЭ, редакция журнала «Вольная экономика» имеют честь поздравить Александра Васильевича с юбилеем.

ПОРФИРЬЕВ БОРИС НИКОЛАЕВИЧ

Член Президиума ВЭО России, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д. э. н, профессор

РОДИЛСЯ 20 АВГУСТА 1955 ГОДА
В МОСКВЕ, СССР

В 1977 году Борис Николаевич с отличием окончил кафедру экономической географии капиталистических стран географического факультета МГУ, после чего работал научным сотрудником Всесоюзного института научной и технической информации. Почти 10 лет посвятил науке в Институте системного анализа РАН. В 2012 году был назначен заместителем директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, а в 2017-м — возглавил институт.

В сфере интересов Бориса Николаевича — исследование проблем анализа и управления кризисными ситуациями в экономике, а также вопросы экономики и управления природными и техногенными рисками, включая риски климатических изменений, и обеспечения безопасности при чрезвычайных ситуациях.

За работу «Экономика климатических изменений», которая внесла большой вклад в изучение и оценку природных рисков, ученый был удостоен премии Е. С. Варги. Коллеги оценили исследование Бориса Николаевича как «пионерскую научную работу в новом и важном направлении исследований мировой экономики». В частности, в ходе этой работы Борис Николаевич доказал, что в России климат теплеет быстрее, чем в среднем в мире, и сделал сенсационный вывод — «глобальное потепление для нашей страны принесет больше пользы, чем вреда». Так, для российских ТЭК и ЖКХ изменения климата приведут к положительным эффектам, например, к сокращению отопительного периода, значительной экономии топливно-энергетических ресурсов, а также улучшению теплового режима зданий.

Борис Николаевич в том числе — лауреат премии МЧС России за разработку концепции стратегических рисков экономики России и автор более 300 научных работ.

Ученый уверен, что «главные проблемы России, в том числе в сфере экологии и климата, связаны не с уровнем выбросов парниковых газов, а со стагнацией экономики, с низким уровнем и динамикой инвестиций, а также темпами ее структурно-технологической модернизации». Именно эти задачи следует решать в первую очередь, а не «бежать впереди паровоза» и принимать на себя чрезмерно жесткие климатические обязательства, ведущие к ограничению социально-экономического развития страны, тем более в условиях кризиса.

Президиум ВЭО России, президиум МСЭ, редакция журнала «Вольная экономика» имеют честь поздравить Бориса Николаевича с юбилеем.

СЕРГЕЕВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

Президент РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор

РОДИЛСЯ 2 АВГУСТА 1955 ГОДА В СЕЛЕ БУТУРЛИНО,
НИЖЕГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ, СССР

Александр Михайлович — ведущий российский ученый в области лазерной физики, фемтосекундной оптики, теории нелинейных волновых явлений, физики плазмы и биофотоники.

В 1977 году окончил радиофизический факультет Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского по специальности «радиофизика». В Институте прикладной физики РАН прошел путь от стажера-исследователя до директора. Под его руководством институт был реорганизован в федеральный исследовательский центр, был создан современный центр фемтосекундной оптики, включающий ряд установок, в том числе самый мощный в стране петаваттный лазерный комплекс.

В 2012 году за работу по созданию петаваттного лазерного комплекса Александр Михайлович в составе авторского коллектива был удостоен Премии Правительства РФ в области науки и техники, а результаты этой работы положены в основу проекта создания самого мощного в мире субэкзаваттного лазера. Александр Михайлович возглавлял группу российских ученых в проекте по детектированию гравитационных волн LIGO в США. В 2016 году работа была удостоена премии Грубера по космологии, а также премии по фундаментальной физике.

В 2017 году ученый победил на выборах президента РАН, возглавив академию в сложное для нее время. Александру Михайловичу удалось сбалансировать ситуацию и достичь успехов в борьбе за повышение статуса академии, расширение ее полномочий, участие в управлении научными организациями и российской наукой в целом, отмечают члены президиума РАН.

«Ваш очень непростой участок работы потребовал знаний, дара политика, взгляда оптимиста и стратегического видения, — пишут члены президиума РАН. — При взятом Россией курсе на модернизацию научного и технологического прогресса всё это чрезвычайно важно».

Президиум ВЭО России, президиум МСЭ, редакция журнала «Вольная экономика» имеют честь поздравить Александра Михайловича с юбилеем.

55 лет назад, 12 июля 1965 года

В СССР впервые отметили День рыбака

День рыбака — новый профессиональный праздник, учрежденный указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 мая того же года. Сейчас он традиционно отмечается во второе воскресенье месяца и официально сохранился до сих пор на пространстве бывшего Советского Союза только в России и на Украине.

Рыбу на Руси, начиная с Киевской, вылавливали нещадно и варварски. Главными способами были — острога, бредень и оружие массового уничтожения рыбы — ез (или учуг) — это особое сооружение наподобие платины, которым перекрывали реку во время нереста. Толстые бревна, соединенные в козлы, вбивали в дно, между ними ставили жерди из мелкого леса, и в нескольких местах делали проходы для рыбы, которые перекрывали сетями.

На так называемой езовой службе князя находилась сотня, а то и больше, смердов, которые были фактически освобождены от других работ, так как езы стояли с весны по осень. Конечно, рыба стала еще более востребованной с укреплением православия — тогда в монастырях вообще не ели мясо, а в посты этого не делали и миряне. Монастырский лов был очень широко распространен.

Польский путешественник Михалон Литвин так описывал реки Киевской Руси: *«…реки до невероятности обильны всякого рода большой рыбой, восходящей вверх из моря пресную воду. Особенно Припять в одном месте у Мезыря, близ устья речки Туры, при накоплении свежей воды из источников наполняется ежегодно около 1 марта таким количеством рыбы, что копье, брошенное в середину, останавливается твердо, как в земле, так густа рыба. Я не поверил бы этому, если б сам не был свидетелем, как черпали там рыбу беспрерывно и наполняли в один день около тысячи телег, принадлежащих приезжим купцам, которые нарочно съезжались к этому времени».*

Иоганн Гюльденштедт, академик, президент Императорского вольного экономического общества в 1780–1781 годы, писал после путешествия по Югу о множестве осетров, севрюги и белуги, а пуд самой дорогой из них стоил меньше рубля. Есть свидетельства протопопа Аввакума о великом множестве рыбы в Байкале и ее дешевизне.

Рыбоохрана появляется впервые при Алексее Михайловиче, который запретил езы, на Байкале прекратили вскоре лов при нересте, на Каспии запретили лов в прибрежной зоне. Конечно, в Европе подобные и более жесткие законы появились гораздо раньше.

В 1668 года в России появился статут, запрещавший переяславским рыболовам ловить мелкую сельдь. Петровский указ гласил не допускать «убыли рыбы на Волге» и использовать некоторые браконьерские снасти. С этого момента все чаще императорские указы касались браконьерства. Основные центры легальной добычи переместились на Каспий и Азов.

Сейчас в России существует несколько бассейнов, интересных с точки зрения рыболовства:

- Каспийский бассейн,
- Азово-Черноморский район,
- Западный бассейн (Балтийское и Северное моря),
- Северный бассейн (Баренцево, Белое, Карское моря, море Лаптевых, Восточно-Сибирское и Чукотское),
- Дальневосточный бассейн (Японское, Охотское и Берингово моря).

Все эти районы активно развивались в СССР, что позволило создать огромную отрасль рыбной промышленности. Тогда даже существовало Министерство рыбного хозяйства. В икре на Новый год советские граждане никогда не имели недостатка. Повсюду выросли огромные магазины «Океан». Правда во времена дефицита они часто продавали лишь рыбу второстепенных сортов, но даже в захолустье всегда можно было купить минтая и подобные недорогие сорта.

В День рыбака в местах наибольшего развития промысла проводятся разные мероприятия, соревнования и т. п.

358 лет назад, 4 августа 1662 года

начался медный бунт

Шла война с Речью Посполитой за территории, захваченные во время Смутного времени, которая затем перетекла в русско-шведскую войну, и, как во времена большинства войн России, начался внутренний экономический кризис. Военные кампании шли одна за одной каждый год. В казне не хватало серебра, и царь Алексей Михайлович повелел чеканить медные деньги, которые бы ходили по номиналу серебряных. Естественным образом они начали вскоре понижаться в цене, и в 1659 году серебряный рубль стоил уже 10 медных, цены взлетели, ратные люди не могли пользоваться медью во время походов, фальшивые медные деньги чеканились сплошь и рядом.

Как пишет Соловьев, *«стали присматривать за денежными мастерами, серебряниками, котельниками, оловянишниками, и увидали, что люди эти, жившие прежде небогато, при медных деньгах поставили себе дворы каменные и деревянные, платье себе и женам поделали по боярскому обычаю, в рядах всякие товары, сосуды серебряные и съестные запасы начали покупать дорогою ценою, не жалея денег. Причина такого быстрого обогащения объяснилась, когда у них стали вынимать воровские деньги и чеканы. Преступников казнили смертию, отсекали у них руки и прибивали у денежных дворов на стенах, домы, имения брали в казну. Но жестокости не помогли при неодолимой прелести быстрого обогащения; воры продолжали свое дело, тем более что богатые из них откупались от беды, давая большие взятки тестю царскому — Илье Даниловичу Милославскому да думному дворянину Матюшкину, за которым была родная тетка царя по матери; в городах воры откупались, давая взятки воеводам и приказным людям».*

В конце июля (4 августа по новому стилю) 1662 года люди в Москве взбунтовались и пошли толпой к царской резиденции в Коломенском, царь вышел к людям, которые не били челом, а довольно грубо держали царя за пуговицы кафтана и требовали изменников, из-за которых возникла невыносимая для простых людей ситуация. У царя в Коломенском ждали несколько тысяч верных войск, и когда он дал знак, началось избиение толпы.

Есть свидетельства очевидца о подавлении бунта: *«Лета 7170-го июля в 25 день божиим попущением и за наше согрешение в великом и в преименитом во царствующем граде Москве счинися таковое великое страшное дело: в поле под Коломенским государеве селе посекли москвичь черных сотен и иных всяких чинов людей сот з девять и более свои же московски люди, стрельцы Стремяново приказу и государевы всякие чины за то, что стали было бить челом государю на бояр. Да того ж месяца июля в 26 день повесили пятьдесят человек в том же челобитье всяких чинов людей».*

За этим последовали пытки и казни, несколько тысяч человек были сосланы в Сибирь, тысячи — наказаны отсечением рук и ног.

После бунта были предприняты несколько безуспешных попыток восстановить экономическое положение, и в итоге в 1663 году царь издал указ, восстанавливающий серебряное денежное обращение. За медный рубль казна платила лишь 2 медные деньги. Реформа провалилась и закончилась дефолтом.

255 лет назад

19 сентября 1765 года

Опубликован Манифест Екатерины II о проведении генерального межевания в Российской империи. Эту дату можно считать поворотной в экономической истории России. Попытка была не первой: в 1754 году Елизавета I утвердила инструкцию для генерального межевания, но дело так и не пошло. В новом Манифесте отмечалось, что Инструкция морально устарела и в России назрел совершенно новый подход к межеванию. Отменялась ревизия прав и выявление излишних земель. За основу владения признавался статус-кво — действительное владение землей без проверки законности владения и отъема лишних земель в пользу государства. Но для подобной «дачной амнистии» были введены и некоторые ограничения.

Во-первых, землевладельцам запрещалось занимать те земли, которыми они не владели до опубликования Манифеста.

Во-вторых, требовалось прекратить все споры за излишние земли.

И наконец, владельцам земель предлагалось самостоятельно измерить свои земли, сравнить эти данные с содержанием «крепостей» (договоров) и самостоятельно уладить все споры с соседями.

Принцип фактического владения землями по состоянию на 1765 год означал передачу дворянам всего фонда «примерных» (то есть излишних) земель, составлявших свыше 70 млн десятин (около 76,5 млн га). С 1765 года поземельные споры признавались недобросовестными, для продолжавших ранее начатые споры были созданы крайне стеснительные условия — они должны были представить документы на право владения своими землями и теряли большую часть «примерных» земель.

Кроме того, практиковалась широкая продажа дворянам казенных земель, прилегавших к их владениям. При межевании земли приписывались не к именам владельцев, а к названиям поселений и пустошей; единицей межевого описания стала дача — территориально целостный комплекс, группа поселений, поселение или пустошь с относившимися к ним землями.

Межевые работы организационно были отделены от Вотчинной коллегии, регулировавшей вопросы землевладения, и переданы в ведение созданной в 1765 году при Сенате Межевой экспедиции (с 1794 года Межевой департамент Сената). Непосредственно организацией работ руководила Межевая канцелярия (до 1777 года Московская губернская межевая канцелярия) и создававшиеся на местах межевые конторы.

Генеральное межевание осуществлялось бригадами землемеров, которые в ходе работ составляли планы земельных владений (около 200 тыс. за время проведения генерального межевания) и «полевые записки». По завершении межевания каждого уезда они составляли его генеральные планы, переработанные затем в атласы, а также своеобразный земельный кадастр — тома «Экономических примечаний», в которых приводились статистические сведения о населении, земельных угодьях, хозяйстве, дикой природе (пустоши, леса) по каждой даче и по уезду в целом.

В 1779 году при Московской межевой канцелярии было учреждено Константиновское межевое училище, ставшее на долгие годы главным центром подготовки российских землемеров. Существует оно и поныне — это Московский государственный университет геодезии и картографии.

Несмотря на то что дворянство в целом было удовлетворено принципами проведения генерального межевания, межевание вызывало значительное напряжение в обществе и проводилось одновременно лишь в нескольких губерниях. Генеральное межевание сопровождалось грандиозным хищением земель однодворцев, государственных крестьян, ясачных народов и др. В окраинных губерниях со значительными особенностями в землевладении генеральное межевание не проводилось или проводилось на основании специально изданных правил.

Работа, начатая Манифестом Екатерины, продолжалась сто лет. К середине XIX века оно прошло на большей части Европейской России, в ходе генерального межевания было обмежевано свыше 300 млн га земли.

Отмена крепостного права потребовала принципиально новых подходов к межеванию земель, перехода к государственному кадастру, созданию органов земской статистики, но в основе всех этих новаций лежали и результаты генерального межевания и старые кадры — армия землемеров и инженеров-землеустроителей.

ПОДПИСКА НА ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ ВЭО РОССИИ

Подписку можно оформить через почтовые отделения Почты России на всей территории РФ и на сайте онлайн-подписки podpiska.pochta.ru

Журнал «Вольная экономика»

Подписной индекс в официальном каталоге Почты России — ПА008

Научно-популярное аналитическое издание, рассчитанное на специалистов в сфере экономики и широкий круг читателей. Журнал «Вольная экономика» представляет аналитику, свободную от главенствующих доктрин; интервью с учеными и практиками из разных стран мира; экспертные мнения, в том числе и членов Вольного экономического общества России, которые определяют ориентир в современном мире экономики.

Интервью, новости и аналитические статьи, опубликованные в печатной версии журнала, доступны на сайте http://freeconomy.ru

ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

Подписной индекс в официальном каталоге Почты России — ПР999

Научные труды Вольного экономического общества России с 2003 года входят в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Публикуемые в Научных трудах Вольного экономического общества России статьи имеют международный цифровой идентификатор DOI, индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) на базе научной электронной библиотеки eLibrary.ru (НЭБ), CrossRef, CiberLeninka, Google Академия.

Тома Научных трудов размещены на сайте ВЭО России (раздел «Библиотека»)
www.veorus.ru